Воспоминания

Леонид Кнубовец

Москва-Нижнекамск

1963-1991 годы

PENSOFT
Sofia–Moscow
2015

ВОСПОМИНАНИЯ

ЛЕОНИД КНУБОВЕЦ

Моим дорогим институтским коллегам и незабываемым Нижнекамцам посвящается

ЛЕОНИД КНУБОВЕЦ

ВОСПОМИНАНИЯ

МОСКВА – НИЖНЕКАМСК, 1963–1991 ГОДЫ

Sofia–Moscow
2015

ВОСПОМИНАНИЯ

Leonid Knubovets
100 Centre str. #601, Brookline 02446, MA, USA
e-mail: lknubovets@yahoo.com

First published 2015
ISBN: 978-954-642-800-4

Pensoft Publishers
Prof. Georgi Zlatarski Street 12, 1700 Sofia, Bulgaria
e-mail: info@pensoft.net
www.pensoft.net

Printed in Bulgaria, December 2015

Оглавление

1. Введение

В этой книге пойдёт речь о Гипрокаучуке, в котором я проработал 28 лет, о его людях и их деятельности. Большая часть книги написана только по памяти без привлечения других каких-либо источников информации. Но, как известно, с годами память слабеет, и это будет причиной того, что я что-то упустил, за что заранее прошу извинения.

Я много встречал людей, занимавшихся по не зависящей от них причине не своим делом. К примеру, у меня в Питере есть дальний родственник, прекрасный поэт. Но в силу непреодолимых обстоятельств учившийся в Горном институте и закончивший его. В Бостоне у меня был близкий друг, типичный гуманитарий, который закончил Горный институт в Москве и всю жизнь проработал в космической области. В Гипро я таких людей почти не встречал. Работающие в институте люди любили институт, работу и дорожили ею. Это были настоящие энтузиасты своего дела, патриоты Гипрокаучука. В институте не было текучести кадров. Был очень популярен слоган: "Из Гипрокаучука не уходят!"

Я думаю, что в жизни огромное значение имеют семья, школа, институт, друзья и наставники. Природа человека и человеческие отношения, ранее не очень интересовавшие меня (может быть, из-за молодости), здесь в Гипро часто заставляли меня задумываться. Как это ни странно, человеческие отношения сказывались на скорости и качестве принимаемых решений. Процесс проектирования – дело коллективное, и от отношений с коллегами зависело многое, если не всё. Первое время мне в институте было очень тяжело. Не зная процесса проектирования, людей, не имея опыта в этом деле, не имея никаких

отношений ни с руководством отделов, ни с рядовыми проектировщиками, работать в институте было очень сложно. Приходилось начинать всё с нуля, преодолевая возникающие сложности. Нужно было выстраивать определенные отношения с коллегами по работе. Без этого работа в институте была бы абсолютно немыслима. Кроме того, мне, человеку, приехавшему из провинции, московский "заносчивый климат" был трудно преодолим. У меня не было общности Судьбы ни с кем из работавших рядом московских коллег. Они здесь учились в школах, заканчивали институты. У них было много друзей и знакомых, в Министерствах, Госстрое, Госплане и т.д. Им было несоизмеримо легче, чем мне. Здесь был их дом. Мне же приходилось завоёвывать площадку в одиночестве. Плюс такие присущие провинциалу черты характера, как застенчивость и скромность, не помогали мне в работе.

Я человек с лёгким характером, с верой в честность и порядочность людей. Я не способен кого-то представить лгуном, обманщиком. Я всегда в людях видел только положительные стороны их характера. Я никогда не стремился к конфликтным ситуациям. Я не скандалист. Я – миротворец. Я всегда следовал старинной русской пословице: "Лучше худой мир, чем добрая ссора". В своей жизни я изредка встречал нечистоплотных людей, пытающихся очернить достойных представителей рода человеческого. Мне это было всегда неприятно. Я никогда не вступал в споры с клеветниками и предпочитал ретироваться, твёрдо оставаясь при своём мнении. После этого я долго терзался, переживал, пытался извлечь для себя из случившегося урок и стремился к самоусовершенствованию. Однако время шло, а я становился всё более застенчивым и одиноким. Каким-то несовременным человеком 20-го века. Мне часто говорили, что я должен был родиться

в прошлом веке, в веке чести, достоинства и уважения к человеку! Видимо, я действительно опоздал родиться! Но, как говорится, се ля ви. Жизнь неслась со скоростью курьерского поезда, исповедуя свои законы, с которыми приходилось считаться. Гипрокаучук меня всему научил: как жить, как бороться за место под солнцем, как дружить и справляться с вызовами Судьбы. Я обязан Гипрокаучуку всей своей Жизнью! Звёздный состав работников института, где каждый был личностью с большой буквы, вселял в меня уверенность в победной поступи Гипрокаучука.

В институте рождались новаторские направления в проектировании: макетно-модельный метод, вычислительная техника, сетевые графики, АСУТП и многое другое. По макетно-модельному методу проектирования Гипрокаучук был ведущей организацией в рамках СЭВ. У института были теснейшие связи с научно-исследовательскими институтами: НИИМСК (Ярославль), ВНИИСК (Ленинград), ВНИИОЛЕФИН (Баку),ВНИИНЕФТЕХИМ и др. Гипрокаучук имел прочные связями со многими проектными организациями бывшего СССР, как-то: Госхимпрект, Промтранснииироект, Электоропроект, Союзводоканалпроект, Гипрогор, Резинопроет, Внииипинефть, Гипрохлор, Гипрогазтопром, Аэропроект (Москва), Южниигипрогаз (Донецк), Теплоэлектропроект (Львов) и другими. Институт имел заслуженный авторитет в Миннефтехимпроме и пользовался большим уважением у заводчан, строителей и монтажников. Институт, празднуя своё пятидесятилетие, был заслуженно награждён орденом Трудового Красного Знамени (1981 г.).

О директоре института, Александре Фёдоровиче Зиновьеве, слагали легенды. Весь стиль, атмосфера дружбы, товарищества и взаимовыручки, бытовавшие в институте

и привитые Зиновьевым, находили живейший отклик у работавших в Гипро, сплачивали коллектив и способствовали его продуктивной работе. Институт являлся прекрасной школой и трамплином для карьерного роста.

2. Поступление в Гипрокаучук

Я проработал в Гипрокаучуке 28 лет, с 1963 до 1991 года, до моей эмиграции в Израиль. Эти годы были очень непростыми и волнительными. Это был главный, основной период моей жизни, отложивший отпечаток на все мои дальнейшие годы. Я пришёл в Гипро осенью 1963 года. Институт к этому времени был уже чётко сформирован и отлично работал. За плечами института было множество проектов различных нефтехимических производств как в Союзе, так и за границей. Институт вёл генеральное проектирование всех предприятий синтетического каучука Союза и вёл разработку проектов в рамках СЭВа. Гипрокаучук в это время работал над проектами в Венгрии, Болгарии и Румынии. Ранее Гипро разрабатывал проекты для Польши и Китая.

Как известно, Гипрокаучук зародился в 1931 году с небольшой конторы. Её создание было велением времени. В те годы были открыты пути получения синтетического каучука и начиналось строительство первых предприятий СК в Воронеже, Ярославле, Ефремове и Казани по процессу, разработанному академиком С.В. Лебедевым (газофазная полимеризация получения бутадиенового полимера). В последующем этот процесс, отслуживший изрядное количество лет, морально устарел и был заменён современным процессом синтеза стереорегулярного полибутадиена, полностью заменяющего натуральный

каучук. Одновремённо ВНИИСКом был разработан процесс получения стереорегулярного полиизопренового полимера (СКИ-3). Именно в это бурное время я и поступил на работу в Гипрокаучук. Это было время большого подъёма в каучуковой отрасли. Строились многие предприятия. Начиналось строительство флагмана индустрии, Нижнекамского Нефтехимического Комбината, ГИПом которого я и проработал 22 года.

Мой приход в Гипро был вполне мотивированным. Я закончил Казанский химико-технологический институт (КХТИ) по специальности технология синтетических каучуков (СК) и 7 лет проработал на Казанском заводе СК. Я имел неоспоримое преимущество перед инженерами, работавшими в институте, так как они, как правило, не имели производственного опыта, а приходили в институт со студенческой скамьи. Кроме того, я в ранге технолога (зам. нач. цеха) строил, пускал и осваивал первое промышленное производство в СССР силоксанового каучука, проект которого был выполнен Гипрокаучуком. Работая в Казани, я по роду своей деятельности сталкивался со специалистами Гипро, бывавшими у нас в командировке. Я думаю, что у них обо мне сложилось благоприятное мнение. Особо я хотел бы отметить моё знакомство с Н.Н. Черновым, главным специалистом Технического отдела Гипро, курировавшим технологию производства силоксановых каучуков, того самого производства, которое я строил, пускал и осваивал.

Переехав из Казани в Подмосковье (Люберцы), я не имел представления о продолжении моей трудовой деятельности. Меня тянуло в науку, называемую кремнеорганикой. Я уже понюхал, что это такое, в Казани. У меня появились какие-то связи с ВНИИСКом, где на опытном заводе отрабатывался процесс синтеза силоксанового каучука. Я побывал в Данково и ознакомился

с производством диметилдихлорсилана – сырьём для синтеза силоксанового полимера. Я много читал технической и научной литературы в этой области, и мне не хотелось терять этот багаж. Наоборот, я хотел углубиться в эту тематику и пойти по научной линии. Я чувствовал эту потребность. Меня влекло это направление в химии. Хотелось что-то открывать, синтезировать и изобретать. Я видел себя начальником какой-то опытной установки, затем кандидатом наук. А дальше я не загадывал. Но, как это часто в жизни случается, она вносит коррективы в твой путь на земле. Прагматика взяла верх. И кто знает, как бы сложилась моя жизнь, если бы в институте 4019, куда я пытался устроиться на работу, мне работу предложили (станция "Новая" по Казанской ж.д. ветке). Может быть, я бы стал научным работником. Житейские проблемы возобладали над моими грёзам, и я по совету моих Гипровских знакомых поступил на работу в Гипрокаучук, где Б.С. Короткевич (Главный инженер института) предложил мне работу в ранге руководителя технологической группы в 5 МТО с окладом 165 рублей в месяц. Группы как таковой не было, в группе я был один. Руководители отдела Чичерин и Виноградов не были в восторге от моего назначения, но смирились с решением Главного. Руководительница технологической группы Трифонова на меня косо посматривала. Тематикой этого отдела была область спецкаучуков. Этот отдел разрабатывал проект производства силоксанового каучука, которое я осваивал в Казани. В то время отдел трудился над проектом 2-ой аналогичной установки, и я был вовлечён в эту работу. На первых порах я отрабатывал ответы на замечания к проекту, которые я составлял, будучи в Казани. Это было забавно и довольно-таки просто, так как я знал все

огрехи проекта, выявившиеся при пуске и освоении 1-ой установки. Работа была скучная и монотонная. Я сидел за столом в большой комнате, где работали молодые девушки, видимо, только что окончившие вуз. Среди этого цветника был лишь один парень – Эдик Чухров. Я стал вторым инженером мужского пола в этом цветнике. К сожалению, многое подзабылось, но лица некоторых девчат я помню и поныне. Нешатко и невалко текла моя трудовая жизнь. Было очень тоскливо заниматься тем, что ты делал 7 лет назад, учась в институте. Все расчеты тогда выполнялись вручную. Основным орудием инженера в то время были счётная линейка и арифмометр. Ужас! Я начал подумывать о другой работе. В 5 МТО я не видел перспективы для роста.

3. Пуско-наладочный Трест

Как-то на Казанском вокзале у доски объявлений я увидел, что в Пуско-наладочный Трест (м. Курская) требуется Главный специалист. Меня это объявление заинтересовало, и я отправился на переговоры. Меня радушно приняли, мы поговорили о работе, я изложил свою трудовую биографию. Она, как мне показалось, руководству треста понравилась, и мне предложили подать заявление о приёме на работу. Что я и сделал. Шутка сказать. Во-первых, Главный специалист Центрального аппарата Треста, во-вторых, оклад 220 рублей в месяц против моих 165 в Гипрокаучуке, интересная работа по моему профилю, командировки по всему Союзу. Всё было очень привлекательно. Но все перечисленные блага как-то не вязались с убогой обстановкой их офиса и неказистостью помещения, где Трест размещался. Вместе с тем, статус был очень высок, приличный оклад, и

вырисовывались хорошие перспективы роста. Взвесив всё за и против, я решил из Гипро уходить и подал заявление об увольнении по собственному желанию. Но меня из Гипро не отпускали. Я ведь был членом партии и состоял на учёте в институтской парторганизации. Меня пригласили на заседание парткома, где рассматривался мой вопрос. На заседании присутствовал директор института А.Ф. Зиновьев, в последующем так много сделавший для меня и моей семьи. Я был напуган и стремился толково обосновать мой уход. Аргументы были следующие: скучная, на студенческом уровне работа, низкий оклад, плохое жильё. На все эти вопросы А.Ф. Зиновьев ответил так: работу дадим другую, с более высоким окладом, а с жильём поможем. Он настоятельно советовал мне не уходить из Гипро. Я попросил мне дать время на размышление. Продолжая работать в 5 МТО, я часто замечал в коридоре засланных казачков из Треста, которые меня тянули к ним на работу. Видимо, я был им действительно нужен, и они связывали с моей персоной какие-то свои планы. Но..., на семейном совете, переговорив предварительно с ребятами из Гипро, были взвешены все за и против, и было принято решение остаться в Гипро. Это оказалось правильным, прозорливым решением!

4. Заместитель Главного инженера проекта

В начале 1964 года, вслед за решением А.Ф. Зиновьева, я был переведён в БГИ (Бюро Главных Инженеров) в должности исполняющего обязанности Зам. Гипа по Казанскому заводу СК и по Нижнекаскому нефтехимкомбинату (НКНХК) в помощь Ю.М Шевякову, работающему ГИПом по этим объектам. В это время после скоропостижной, трагической

смерти первого ГИПа по НКНХК К.П. Клима, Шевякову, ГИПу по Казанскому СК, было поручено руководством института также заниматься и НКНХК. Объём работ у Шевякова резко возрос, и с моим назначением ему должно было полегчать. Однако жизнь внесла существенные коррективы в эти планы. Вскоре после моего назначения, Ю.М. Шевяков надолго выбыл из строя – у него открылся туберкулез лёгких (ТБЦ). Я, без году неделю проработавший в Гипро, не знающий практически ничего в процессе проектирования, не знакомый ни с людьми, работающими в Гипро, ни с работой субподрядных проектных организаций, был вынужден трепыхаться и как-то двигать дела. Я каждый вечер, после работы, мчался к Ю.М. в больницу с докладом и за советом. Мне было очень непросто. Ведь в это время Кама была самым крупным объектом в институте, и проектных работ было не в проворот. Стройка настоятельно требовала срочной выдачи технической документации. До первого пуска ЦГФУ (центральная газофракционирующая установка) оставалось 3 года. В это время обустраивалась строительная площадка, велись работы по строительству БОС (биологические очистные сооружения), дорог, трамвая от города до комбината, водозабора, продуктопроводов из Миннибаево до комбината и многих других объектов инфраструктуры. Строился город Нижнекамск. Всё это требовало проектно-сметной документации. Начиналось строительство основных производственных объектов первой очереди комбината. Одновременно шло рассмотрение проекта у заказчика, проводились необходимые согласования технических решений проекта с надзирающими организациями республики в Казани, в Министерстве, Госстрое и Госплане СССР. Если проект ЦГФУ выполнял наш Новокуйбышевский филиал, то проекты основных производств изопрена, СКИ-3, изомеризации пентана

выполняла Москва, головной институт. Мне приходилось решать массу технических вопросов как внутри института, так и с субподрядными проектными организациями, заказчиком и строителями. Ежедневные мотания к Ю.М. в больницу отнимали уйму времени и, к слову сказать, были малопродуктивными. Я постепенно познавал процесс проектирования, людей, связи между отделами и т.д. Мои поездки к Ю.М. становились всё реже и реже и со временем совсем прекратились. Все решения я стал принимать самостоятельно, взяв всю ответственность на себя. Конечно, по кардинальным вопросам я советовался с Главным Инженером Института Б.С. Коротковичем, со специалистами Технического Отдела и МТО. Вокруг меня сплотилась группа специалистов всех отделов института, занимавшихся соответствующими разделами проекта: ТО, ВиК, Генплан, ОК, СО, ОВ, ПСО и т.д. Я с большой теплотой вспоминаю тесные, взаимно уважительные отношения со многими специалистами института: Е.Я. Мандельштам, Я.Б. Шаинский, Н.Н. Чернов, Н.И. Глейберг, С.Н. Архаров, В.И. Бытина, В.В. Кандалова (ТО), Бурлакова, Раснер (ОК), Маринин, Александрова (Генплан), А.Ф. Барановский, Мертинат (СО), В.В. Мешков, А.П. Ванбина (ВиК), К.П. Максимов (ТО), Б. Богатырёв (ОВ), А.С. Васильев, И.В. Шупер, Пальчик (ПОС), К.И. Свирская, А.М. Гельфгат, Е. Тимковский (4МТО), И.Р. Гольдфарб (Изыскания), В.Н. Марченко (ТО), В.Н. Златкин (1МТО), Л.Ф. Берлин (Зам. Гл. инж. Гипро), Магалиф, Пасс (ОВТ), Монахов, Васина, Фалькович (ПО), С. Карташов (5МТО), Сухорученков (1МТО), Ольшевский (2МТО), со всеми ГИПами и многими, многими другими сотрудниками института.

Процесс проектирования – дело коллективное, и роль ГИПа велика. Он представляет институт на всех уровнях. От его авторитета, знаний, опыта,

напористости, дипломатичности, умения разговаривать с людьми и убеждать их, отстаивать свою точку зрения очень многое зависит.

5. Главный Инженер Проекта

Я проработал в этой должности 22 года. Начиналось всё довольно прозаично. Шевяков, подлечившись, ссылаясь на здоровье, обратился к А.Ф. с просьбой оставить за ним только Казанский завод СК, на котором ничего не строилось нового и работы проектной было мало. Директор вызвал меня и предложил мне возглавить работу по НКНХК в качестве ГИПа. Давая согласие, я понимал, что впрягаюсь в тяжелейшую и долгую работу. Это был настоящий вызов всему моему существу. Но я, то ли по лёгкости характера, то ли по легкомыслию, или от того, что мне очень хотелось испытать себя в экстриме и проверить себя на разрыв, дал согласие. Так, в ноябре 1964 года я стал полновластным хозяином проекта НКНХК. Мне определили оклад 220 рублей в месяц, что уже было неплохо. Открывались большие перспективы для дальнейшего продвижения по работе. Ведь этот комбинат был самой крупной стройкой Министерства и Главкаучука. Работы был непочатый край. Но я не унывал и основательно впрягся в дело моей жизни. Вспоминая те далёкие годы, я до сих пор не могу понять, как А.Ф. Зиновьев предложил мне, проработавшему в институте без года неделю, должность ГИПа по самому сложному и ответственному объекту, каким являлся НКНХК. Как он мог предвидеть, что я справлюсь с этой работой! Как он смог мне доверить эту многоплановую работу? Почему он поверил в меня? Какой же прозорливостью нужно было обладать, чтобы

самый главный объект института и Главка поручить мне! Об этом можно лишь догадываться. Видимо, А.Ф. ценил то, что у меня за плечами был 7-летний опыт работы на Казанском заводе СК. Может быть, он говорил обо мне с А.М. Зенитовым, Главным инженером Казанского завода СК. Может быть, он наводил справки обо мне у Н.Н. Чернова, Ю.М. Шевякова, Шапошникова, Староминского, Рохлина, знавших меня по работе в Казани. Всё это только предположения. Но факт остаётся фактом. А.Ф. Зиновьев принял решение о назначении меня ГИПом по НКНХК, и я думаю, что он никогда не пожалел об этом решении. На комбинате в это время разворачивались работы по строительству 1-ой очереди. Впереди были 2-я, 3-я и 4-я очереди строительства. Были бесконечные командировки в Нижнекамск, Ярославль, Ленинград и другие города Союза. С 1979 года начались командировки и заграницу, связанные со строительством комплекса ПАВ на площадке нефтехимических производств. Но обо всём по порядку.

Первоначальные работы, со времени принятия СМ СССР решения о строительстве НКНХК, выбор площадки, составления ТЭО и Проектного задания выполнялись под руководством первого ГИПа по НКНХК К.П. Клима. Я его не застал. Мне пришлось лишь разбирать ящики его стола, где я обнаружил некоторые интересные материалы, относящиеся к разрабатываемому проекту. После его скоропостижной, трагической смерти, проект НКНХК, как говорится, пошёл по рукам. Одно время этой работой занимался Ю.М.Шевяков, как довесок к его Казанскому объекту. Но это дело не устраивало, как и не устраивало Шевякова. Таким образом, я пришёл к этой работе, когда площадка строительства уже была выбрана и было разработано проектное задание. Как я понял из материалов, принадлежавших перу Клима, он был выдающимся

инженером, заложившим в этот проект очень на то время прогрессивные решения. Это относилось в первую очередь к системе управления комбинатом. Клим предлагал безцеховую структуру управления производством. Он, обгоняя время, видел управление комбинатом по схеме установки-производства-заводоуправление. Он предлагал сократить уровни управления и тем самым уменьшить количество управленческого персонала. Управление производствами замыкалось на руководство комбината и его службы. Клим в проекте исключил ремонтные цеховые службы. Все серьёзные ремонтные работы (ППР) он предлагал осуществлять централизованной службой Главного механика. Текущий ремонт предлагался выполнять силами незначительного числа цеховых ремонтных работников. Все эти новации выглядели очень современно и приближали проект к западным образцам. Если бы ещё добавить систему автоматизации технологическим процессами с микропроцессорами и мнемосхемами, с системой сигнализации убежавших параметров, то это был бы первоклассный проект.

На мою долю выпало осуществить выделение из состава проекта его первой очереди, провести необходимые согласования и утверждение проекта. Кроме того, мне было необходимо осуществлять авторский надзор за строительством и, конечно, решать все возникающие в процессе строительства вопросы. Запомнилась настоящая баталия с дирекцией строящегося комбината по вопросу системы управления и штатного расписания. Дирекция настаивала на заводской системе управления, аналогично существующей на предприятиях отрасли: дирекция завода — цеха и соответствующие службы. Дирекция комбината предлагала в составе 1 очереди строительства создать несколько заводов:

1. Газовый завод в составе двух блоков ЦГФУ, цеха изомеризации пентана, водородной установки и складов сжиженного газа.
2. Завод изопрена в составе цехов дегидрирования изопентана и изоамиленов, цеха выделения и очистки изопрена.
3. Завод СКИ-3.
4. Завод бутилкаучука в составе цеха дегидрирования изобутана, цеха выделения и очистки изобутилена и цеха получения собственно бутилкаучука.

Их предложения также затрагивали вопросы ремонтных служб, водоснабжения и канализации, связи, транспорта, заводоуправления и т.д. Эти предложения в корне ломали предложенную Гипрокаучуком систему управления. Видимо, предлагаемые в проекте новшества были несколько преждевременны, их время ещё не пришло. Руководители комбината руководствовались соображениями надёжности системы управления. Их предложения утяжеляли схему управления, делали её многоступенчатой и требовали большего числа управленческого персонала. Гипрокаучук повоевал, повоевал и в конечном итоге согласился с предложениями дирекции комбината, найдя компромиссное решение по численности обслуживающего персонала. Жизнь подтвердила эффективность и жизненность предложенной дирекцией комбината системы управления. В последующем все вновь строящиеся производства комплекса заводов СК использовали эту модель управления.

Приняв на себя все тяготы ГИПовской работы по НКНХК, я столкнулся с некоторыми нюансами:

1. Проект 1 очереди строительства не был утверждён, и строительство комбината

осуществлялось по льготному финансированию, санкционированному Миннефтехимпромом по согласованию с Госпланом СССР.

2. Состав производств 1 очереди НКНХК не был определён. На первоначальном этапе строились объекты инфраструктуры, склады, БОС, водозабор, дороги, трамвай и т.д. ТЭЦ1 не входила в состав комбината, и она строилась Минэнерго за счёт собственных ассигнований. Всё остальное, включая город Нижнекамск, строилось за счёт Миннефтехимпрома.
3. Для нормального хода строительства и его финансирования требовалось выделить из проекта, выполненного Гипрокаучуком 1-ю очередь строительства. Провести в установленном порядке все необходимые согласования и утвердить проект в Госстрое СССР. В конечном итоге, в состав 1 очереди строительства НКНХК были включены следующие объекты: продуктопровод (две нитки по 250 мм в диаметре) широкой фракции от Миннебаево до комбината протяжённостью 120 км, два блока ЦГФУ общей мощностью по переработке 1.5 мн. тонн в год, производство изопрена мощностью 60.0 тыс. тонн в год, производство каучука СКИ-3 мощностью 60.0 тыс. тонн в год, производство бутилкаучука мощностью 35.0 тыс. тонн в год, установка изомеризации пентана, производство водорода гидролизом воды, склады сжиженных углеводородов, БОС, водозабор, терминал для разгрузки оборудования, дороги, эстакады, градирни, подземные водоводы и т.д. Сводная смета составляла 170.0 млн. рублей. При реализации этого проекта комбинат становился

крупным поставщиком сжиженного пропана. Внутри комбината использовались изобутан, пентан и изопентан. Недостающее количество изопентана производилось за счёт изомеризации пентана. Линии производств выглядели следующим образом: Изобутан – изобутилен – бутилкаучук; пентан – изопентан – изопрен – СКИ-3. Производства мономеров (изобутилен, изопрен) и бутилкаучука проектировались на основании регламентов Ярославского института НИИМСК, производство каучука СКИ-3 – на основании разработки ВНИИСК.

Проект 1-й очереди строительства прошёл успешно все необходимые согласования с республиканскими надзирающими организациями и дирекцией комбината и был утверждён. Стройка зажила беспокойной, бурлящей жизнью и стала абсолютно легитимной.

6. Зам. Главного Инженера Гипрокаучука

Я проработал в должности Заместителя Главного Инженера института 5 лет, с 1986 по 1991 год. Во второй половине 80-х годов в институте началась смена руководства. Стали уходить сначала на пенсию, а затем и в другой мир наши корифеи. Директором института вместо Зиновьева был назначен А.П. Никандров, Главным инженером вместо Короткевича - В.А. Андреев. С уходом на пенсию Зам. Главного инженера Ю.А. Шмука освободилась эта вакансия. Никандров, уже вступивший на директорский пост, предложил мне занять это место. Я долго колебался. Мне не хотелось бросать Каму и работать под Андреевым, с которым у меня не было

взаимопонимания. Мне больше подошла бы работа на посту Зам. директора института. Однако все позиции этого ранга были заняты и поэтому Никандров не мог мне ничего другого предложить, как пост Зам. Главного инженера института. Я понимал, что 22 года моей бесконечной "пахоты" на благо института и НКНХК нужно было когда-то кончать. С другой стороны, переход в руководство института открывал новые горизонты. Это всё равно, что переход на другую, более высокую орбиту. Предлагаемая работа имела свои плюсы: большие возможности, новая, интересная сфера деятельности, более высокий статус и,наконец, более высокая зарплата. Я одновременно становился Председателем институтской премиальной комиссии. В мои обязанности входило руководство БГИ и филиалами. В этот период события в институте развивались очень бурно. Стратегия перестройки в стране, направленная на повышение эффективности народного хозяйства, затронула и нас. Открылись границы, увеличился приток капитала. В Россию потянулись иностранные компании и инвесторы. Многие стремились закрепиться на российском "девственном", бездонном рынке. Стали создаваться совместные предприятия с иностранными фирмами. Гипрокаучук, долгие годы сотрудничавший с итальянской компанией "Прессиндустрия" (Милан), оказался вовлечённым в работу по созданию производства бутил и галобутил каучуков на Тобольском НХК в рамках совместного предприятия "Совбутитал". С российской стороны учредителем этого предприятия выступал Тобольский НХК, с итальянской – фирма "Прессиндустрия". Гипрокаучук по договору с Тобольским НХК выполнял многофункциональные задачи: составление технических приложений к контракту, совместная с "Прессиндустрией" разработка экономического

обоснования строительства этого производства, приёмка технической документации от “Прессиндустрии”, разработка строительной части проекта и многое другое. Я был назначен Главкаучуком ответственным от российской стороны за выполнение проекта. Я был также введён в состав Правления “Совбутитала”. Работа была сложная и ответственная. Фирма “Прессиндустрия” наняла американских специалистов, ранее работавших в США на аналогичной установке, принадлежащей Хаммеру, закрытой к тому времени по каким-то причинам. Эти специалисты помогали ”Прессиндустрии” разобраться в хитросплетениях технологии синтеза галобутилкаучуков. Кроме того, “Прессиндустрия” построила опытную установку, на которой отрабатывала технологию синтеза этих каучуков. Я очень много времени уделял этой работе. Я участвовал во всех заседаниях Правления “Совбутитала” как в Москве, так и в Милане. Фирма “Прессиндустрия” решила вопрос финансирования строительства этой установки и разработки проекта. Она смогла получить от консорциума английских банков кредит в сумме 300.0 млн. ам. долларов (если я не ошибаюсь) на закупку оборудования, автоматики, материалов и разработку проекта. Тобольский НХК финансировал строительно-монтажные работы, предоставлял площадку со всеми необходимыми коммуникациями, обеспечивал поставку всех видов энергии и обслуживающий персонал. Было очень много встреч, обсуждений, споров и тяжёлых решений. В частности, я помню наш переговорный “марафон” на фирме. Мы заседали весь светлый день, затем был короткий перерыв на обед и далее вновь продолжение переговоров. Они затянулись до 10 часов вечера, но не закончились. Затем была ночь отдыха и беспокойного сна, а с утра все вновь были за столом переговоров. Отчаянные споры были

вокруг агрегатов выделения полимера. Тобольчане хотели, чтобы эти агрегаты поставила фирма, а фирма настаивала на обратном. Россия в принципе могла изготовить такое оборудование. Уралхиммаш к этому времени наладил выпуск такого типа агрегатов вполне сносного качества. Их обкатку производили на НКНХК. Нужно сказать, что на Нижнекамскнефтехиме уже давно работала промышленная установка синтеза бутилкаучука, где полимеризаторы (сердце процесса) были изготовлены и поставлены фирмой "Прессиндустрия". Так что опыт в этой части у российской стороны был большой. Я пишу так много об этой стороне моей деятельности, потому что эта работа отнимала много времени, но ведь, кроме этого, было полно рутинных дел, как например: переаттестация сотрудников института, работа Премиальной комиссии, работа с БГИ и филиалами. Работа на этом посту требовала ежедневного общения с директором института, Главным инженером, моими бывшими коллегами по БГИ и отделами института. Как-то так сложилось, что я больше общался с директором института, нежели с Андреевым. Наше неслаженное взаимодействие с Андреевым имело свои корни. Он был хорошим инженером, но в человеческих качествах оставлял желать лучшего. Он был противоречивый человек. Если можно так сказать, он был узурпатором и диктатором, желающим всё и всех подмять под себя. Он хотел доминировать во всех работах, связанных с иностранными компаниями. Он добивался этого и в проекте "Совбутитала". Дело о руководителе проекта даже рассматривалось в Главкаучуке. Только благодаря решению Сазыкина (Нач. Главкаучука), я был утверждён руководителем этой работы. Даже после этого Андреев требовал от меня доклада о состоянии дел. Меня это раздражало, но, как говорится, се ля ви. Он был Главный, а

я Заместителем Главного. Вот так мы и сосуществовали. Делу это не помогало, а только вредило.

У меня было несколько командировок в Тобольск. Один раз я был там с представителями фирмы "Прессиндустрия": Паоло Странео, его помощница и переводчица Регина Чичелия и ещё один мужчина из руководства компании, фамилию которого я не запомнил. Экзотика этих красивых сибирских мест очень понравилась итальянцам. Им была устроена экскурсия по городу и осмотр музея, в котором в то время экспонировалась передвижная фотовыставка под названием "Красота". Там были представлены изумительные женские портреты, мастерски выполненные, в очень сексапильных позах, в интересном ракурсе и расцветке. Итальянцы загорелись желанием приобрести некоторые работы. Но им сказали, что работы с выставки не продаются. Так что российская красота осталась в России и не доехала до Милана. Итальянцам показали площадку, где должна была размещаться установка, сделали экскурсионный облёт территории на вертолёте. Показали акваторию реки Тобол в районе его впадения в реку Иртыш. Устроили итальянцам русскую баню с великолепным ужином. Тобольчане итальянцев не удивили, но порадовали своим отношением к делу и гостеприимством. Было много деловых встреч, на которых обсуждались насущные проблемы "Совбутитала". Итальянцы улетели в Милан, полные оптимизма и удовлетворённые увиденным.

Кроме этой работы у меня была большая работа, связанная с продажей технологии производства бутилкаучука индийской компании "Моди". Эта история заслуживает пояснений. Индийская сторона, как потом мне стало известно, выполнила краткое исследование рынка бутилкаучука. Этой работой было показано,

что та компания, которая построит установку по производству бутилкаучука, образно говоря, озолотится. Вслед за этим многие нефтехимические индийские компании стали интересоваться этим процессом. В итоге они смогли получить предложения от американцев и от нас, эксплуатирующих подобные производства. Американцы за ноу-хау и технологию запросили 90 млн. ам. долларов, а мы – 30 млн. ам. долларов. Фирмы "Моди" выбрала нас и запросила Миннефтехимпром продать им технологию процесса. Начались переговоры. В 1987 году группа специалистов Гипрокаучука вылетела в Дели для сбора исходных данных для разработки проекта. Была проведена большая работа. Нас ознакомили с площадкой для строительства. Она размещалась на НПЗ в городе Визакхапатнаме, на самой южной оконечности Индии, на площадке, прилегающей к Бенгальскому заливу Индийского океана. Стороны подписали протоколы. Фирмой была созвана пресcконференция, на которой я как руководитель группы Гипрокаучука и господин Чакроварти, руководитель проекта фирмы "Моди", произнесли свои краткие речи. Всё не предвещало неожиданной концовки. Но это случилось. Совершенно неожиданно фирма потеряла всякий интерес к продолжению дела, и оно умерло. Было очень жаль потраченных впустую усилий!

Из моей работы в качестве Зам. Главного инженера института мне запомнилась поездка в Воронеж, в наш филиал. Там я контактировал с Зам. Главного инженера Евгением Нефёдовым. Мы отлично находили точки соприкосновения, так как мне показалось, что мы оба вроде как бы одной крови.

Женя очень любил музыку, поэзию, театр. Он был разносторонне образован и интересен мне по многим статьям.

А в июле 1991 года у меня случилась командировка в США с группой специалистов нашего Министерства. Мы летели в Штаты для изучения американского опыта в маркетинге и менеджменте. Об этой командировке я писал в первой книге воспоминаний и не буду здесь повторяться. В декабре 1991 года я эмигрировал в Израиль. Так закончилась моя 35 летняя трудовая деятельность на российской земле.

Мне известно, что установка по производству бутил и галобутил каучуков на Тобольском НХК так и не была построена, несмотря на то, что всё оборудование и материалы были поставлены. Совместное предприятие "Совбутитал" по неизвестной мне причине приказало долго жить. Видимо, бурные процессы тех лет, сотрясавшие Россию, были причиной изменения стратегического направления развития Тобольского нефтехимического комбината. Насколько мне известно, на комбинате решили строить многотоннажные производства полимерных материалов.

7.Структура института

На нижеприведённой схеме показаны все отделы и подразделения Гипрокаучука. Сбалансированность состава подразделений института была проверена на практике и подтвердила её правильность. За каждым из МТО была закреплена соответствующая тематика. Это позволяло работникам отделов специализироваться во вполне определённой области.

Весь набор подразделений института был подчинён одной цели – своевременному выпуску технической документации высокого качества. Общая численность работников Гипрокаучука в Москве была порядка

Главны инженер Б. С. Короткевич	Директор А. Ф. Зиновьев	Зам. Директора Н. С. Балакирев	Гл. Диспетчер А. Е. Голлер	
Зам. Гл. Инж. Ю. А. Шмук	Зам. Гл. Инж. Л. Ф. Берлин	Секретарь Г. Д. Вильдман	Зам. Директора С. Т. Петухов	Зам. Директора Е. А. Табеев
Зам. Гл. Инж. Е. А. Теплицкий	Зам. Директора В. Н. Сазонов	Канцелярия	Зам. Директора З. П. Грушевский	Зам. Директора Т. В. Башкатов
Строит. отдел. А. Ф. Барановский	Техотдел В. Студеникин	БГИ	Отдел кадров А. П. Морозов	I отдел Н. Н. Донская
ОВ Б. Богатырёв	ОТЗ А. П. Башкиров	ППО В. Д. Васина	Кабинет проектов Блохин	Архив С. М. Бердичевская
Копирбюро В. Чумина	Множит. техника А. Корнеев	Генплан Боровков	ОВС В. В. Мешков	ОК М. Н. Яковлев
Эконом. отдел А. Яковлев	Патент. отдел Б. Кульберг	Бюро перев. В. Крюков	ПСО И. В. Шупер	ПКО А. М. Перельман
Лаб. Экон. Исслед. А. П. Никандров	Лаб. Моделир. оборуд. У. А. Мамедов	Отдел оборудования М. Е. Бережковская	Отдел Изысканий Я. Пипиков	
МТО1 В. А. Сухорученков	МТО2 Ю. П. Русаков	МТО3 В. Панов	МТО4 Ю. М. Рохлин	МТО5 С. И. Карташов
Енергоотдел Аксёнов	Отдел Гл. Механика С. Н. Архаров	Отдел КиП А. Климакин	ОВТ Магалиф	М. М. Проект. А. С. Шаронов
Воронежский филиал Степанов	Новокуйбышевский филиал В. Н. Сазонов, Ю. Н. Бочаров	Уфимский филиал		
Казанский сектор Н. Е. Барков	Нижнекамский сектор В. Н. Марченко	Тольяттинская группа Ю. М. Сиваков	Волжская группа Браиловский	
Тобольская группа	Ленинградский сектор	Уфимская группа		
Сумгаитская группа				

1000 человек. Ещё 2000 человек трудилось в наших филиалах (Воронеж и Новокуйбышевск). В целом, институт представлял собой монолитное объединение единомышленников, способное выполнять любые задачи, стоящие перед ним по разработке и обеспечению проектно-сметной документацией бурно развивающейся в то время отрасли СК и других нефтехимических производств.

Отмечая в 2001 году 70-летие института, я писал:

Сегодня в Гипро Юбилей, На Ибрагимова чудесная погода,
Сегодня праздник Гипровского рода и множества его друзей!
Прошли года, сменилось поколенье, воды порядком утекло,
Но стиль, рождённый Зиновеем, чредой годов не унесло.
Зиновьев, Короткевич, Шмук, мы знали - их не подомнут,
Мы верили им свято, свою Судьбу вверяя тем ребятам.
Как рыцари без страха и упрёка, свою работу впрямь боготворя,
Они, наш Гипро поднимая, стояли крепко у руля.
Созвездьем личностей, талантливых, неукротимых, наш Гипро был всегда силён, он был для многих эталон.
Всегда открытый к спорам, лояльный к мненьям оппонентов,
Наш Гипро шёл достойно дорогой созиданья - экспериментов.
Умел свои отстаивать мненья, себя заставить уважать,
Умел сражаться за решенья и в важных спорах побеждать.
Наш Гипро был как запевала, в его анналах брал начало
Модельный метод очень смело и разрослось компьютерное дело.
О Гипро знают континенты, во многих странах Гипро знаменит,
Наш институт визитка за кордоном, и это за себя о многом говорит.
Создатель целой индустрии, он автор многих новостроек,
Трудился, рос и жил одною дружною семьёю.
Умел трудиться, веселиться, в спортивных битвах побеждать,
На Икше радоваться жизни и по грибы в субботу уезжать.
Нет, никогда нам Гипро не забыть, мы будем помнить о тебе вовеки, ведь в Гипро прожитая жизнь как вечный Праздник на планете.
Тебе тридцатника до ста не хватает, но я уверен, что Гипро это одолеет, что Гипро дошагает!
Живи же здравствуй и борись, какие б катаклизмы в мире не стряслись!

Мне посчастливилось работать в первоклассном институте. По моему мнению, и не только моему, Гипрокаучук в системе Миннефтехимпрома был институтом номер 1. Ему обычно поручались Министерством и Главком самые сложные объекты. Гипро был неоспоримым лидером во многих новациях, рождаемых в его стенах. Это предопределяло вес и значимость института, его высокие потенциал и репутацию. Как я уже упоминал ранее, Гипрокаучук вёл проектирование ряда зарубежных объектов. Начиная же с периода перестройки в Союзе, Гипркаучуку поручило Министерство большую работу с иностранными компаниями США, Франции, Италии, Германии по созданию крупнейшего комплекса нефтехимических производств на Тобольском Нефтехимкомбинате и комплекса ПАВ на Нижнекамском НХК. Эти работы, требующие большого опыта, знаний и таланта от проектировщиков, а также большой эрудиции, знания отечественных норм, отличного знания вопросов техники безопасности могли быть выполнены только специалистами высокой квалификации. Этим обстоятельством и руководствовалось Министерство, поручая Гипрокаучуку выполнение вышеперечисленных работ.

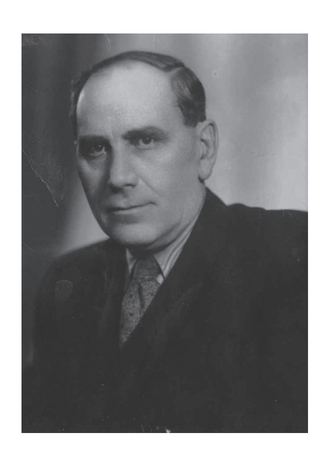
Во многом это определялось личностью нашего руководителя А.Ф. Зиновьева. Рассуждая о роли личности в истории, мне приходит на память выражение отца всех народов: “незаменимых людей нет!” Однако ход событий опровергает это изречение. Известны имена многих людей, которые своей деятельностью и всей своей жизнью творили историю. Мне кажется, что имя Александра Фёдоровича Зиновьева, одного из создателей отечественной отрасли синтетических каучуков, по праву может быть поставлено в ряд выдающихся людей Союза.

Зиновьева в институте уважали, любили и побаивались. Он порой бывал крут в своих решениях, но в большей части справедлив. Он был великий строитель и прекрасный руководитель. Он пользовался непререкаемым авторитетом как среди отечественных, так и зарубежных специалистов. Широкая его натура требовала выхода, выплеска в застолье, в песне, в играх (шахматы), в дружеской беседе и т.д. Ему было нужно общество, он не выносил одиночества. Он любил многообразие жизни! Он очень ярко горел, всего себя отдавая любимому Делу, Семье и Друзьям!

Зиновьев был умнейший босс,
Ломая представленья о возможном,
Он Гипро до небес вознёс
И сделал это прочно и надёжно.
Он лидер был во всём,
Блистал в познаниях глубоких,
И всё держалося на нём,
На Сашиных плечах широких.
Он Патриарх крутейшего замеса,
С ним мало кто сравниться мог.
И даже ветеран, всё знающий на свете,
Считал, что Фёдорыч воистину как Бог!
Он плоть от плоти сын народа,
В нём было море чистоты,
Он не пускался вплавь, не зная брода,
И никогда не уступал в боях добытой правоты.
Зиновьев истинный Воитель
За Правду, Справедливость и Добро,
Он был наш Гипровский Родитель,
Дающий нам Надежду и Тепло.
Он множество домов настроил,
Где Гипровский народ комфортно жил,

Он из конторы Институт построил
И сердце целиком на Икшу положил.
Фигура широчайшего размаха,
Умнейший, справедливый человек,
таящий множество талантов,
Нам не забудется вовек!

А.Ф. любил и умел создавать вокруг себя обстановку талантливого поиска и реализации задуманного. Он подбирал помощников не по паспорту и анкете, а только по деловым качествам. Ярким примером тому может быть мощная фигура его Заместителя по гражданскому строительству, Михаила Александровича Рейтмана.

Это был интереснейший человек, прошедший "огни и воды и медные трубы". Он работал в Гипрокаучуке с 1954 по 1979 год. Его послужной список, его трудовая биография очень впечатляют. Михаил Александрович в 1920 году окончил строительный факультет МВТУ имени Н.Э. Баумана, влившегося позднее в МИСИ имени В.В. Куйбышева. В качестве инженера-строителя Михаил Александрович

работал в разных точках страны: от строительства общественных зданий в Махачкале до строительства аэродромов на Дальнем Востоке под командованием Маршала Советского Союза В.К. Блюхера. Во время Великой Отечественной войны М.А. был мобилизован в Сибирь для реконструкции и приёма заводов из Донбасса.

Для строительства и консультаций по комплексу высотных жилых 16-этажных зданий, три из которых соединены продовольственным магазином, и 25-этажного дома на Измайловском шоссе М.А. Рейтман привлёк знаменитого советского архитектора Б.М. Иофана (архитектор Иофан был автором проекта Дворца Советов и проекта Жилого комплекса ВЦИК-Дома на Набережной, как назвал его писатель Юрий Трифонов). Ещё нужно отметить строительство замечательного пансионата "Жемчужина" на Икшинском водохранилище. Достижения Гипрокаучука за время работы там М.А Рейтмана помогли во многом решить проблему жилья и отдыха для сотрудников института. М.А. Рейтмана любили за честность, неподкупность, доброту, способность протянуть руку помощи в трудную минуту и абсолютное бескорыстие.

А.Ф. Зиновьев остро ощущал необходимость в производственных помещениях, добротного жилья для сотрудников института, условий для оздоровления коллектива как в Москве, так и на Икшинском водохранилище. Он очень много личного времени уделял этим вопросам. И результаты ярко говорят сами за себя:

- Пансионат "Жемчужина" на Икшинском водохранилище,
- четыре 16-этажных жилых корпуса по Щербаковской улице,
- 25-этажный дом на Измайловском шоссе,

- Жилой дом на Фортунатовской улице,
- Жилые дома на Зверинецкой улице,
- Дом в Люберцах для сотрудников с областной пропиской,
- Реконструкция и расширение производственных помещений,
- Конференц-зал с отделкой армянским розовым туфом,
- Игровой спортивный зал.

Всё это было любимым детищем А.Ф. Зиновьева. Его кипучая энергия, задор и талант позволили сплотить коллектив института, сделав его первоклассной проектной организацией.

Из воспоминаний о Зиновьеве я мог бы выделить некоторые события, которые, как мне кажется, наиболее полно характеризуют его широчайшую натуру талантливого человека во всём её многообразии:

- как он радовался успехам институтской самодеятельности и победам институтских спортивных команд на соревнованиях.
- как настойчиво он добивался финансирования в Министерстве на строительство жилья для сотрудников института, строительство вычислительного центра и реконструкции производственного здания.
- как он самостоятельно делал эскизы и устраивал разносы за задержку выдачи чертежей по Икше.
- как он передавал инженеров строительного отдела в Гипрогор для ускорения разработки чертежей по жилым зданиям.
- как он любил русские народные песни. Он часто

приглашал жену одного работника института (Гниленков), у которой был неплохой голос, попеть в застолье.

- как он убеждал меня, что я понапрасну теряю время в Гипро, что мне необходимо учиться вокалу, так как у меня, с его точки зрения, есть к этому задатки.
- как он обожал волжские просторы. Он любил тихоходным пароходом проплыть от Казани до “Красного Ключа” на Каме (пристань Нижнекамска). Побыть в атмосфере корабельных запахов, красот волжских берегов и беготни на остановках.
- как он был непреклонен, когда я просил его вместо меня в 1983 году включить в список лауреатов Премии СМ СССР Тройно В.И., моего помощника. Ответ Зиновьева был однозначен:” Нет. Только ты”. Несмотря на то, что это уже была моя вторая награда.
- как он осенью 1973 года направил ко мне корреспондента газеты” Социндустрия” для интервью по поводу Премии СМ СССР за выдающиеся проекты и строительство по ним.
- как он принимал иностранные делегации.
- как он советовал Н.В. Лемаеву согласиться с назначением его Генеральным директором НКНХК, обрисовывая ему перспективы строительства этого флагмана индустрии.
- как его уважали и ценили все директора предприятий СК Союза.

А.Ф. Зиновьев был абсолютно неординарным человеком. По сути, его натура, работоспособность, талант инженера, увлечённость делом, которому он отдавался без остатка, являли собой пример беззаветного служения

делу создания отрасли Синтетических Каучуков в СССР. Он был настоящим Патриархом отрасли. Начиная с 1931 года, в течение пяти десятилетий А.Ф. Зиновьев служил делу своей жизни, будучи эталоном абсолютной преданности выбранному пути. Он очень ярко горел. Люди верили ему и тянулись за ним. Он воспитал целую плеяду молодых энтузиастов, патриотов Гипрокаучука. Сотрудники филиалов Гипро, секторов и групп института на местах всегда относились к Зиновьеву с огромным уважением и любовью. Он создал целую сеть из проектного института. Он пестовал новаторские направления в проектировании. Он очень остро чувствовал необходимость реформирования проектного дела. Модельное проектирование и вычислительная техника продвигались в институте, благодаря его неусыпному контролю и участию. Новый вычислительный центр, построенный и оснащённый по последнему слову техники, целиком и полностью его заслуга. Зиновьев понимал необходимость более широкого внедрения вычислительной техники и макетного дела. Он приветствовал разработку макетов генпланов предприятий. Я хорошо помню макет НКНХК, выполненный отделом генплана и макетным отделом. Он выполнялся по заказу НКНХ и долго служил им как наглядное пособие при строительстве и монтаже производств. Помню совещания при обсуждении компоновок оборудования, поиска более рациональных решений отдельных цехов. Макет позволял наглядно, с привлечением главных специалистов находить наилучшие решения. Макетно-модельное проектирование резко повышало качество выпускаемой техдокументации. В конечном результате, макет упаковывался и отправлялся заказчику. На стройке он выставлялся с оборудованием, трубопроводами и служил строителям и монтажникам

наглядным пособием при монтаже, повышая его качество и сокращая сроки строительства.

Наряду с А.Ф. Зиновьевым, Б.С.Короткевич,Главный Инженер Гипрокаучука, был превосходным техническим лидером института. Борис Сергеевич вместе с Зиновьевым составляли прекрасный тандем, определяющий стиль и дух института. Высокообразованный, прекрасный инженер, кандидат технических наук, Короткевич Б.С., являлся ярким лидером во всех технических новациях института. Он был прекрасный инженер и наряду с Зиновьевым стоял у истоков создания в СССР промышленности по производству синтетических каучуков и мономеров для них. Он пользовался непререкаемым авторитетом во всех научно-исследовательских организациях и на предприятиях отрасли. На всех отечественных предприятиях, выпускающих синтетические каучуки, есть большая доля его труда. Он автор большого количества патентов и изобретений. В институте его все любили. Он был прост в общении. Каждый, желающий получить дельный совет, имел возможность встретиться с ним и поговорить. Борис Сергеевич достойная и ярчайшая фигура в отечественной промышленности синтетических каучуков. Благодаря его титаническому труду в СССР была создана мощная промышленность по производству стереорегулярных синтетических каучуков, полностью заменяющих натуральный каучук. Борис Сергеевич совершенно заслуженно был отмечен Правительством Страны, присудившей ему Ленинскую премию.

О руководителях Гипрокаучука мною написаны следующие строки:

Зиновьев Александр Фёдорович

Зиновьев в памяти остался навсегда
Как добрый, справедливый человек.
О нём кричат его дела,
Оставившие след навек!

Он не боялся никого
И власть умел употребить,
Но если полюбил кого,
То мог Судьбою наградить!
Не побоюсь сказать такое слово,
Зиновьев выше эталона,
Он наш Родитель и Воитель,
Он дел великих Победитель!

Короткевич Борис Сергеевич

Сергеич – крёстный мой отец,
Он нас спасал от разных бед,
Душа его была чиста,
Как родниковая вода!

Борис был наш Учитель,
Наш Вдохновитель и Спаситель,
В нём высока была над нами власть,
Но никому из нас он “не помог” упасть.

Шмук Юрий Александрович

Он был разносторонне образован,
Красив, умён, неудержим,
Он в наставленьях был раскован,
А в осуждениях неумолим.

Никандров Алексей Павлович

В обвальное время он стал у руля,
К тому же сменивши Титана,
Не в силах Алёшиных было
Спасти наш дом от бедлама!

Берлин Лев Филиппович

Умнейший и тишайший,
Наш Лёва глас не напрягал,
Натурой был вперёд смотрящей
И всем в расчётах помогал.

Петухов Сергей Тимофеевич

За Филиалы он стоял горой,
Был смелым и неповторимым.
Он как былинный, сказочный герой
Всех доставал энергией неукротимой.

Теплицкий Евгений Александрович

Для Гипро Женя знаковый сюжет,
В любом проекте есть его заслуга.
Он славный малый, наконец,
Что подтверждает его милая супруга.

Сазонов Владимир Николаевич

Он был умён, немногословен,
Рассудочен, несквернословен,
Он многое умел,
За Гипро страстью горел.

Табеев Евгений Ахметзянович

Он не любил застой,
Златой мужик был с нами,
Его манил всегда покой
И беляши в Казани.

Грушевский Зиновий Петрович

Надобно о нём слагать баллады,
Он – Титан, он Гипровский герой,
Он не гнался за дешёвой славой,
Но везде был парень свой!

Башкатов Тихон Васильевич

Он многое на Свете повидал,
Каучуку всю жизнь отдал.
АСУТПе стала песнью его лебединою,
Где зрелость и опыт слились во единое!

Голлер Арон Ефимович

Он радетель и спаситель,
От бед разных избавитель.
Наш Арон был Человек
Нам даривший в Гипро свет!

Морозов Анатолий Петрович

Морозов был душевный малый
И Икшу плотно заселял,
Авторитет он приобрёл немалый,
Когда дешёвые путёвки раздавал.

8. Диспетчерская служба

Голлер Арон Ефимович – Главный диспетчер института. Добрейший, светлый человек, желавший всем добра. Он всегда хотел, чтобы в нашем "доме" царил мир. В институте была хорошо организована служба проверки исполнения принятых решений. Каждую пятницу, с 9 до 10 утра, в специальном

помещении, предназначенным для проведения диспетчерских совещаний, а также для проведения техсоветов и рассмотрения проектов, проводились совещания с участием всего командного состава института. На совещании обычно присутствовало до 50 человек. Эти совещания были хорошо подготовлены, где главную скрипку играл Арон Ефимович. Он загодя обзванивал ГИПов и начальников отделов, а порой и исполнителей, предупреждая о готовящемся вопросе, выяснял обстоятельства дела и обстоятельно докладывал о нём на совещании. Обычно диспетчерские совещания проводил А.Ф. Зиновьев, а в его отсутствие – Б.С. Короткевич. Все сотрудники института очень боялись этих совещаний, так как "выволочка" на них была на виду у всех и морально сильно давила на психику. Все сотрудники, участвующие в этих совещаниях, начальники отделов, ГИПы и руководство института придавали большое значение этим совещаниям и ответственно к ним относились. На них рассматривались сроки выполнения проектов, взаимные претензии руководителей отделов друг к другу и т.д. Принимаемые на совещании решения протоколировались, и протоколы совещаний с поставленными задачами раздавались исполнителям. И так регулярно, без срывов, каждую неделю. Эта "Голгофа" держала в тонусе всех участников процесса проектирования, не позволяя расслабиться. Во всём и в этом, в частности, была видна направляющая рука прекрасного руководителя института А.Ф. Зиновьева.

9. Технический отдел

Технический отдел (ТО), мозговой центр института, располагал созвездием специалистов самой высокой пробы. Каждый из них в совершенстве владел курируемой им

темой. Некоторые из специалистов были кандидатами технических наук, начиная с Главного Инженера Института Б.С. Коротксвича, который являлся так же Лауреатом Ленинской Премии, присуждённой за разработку технологии синтеза стереорегулярных полимеров полностью заменяющих натуральный каучук. Основная масса главных специалистов была превосходно инженерно подготовлена, прошла большую школу проектного дела и имела хорошую репутацию как в научно-исследовательских институтах, так и на предприятиях отрасли. Такие специалисты, как Е.Я. Мандельштам, В.И. Бытина, Н.И. Глейберг, Н.А. Скачкова, К.П. Максимов, Боголепова, В.Н. Марченко, Н.Н. Чернов, В.Д. Кандалова, С.Н. Архаров и многие другие составляли золотой фонд института. Каждый из них в своей области сделал очень много, чтобы процессы синтеза мономеров (изобутилен, дивинил, изопрен) и полимеров (полибутадиен, бутилкаучук, полиизопрен) были успешно запроектированы и реализованы в промышленном масштабе.

Технический отдел был как бы флагманом эскадры, штурмующей беспокойное море поисков, находок и свершений.

Он был форпостом Гипрокаучука, от которого многое зависело в правильности выбора стратегии развития отрасли, технологических схем и аппаратурного оформления процессов. Технический отдел всегда был на передовом рубеже, тесно сотрудничая, с одной стороны, с научно-исследовательскими организациями, а, с другой, с монтажно-технологическими отделами Гипро и заводчанами. В недрах Технического отдела рождались смелые и перспективные идеи, которые шлифовались в совместных обсуждениях с работниками НИИ, заводчанами и специалистами МТО. Это было особенно важно при разработке новых процессов, когда НИИ отрабатывали детали синтезов в лабораториях и на модельных,

опытных установках. Задачей же наших специалистов было найти верные решения, смоделировав процессы на промышленных, крупнотоннажных установках. В этой части многие технические решения были новаторскими, далеко выходящими за рамки обычной инженерии. Огромные сложности приходилось преодолевать в процессе синтеза бутилкаучука, протекающего при очень низкой температуре. Этот уникальный процесс отрабатывался в Сумгаите и Тольятти на небольших установках. Первая же промышленная установка была пущена в эксплуатацию на НКНХК в 1973 году. Это был большой прорыв в отечественном синтезе спецкаучуков. Большой вклад в это дело внесла Н.И. Глейберг – главный специалист Техотдела. Отрадно заметить, что в настоящее время эта установка перекрыла проектную мощность почти в 3 раза. Сейчас на этой установке выпускают различные модификации полимера, так называемые галобутилкаучуки: хлорбутил и бромбутил. Определяющее значение в этом синтезе имеет конструкция сложнейшего аппарата-полимеризатора. Конструкция этого аппарата была разработана итальянской фирмой “Прессиндустрия” совместно со специалистами Гипрокаучука. За счёт внедрения системы точного автоматического регулирования параметров синтеза с использованием последних достижений микропроцессорной техники удалось повысить содержание сухого остатка в растворе полимера до 26%, что дало огромный эффект в части сокращения рецикла растворителя и, тем самым, резко сократило энергозатраты.

Главные специалисты Техотдела, начиная с Технологического регламента и до промышленной реализации процесса, принимали самое непосредственное участие в пуске и освоении этих процессов на предприятиях отрасли.

О некоторых Главных специалистах Техотдела мною написаны следующие строки:

Елена Яковлевна Мандельштам

Она царила в техотделе,
И в полимерах знала толк,
Бывала кроткой, но на деле
Могла согнуть в бараний рог.

Яков Борисович Шаинский

Шаинский был такого склада,
Что лучшего не надо.
Во всех аспектах он блистал
Как яркий, дорогой кристалл!

Ни композитор, ни поэт,
Наш Яша тонкий был эстет.
Как упоительно звучала
Его бессмертная тирада:
Лгунам говаривал он сухо,
Не б..и, пожалуйста мне в ухо!

Николай Николаевич Чернов

Наш Коля был мужчина хваткий
И резюмировал он кратко:
Не зная досконально дело
Не лезь, пока оно тебя не съело.

Наш Коля был серьёзный малый,
Пустых затей не одобрял,
Из плевел изымал немалый
Для дела нужный капиталл.

Сергей Николаевич Архаров

Среди архаровцев любых мастей
Серёжа был их всех умней.
Частенько, будучи под газом,
Начальство посылал он, не моргнувши глазом.

Нина Андреевна Скачкова

Скачкова Нина в изопрене
Собаку съела в изомере,
Её носили на руках
Тольятти, Кама и Стерлитамак.

Скачкова многое умела,
Она была праматерь изопрена,
Её ценили и любили все
На нашей Гипровской земле!

Валентина Ивановна Бытина

Умна, красива и строптива,
Валюша прима, всем на диво,
Её познанья в дивиниле
Всех глубиною поразили.

Валентина Дмитриевна Кандалова

Блистая южною огранкой,
Она в отделе состоялась
И с кандидатскою закваской
Отлично в мономерах разбиралась.

Кирилл Павлович Максимов

Ах, сколько утекло воды,
Событий состоялось,
Но не забыть Кирилла простоты
Ума, весёлости и хитрости немалой.

Виктор Николаевич Марченко

Он многих побеждал в сраженьях,
Был неприступен, как скала,
Он был во многих измереньях
Гарантом нашего двора.

Нелли Израилевна Глейберг

Сумгаит, Тольятти, Кама,
Где бутил рожала дама,
Помнят Нелечку добром,
Шлют родильнице поклон.

10. Бюро Главных инженеров проектов (БГИ)

В Бюро Главных инженеров проектов работали инженеры с высокой профессиональной подготовкой и опытом. В Бюро не было руководителя. ГИПы подчинялись непосредственно руководству института. ГИПы были полностью ответственны за происходящее на вверенном им участке работ. Они отвечали за все дела на проектируемых ими предприятиях. Из наиболее опытных ГИПов я могу назвать несколько имён, составляющих гордость Гипро: И.И. Дубовицкий, А. Бесчастнов, Н.Д. Барский, Т. Рахманькова, З.А. Елизарова, К.П. Клим, К.Р. Ефимова, М.Е. Бережковская, Н.М. Староминский, С.С. Елистратова, Г.Б. Надлер, С.И. Кнапп, А.Н. Геворкян, В.М. Лебедев.

В 60-е годы прошлого столетия приоритетным объектом становится Нижнекамский Нефтехимкомбинат, а в последующие годы – Тобольский НХК. Этим двум нефтехимкомбинатам придавалось особое значение, так как они составляли основную мощь Союза в выпуске широкого спектра продуктов нефтехимического синтеза: сжиженных газов (пропан-бутан), этилена, дивинила, окиси этилена, этиленгликоля, поверхностно-активных веществ, моющих средств, альфа-олефинов, полипропилена, синтетических каучуков, полностью заменяющих натуральный каучук (СКИ-3, полибутадиен), а также СКЭПТ и бутилкаучук.

Гиповская работа очень специфична, строго индивидуальна, во многом зависящая от личности человека, выполняющего свое ответственнее дело. Оно во многом зависит от способностей ГИПа, его взаимоотношений с людьми как внутри института, так и на предприятии, которое он ведёт. ГИПы разобщены, так как их работа не имеет точек пересечения. Лишь в некоторых случаях,

когда производственная необходимость диктовала условия в части сроков выпуска техдокументации, случались перехлёсты интересов нескольких ГИПов. Как правило, конфликты решались мирным путём на уровне руководства отделов, лишь в редких случаях при участии дирекции института. Определяющим фактором слаженной работы подразделений института служила хорошо отработанная система планирования проектных работ и добрые взаимоотношения между участниками разработки проектов.

Из моего опыта я бы выделил такие аспекты деятельности ГИПа и данные человека, необходимые для выполнения этой работы:

- Пунктуальность,
- Ответственность,
- Эрудиция и специальные знания,
- Умение убеждать оппонента,
- Принципиальность,
- Память,
- Умение расположить к себе партнёра, собеседника,
- Умение дружить,
- Опыт работы (желательно, заводской работы),
- Понимание задач и нахождение кратчайших путей их разрешения,
- Грамотность,
- Способность к самообразованию,
- Умение отстаивать свою позицию,
- Быстрота и правильность принятия решений,
- Независимость мышления,
- Знакомство с самыми передовыми идеями в сфере своей деятельности,
- Знание систем управления и автоматики,

- Умение координировать работу по разработке проекта и соблюдение договорных сроков выпуска технической документации и др.

Я думаю, что и это – неполный перечень необходимых данных человека, претендующего на роль ГИПа.

Первое время все ГИПы работали в одной большой комнате. Столы стояли в два ряда. В комнате было два больших окна, выходящих на улицу Ибрагимова. Между рядами столов, у стены между окнами, был стол секретарши Люси, обслуживавшей нас. Хорошие отношения с Люсей, небольшие знаки внимания и скромные подарки по праздникам, укрепляли твой статус в её глазах и частенько решали вопросы очерёдности печати. Люся была женщиной строптивой и, как все женщины, была подвержена влиянию каких-то потусторонних сил, отражающихся на её настроении. В эти минуты мы опасались к ней обращаться и предпочитали переждать бурю. У ней в любимчиках ходил Геннадий Надлер. Ему она отдавала, по непонятным причинам, предпочтение. В целом, она была очень аккуратна, исполнительна и не очень заносчива. Ни один телефонный звонок не оставался без её внимания. Она чётко передавала вам сообщения. У неё всё было записано в её "гроссбухе." Она нас всех устраивала, и мы особо ощущали её значимость во время её отсутствия. Конечно, организация нашего труда, в большей степени связанной с печатью различного рода документов, оставляла желать лучшего. Сейчас, с высоты прожитой в институте жизни, мне трудно понять, как руководство института могло ожидать от нас оперативной работы при такой организации труда. Ведь Люся была одна, а нас было более 10 человек. Было ещё машинописное бюро. Но оно обслуживало весь институт, а у нас довольно часто

возникала необходимость в срочной печати. Мы не умели сами, как западные специалисты, печатать на машинке. Мы целиком зависели от Люси. Как ни странно, никому не приходила в голову мысль принять в БГИ ещё одну секретаршу. Я уверен, что это бы решило множество наших проблем. В конечном итоге, так и случилось. После реконструкции здания, ГИПы были рассредоточены по отдельным кабинетам. Две главные группы, Нижнекамская и Тобольская, получили по персональному секретарю. Остальные ГИПы, у которых объём работ был небольшой, вынуждены были обращаться в машинописное бюро. В нашей группе, насчитывавшей в разные годы от 3 до 6 человек, работала секретаршей молодая женщина, Таня Сергеева, которая обслуживала только нашу группу. Она нравилась Зам. Министра Нефтехимпрома Ю.М. Сивакову, и во время отпуска своей секретарши он приглашал Таню. Она с радостью отправлялась в Министерство, где ощущала свою значимость. Возвращаясь из местной командировки, она с тоской вспоминала Министерство и долго не могла отойти от светлых воспоминаний. Она себя не перетруждала, пытаясь сохранить свою независимость и достоинство. Впрочем, мы на них и не посягали, и у нас всегда преобладали чисто рабочие отношения.

Расскажу коротко о нашей группе, работавшей над проектами Нижнекамского Нефтехимкомбината.

1. Василий Иванович Тройно. Он курировал строительную часть проекта. Он был аккуратен, чёток и исполнителен. Василий Иванович был слабоват характером и, будучи неплохим специалистом, не был самостоятельным. Он был абсолютно бесконфликтен и дружелюбен. Он обладал рядом сопряженных с работой достоинств: располагая каллиграфическим почерком, В.И. всегда

следил за спортивными баталиями высокого ранга и вывешивал в коридоре таблицу результатов для общего обозрения. Аккуратно вносил в эту таблицу новые результаты и всегда был в курсе происходящих баталий на аренах страны и мира. С работой В.И. справлялся вполне. Мы с ним были дружны, выезжали по грибы и встречались семьями.

2. Юрий Георгиевич Малашин. Сферой его деятельности была монтажная часть проекта (оборудование, трубопроводы и т.д.). Он пришёл из 1МТО. Первое, что он мне заявил, когда приступил к работе: а как здесь обстоит дело с премиальными!? Этим вопросом Юра поверг меня в полный ступор! Парень он был молодой, как говорят, перспективный, но не склонный к кропотливой работе. Он любил охоту и дружил на этой почве с Шевяковым. А последний был близок к Зам. Главного Инженера института Ю.А. Шмуку. Видимо, эта связка и помогла Юре уйти с монтажного тяжелого проектирования и перейти в БГИ с возможностью роста. Так в последующем и получилось. Он перешёл на работу в Главкаучук.
3. Одно время в группе был пожилой мужчина, фамилию которого я подзабыл, бывший зам. директора научно-исследовательской части института. В связи с расформированием этого подразделения он был направлен к нам в группу. В проектировании он ничего не понимал, но снабженцем был от Бога! Он был по телефону так въедлив и убедителен, что его оппонент на другом конце телефона, слушая и внимая ему, готов был выполнить любую его просьбу. В этих делах он был неподражаем. Больше ничего сказать о нём не могу, так как он вскоре был переведён на другую работу.
4. Валерий Крымский. Механик по образованию, он

пришёл в нашу группу из Отдела оборудования на замену Малашину. Функции у него были те же. Он был неплох. С работой справлялся и часто мне помогал во время командировок в Каму. Валера был достаточно контактен и вразумителен. Он мог разговаривать и убеждать собеседника. Часто мы с ним бывали в Нижнекамском отделении стройбанка у Управляющей О.В. Двоеглазовой, решая финансовые вопросы.

5. И. Эммануэль. Иосиф работал в Каме начальником изыскательской партии и очень рвался вернуться на работу в головной институт. Мне удалось это организовать, и Иосиф стал работать в нашей группе, курируя изыскания и строительную часть совместно с Тройно. Сосуществовали мы хорошо. И первое время у нас получалось неплохо, хотя особого рвения к работе у него не было. Но он старался вписаться в наш коллектив и быть полезным членом группы.
6. Валера Савельев. Валера был механиком по образованию. Он был самый молодой член нашей группы. Валера был честный, правдивый и трудолюбивый парень. Его тяга к спиртному мешала ему в жизни. Он был очень полезным членом группы и, отвечая за свой участок работы, хорошо с ним справлялся. Его неожиданный уход в Минвнешторг был для нас, как ушат воды на голову. Он на новой работе трудно сходился с людьми и каждую пятницу появлялся у нас с бутылкой выпить и поговорить за жизнь. Его загадочная, страшная смерть на охоте, не выявившая исполнителя преступления, всех нас повергла в шок. Он ушёл из жизни молодым, здоровым, чудесным парнем. Вечная память ему!

У меня в институте сложились хорошие, добрые

отношения со многими коллегами. Всех не перечислить. Особо запомнились ребята, которые бывали в командировках в Казани на заводе: Шевяков, Рохлин, Староминский, Шапошников. Тогда я на них взирал, как на небожителей. Москва, Главные инженеры проектов. Для меня, провинциала, они были большими, авторитетными фигурами, достойно представляющими столичный институт. В то время они трудились над проектом установки жидкого тиокола, который был крайне необходим ракетчикам. Насколько я помню, тиокол подмешивали к жидкому топливу для равномерности истечения газов сгорания. Эта установка монтировалась в обстановке большой секретности при ударных темпах строительства. Часть оборудования и нержавеющих труб размонтировали и перевезли с Казанского порохового завода (№40), из Кировского района города Казани. У нас, на заводе во время монтажа этой установки всё время находился представитель Минобороны страны, какой-то генерал, курирующий монтаж установки и немедленно реагирующий на все просьбы заводчан. Установка была смонтирована за 6 месяцев и дала первую продукцию. Видимо, это помогло Королёву вывести на околоземную орбиту первый Спутник. А далее пошло и поехало!

Работая в Гипро, я продолжал поддерживать отношения, зародившиеся ещё с Казани, с этими ребятами. Мы были первое время дружны с Юрием Моисеевичем Рохлиным. Бывали у него дома в Архангельском. Он тесно дружил с хоккеистами столичного клуба ЦСКА, база которого находилась в Архангельском, недалеко от его дома. Он меня познакомил с этими крепышами. Я помню, как мы были у Юры на дне рождения и как эти ребята лихо грузились водкой, нисколько не пьянея! Я помню врача команды Алексея, с которым Юра был особо дружен, помню хоккеиста Брежнева и несколько других, фамилии которых я позабыл. В

последующие годы наша дружба с Рохлиным затухла в связи с его переходом на работу в Гавкаучук.

В моей памяти оставили особый след многие коллеги из БГИ. Среди них я особо бы выделил Фёдора Кулакова и Альберта Геворкяна.

С Фёдором мы были очень дружны. Вместе рыбачили с ним на Плещееве озере. Мы однажды на майские праздники летали отдохнуть в Сочи. С ним меня роднила любовь к шутке, анекдоту, розыгрышу, литературе, искусству, балету, спорту, пинг-понгу и др. Федя был очень лёгкий, приятный в общении человек. Он был очень пластичный, доступный и милый малый. Мы готовили с ним шутливые приказы и участвовали в работе институтской самодеятельности. Фёдор был заядлым преферансистом и, говорят, играл блестяще. Он, кажется, закончил школу с серебряной медалью и отлично разбирался в математике. Регулярно весной и осенью он улетал в Сочи поиграть в преф. Его там хорошо знали.

Я помню, как мы поселялись в гостинице в Сочи. Мы прилетели туда 29 апреля и сразу поехали в гостиницу "Приморская". Я туда заранее посылал телеграмму с просьбой забронировать номер для лауреата Госпремии. По приезду мы увидели у администратора мою телеграмму с резолюцией директора гостиницы: отказать за неимением свободных номеров. Тогда опытный Федя потащил меня в администрацию управления гостиницами города Сочи, походу срезав цветы с городской клумбы. Этот букет он вручил диспетчеру управления, симпатичной, молодой девушке, которая работала на коллекторе прямой связи со всеми гостиницами города. Проявив массу обаяния и красноречия, Федя, представил нас космонавтами, нуждающимися в тихом отдыхе. Обзвонив отели, эта молодая администраторша нашла

в отеле, недалеко от городского рынка, два одноместных номера. Она очень торопилась на предмайскую вечеринку их ЖКХ города, и мы с благодарностью, не задерживая её, отбыли устраиваться. Но там нас ждал сюрприз! Администраторша отеля оказалась знакома Фёдору. Он из этого отеля в прошлом году был выдворен милицией, так как 3 дня и 3 ночи безвылазно гонял там преф (естественно, на деньги, и немалые). Так что Федя отдал мне паспорт, и я оформлялся и за себя, и за него, что-то промямлив об исчезновении друга. Федя потом, крадучись, пробирался в номер.

На работе Фёдор часто отсутствовал, отправляясь как бы в Минхимпром по работе. На самом же деле он с каким-то мужиком из Минхимпрома гонял преф. Однажды, придя на работу, он вывалил из своего портфеля трофеи, выигранные в преф. Там были бабины с плёнками, парфюм и разные мыла и пасты. Оказывается он "обобрал" в преф директора фабрики "Свобода". У него был постоянный партнёр по префу, механик Театра Сатиры.

Федя часто сражался в преф со Староминским в его однокомнатной квартире, в одной из четырёх 16 этажных Гипровских башен. Фёдор мне рассказывал, что его дед был богатый человек и имел несколько домов в дореволюционной Москве. Может быть, Федя фантазировал?

Альберт Николаевич Геворкян

Альберт был добрейшей души человек, образованный и очень много повидавший в жизни. Он работал ранее Главным инженером Сумгаитского завода СК. Затем он работал в Болгарии представителем нашего Министерства, а по возвращении в Союз Зиновьев

его пригласил на работу в Гипрокаучук в ранге Главного инженера проекта Чайковского завода СК. Зиновьев дал ему квартиру и помог с пропиской. У Альберта Николаевича был сын Владик, которого он обожал. Сейчас ему, я думаю, лет 50-60. Альберт Николаевич не был красавцем, но исходящий от него южный шарм, широта его натуры, юмор притягивали к нему женщин. Он говорил мне, что в молодости был влюблён в красавицу-актрису Пилецкую, и что она отвечала ему взаимностью. В то время, о котором я повествую, он был "повязан" женой Галей, которая была больна. А.Н. нёс достойно свой крест, жалел жену, лечил её, ухаживал за ней. Как он в такое тяжкое для него время сумел сохранить человеческие чувства товарищества и благородства, для меня было загадкой. Он всегда был ровен, не повышал голос, отлично работал, был душой всех застолий, ценил и любил юмор и шутки. Сам был очень искусный рассказчик. А историй он знал массу, умело их подавал, особо ярко рассказывал анекдоты. Ребята рассказывали, как А.Н., будучи представителем Министерства в Болгарии, был внимателен и заботлив по отношению к командированным специалистам! Он их опекал, как своих детей. А.Н. первое время, попавши в Москву, жил в гостинице Украина. Там у него сохранились хорошие связи с администрацией. Это было очень кстати, когда я организовывал банкет в 1973 году по случаю получения Госпремии. А.Н. помог снять ресторан, где мы на славу погуляли, отметив это событие! Это было действительно и для института, и для меня, конечно, большим событием. Это была Первая Госпремия такого рода в институте. Потом такие премии в институте будут ещё. Но эта Премия была первая и

потому очень радостная и запоминающаяся! Для меня это были билеты в кино, в особый кинотеатр "Иллюзион" на Котельнической набережной, где демонстрировались уникальные, заграничные фильмы. Это были билеты в московские и ленинградские театры, это были места в гостиницах и т.д. Удостоверение Лауреата облегчало жизнь, делало её более привлекательной.

Возвращаюсь к А.Н. Геворкяну. Я запомнил случай, когда мы с ним шли поздно ночью с какого-то приёма. Транспорта никакого. Мы под шафе. А.Н. останавливает милицейскую патрульную машину и договаривается. Мы сели и поехали домой. А.Н. говорит: если мы поедем с песнями, которые мы будем исполнять, то им ещё придётся платить нам. А если... так с шутками и прибаутками мы были доставлены до дома. Сколько А.Н. заплатил, я не помню, вернее не знал, так как он никогда это не афишировал. Я помню, как он нам с Рэной дарил южные абрикосы, персики, гранаты, груши, яблоки, присылаемые ему из Еревана, где у него жил родной брат. Зиновьев ценил А.Н. и всегда, когда в институте бывали высшие чины Министерства, включал в беседу сообщение А.Н. о Чайковском заводе СК. В последующем жизнь в Москве у А.Н. не заладилась, и к моему сожалению, и к сожалению многих других моих коллег, А.Н. уехал в Ереван, где ему предложили работу в каком-то Министерстве Армении. Я с ним продолжал поддерживать отношения вплоть до моей эмиграции в Израиль. Я знаю, что этого замечательного, прекрасного человека сейчас уже нет на этой земле. Очень больно терять таких светлых и солнечных людей!

О моих товарищах, моих дорогих коллегах из БГИ мною написаны следующие четверостишия:

Иван Иванович Дубовицкий

Он был помолвлен с Тимер-Тау,
И хоть росточком был он мал,
Но для казахского бомона
Он был российский Ганнибал!

Зинаида Александровна Елизарова

Она была невинна, но строптива,
Её никто не мог сломать,
И как ни гнули её командиры,
Она могла за Гипро постоять!

Наум Михайлович Староминский

Наум был сердцеед районного значенья,
Он был всегда под напряженьем,
Страдали женщины в округе
От посягательств на их руки.

Эдуард Борисович Чухров

Наш Эдик был во всём упорен,
И каждый год приплод имел,
Он был всегда и всем доволен
И видел в детях свой удел.

Юрий Михайлович Шевяков

Наш Юра Гипро поразил,
Схвативши Волгу в лотерею,
Он ГИПам стол накрыл,
Но от того не стал беднее.

Сергей Иосифович Кнапп

Сергей был инженер от Бога,
Но очень уж строптивым был,
Он, подвергаясь всяческим угрозам,
От принципов своих не отходил!

Аркадий Иосифович Зельцер

Аркадий был, как заместитель,
Большой воитель и мыслитель,
Он много сделал для Тобола,
Тянувши воз за место вола!

Юрий Иванович Писулин

Юра был всегда в ударе,
Что на Волге, что в Бургасе,
Забивал он крепкий гол
В тех проектах, что он вёл!

Наум Давидович Барский

Интеллигентный и простой,
Наум был косточкой земной,
Он в проектах был на взлёте,
А в работе, как в полёте!

Владимир Михайлович Лебедев

Он задавал в отделе тон,
В нём уживалось всё едино,
Московский страждущий бомон,
И хитреца простого крестьянина.

Геннадий Борисович Надлер

Геннадий доходил во всём до точки,
Его был клич всегда банзай,
Его любимые примочки
Всех загоняли за можай.

Василий Иванович Тройно

Василий был всегда ведомым,
Простым, доступным и весёлым,
Был работящим, чётким,
Заботливым и радостным ребёнком.

Валерий Савельев

Он был натурою широкой,
Он жизнь любил и радовался ей,
Погиб нелепо, не прожив полсрока,
Оставив в грусти всех своих друзей.

Клавдия Романовна Ефимова

Клава знала своё дело,
И сердечко её пело.
Гудермесом заправлять
Помогали ум и стать!

Софья Сергеевна Елистратова

В Елистратовой горело,
Всё, что ещё не истлело,
Она многое могла
И Судьба её вела!

Зинаида Александровна Елизарова

Наша Зина для всех масс
Задавала мастер-класс,
Под её опёкой рос
Наш Тольятти, как колос!

Маргарита Ефимовна Бережковская

У неё была масса достоинств,
Могла любого послать,
Ещё могла без простоев
Всю ночь анекдоты толкать.

Татьяна Николаевна Рахманькова

Помню нежное обличье,
Женский перезвон,
Таня трепетно и мило
Заводчан брала в полон.

Фёдор Кулаков

Федя был всегда остёр,
Обаятелен, умён.
Он для женщин был загадкой
Притягательной и сладкой.

Он бывал во всём орёл,
В деле, розыгрыше, шутке.
Фёдор славу приобрёл,
В преф гоняя сутки!

11. Монтажно-технологические отделы (МТО)

В институте было пять основных монтажно-технологических отделов. Отделы имели свою тематику, которая иногда в связи с производственной необходимостью незначительно видоизменялась и дополнялась. Состав сотрудников отделов виден из названия: одна часть (меньшая) – технологи, вторая – монтажники (большая). В руководстве отделов, кроме начальника отдела, были ещё главный технолог и главный механик. Группы в отделах, как правило, состояли из 4-7 человек во главе с руководителем группы. Обычно состав монтажных групп был больше, чем технологических, сообразуясь с объёмом работ.

Тематика отделов выглядела следующим образом:

МТО1 – полиизопреновый каучук,

МТО2 – синтез спирта, этилен, холодильные установки,

МТО3 – общезаводское хозяйство, склады, механические цеха, производство катализаторов,

МТО4 – мономеры,

МТО5 – спецкаучуки.

В Гипро ещё было много важных подразделений, способствующих процессу проектирования, в частности, такие как КИПиА, ОВТ, ОНТП, ОВ, Генплан, ОВС, ОК, ПКО. Крайне важным была работа экономического отдела (Яковлев) и ПСО (Проектно-сметный отдел). Сметный отдел (Васильев – Шупер) всегда сражался, как лев, с заказчиком и подрядчиками за правильность своих смет, за их законность и часто выходил победителем. В слаженной работе института важную роль играли так называемые вспомогательные отделы и бюро: кабинет проектов (Блохин), архив (Бердичевская), копирбюро

(Чумина), множительная техника (Корнеев). В работе института не последнюю роль играли подразделения исследовательской части института: лаборатория экономических исследований (Никандров), ЛПРА (Мамедов), патентный отдел (Кульберг).

Ни одна из строек не могла бы начаться без работы отдела изысканий (Пипиков, Бикодер, Гольдфарб). Процесс проектирования был бы совершенно невозможен без работы отдела Главного механика, отдела Оборудования, ПКО, Энергоотдела и отдела Генплана.

Во время перестройки возникшие образования совместных предприятий с зарубежными фирмами потребовали знания иностранных языков. В этом вопросе нам помогали бюро переводчиков (Крюков) и его замечательные особы.

Конечно, мы не могли существовать без чёткого планирования, ППО (Монахов, Васина, Галькович) и ОТЗ (Башкиров). Существенную роль в проектировании играли нормативные документы общесоюзного значения (ОСТы, ГОСТы), а также внутриинститутские правила и нормативы. Но всё-таки при прочих равных условиях талант и дерзновенность проектировщиков, сотрудников Гипрокаучука, всегда имели первостепенное значение. Этим и отличался Гипрокаучук! Высокий авторитет института был создан не на пустом месте. Он не был каким-то фетишем. Он не был преувеличен. Он был совершенно реален и осязаем.

О Гипро, гипровцах и друзьях Гипро

(на мотив "Городок наш ничего...")

Был наш Гипро ничего,
Под знамёнами его,
Веселились и трудились
Люди духом ого-го.
Саша, Саша, Зиновей,
Каждый третий был еврей,
Что бы было в нашем доме,
Если б каждый был еврей?!
Ты ведь умных привечал,
Ты трудяг ведь уважал,
Почему же ты евреев
Полной мерой не добрал?
Зиновей говорит:
Потому что, где еврей,
Там стране всегда больней,
Так что в нашей "синагоге"
Было б мало трудодней!
Ну зачем же, Саша, так,
Синагога – не бардак,
Синагога для людей,
Там еврей в среде своей.
Зиновей говорит:
Вот послушай, что скажу,
Я их строго не сужу,
Ведь их долгий, длинный путь
Хоть кого мог "изогнуть".
А они ведь как-никак,

По пустыням “на рысях”,
Унеслися от беды,
Чуть живые от жары.
Оседлали жизнь свою
И построили страну.
Так что вот вам мой ответ:
Нам без них спасенья нет!

Гипровцы. Это слово дорогого стоило! Мы произносили его с гордостью за свой институт, за тот дух товарищества, витающий среди нас. В институте не было склок, не было зависти, не было подсидок, обмана и нечестных поступков. Сама атмосфера взаимовыручки и дух товарищества, посеянные А.Ф. Зиновьевым, исключали на корню такое. В институте не было абсолютно текучести кадров. “Из Гипро не уходят!”, – такой слоган я часто слышал от сотрудников института. На моей памяти были единичные случаи ухода из Гипро в другие организации. Все они были связаны с повышением по работе и переходом на другой уровень: Рохлин – в Главкаучук, Малашин – в Главкаучук, Наровлянский – сначала в Тобольск главным инженером, а затем в Госплан СССР (отдел химии), Маркович – в Миннефтехимпром (нач. Управления экспертизы проектов), Андреева – в Управление экспертизы проектов Миннефтехимпрома, Савельев – в Минвнешторг. Гипрокаучук давал стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Многие сотрудники института улучшили свои жилищные условия, многие получили повышение по работе. Были созданы прекрасные условия для работы. Просторные и светлые рабочие помещения. Отличный конференц-зал и прекрасный спортивный зал давали возможность работающим и их детям укреплять своё здоровье и интересно проводить

свой досуг. В институте была хорошая самодеятельность, основной костяк которой составляли выходцы из МИСИ. В Гипро выступали артисты из Большого, из “Современника”, из “Театра оперетты”, многие известные на всю страну артисты: Высоцкий, Смехов, чтец Яков Смоленский, Гафт, Отделёнов и другие.

В Гипро были хорошие традиции, и многие дети сотрудников приходили в институт продолжать дело родителей. В Гипро работало много родственно связанных людей: Шуперы, Малашины, Сухорученковы, Блохины, Бодровы, Дубовицкие, Тереховы, Рохлины, Марченко, Тройно, Кнапп, Теплицкие, Кульберги и др.

Авторитет института был виден как в рамках Союза, так и за рубежом. Особенно это стало заметно во время перестройки, в работе над контрактами с иностранными фирмами при создании комплекса ПАВ на Нижнекамском Нефтехимкомбинате. Миннефтехимпром поручил эту важнейшую работу Гипрокаучуку, с которой институт отлично справился. Министерство также доверило институту вести все проектные дела и по Тобольскому НХК в совместном проекте с американскими компаниями.

О сотрудниках различных подразделений института написаны следующие строки:

Анна Марковна Гельфгат

Нам не сыскать такой второй,
Мал золотник, да дорог,
Анюта была первой, не второй,
Во всех баталиях и спорах!

Владимир Назирович Златкин

Был Царь и Бог в отделе,
Его любил народ,
Высокий профи был на деле
И СКИ знал на зубок!

Калиса Ивановна Свирская

Калиса умна и красива,
Стройна, словно дива,
Полна обаяния
И мужского внимания!

Ефим Тимковский

Ума палата у Ефима,
Он в мономерах Царь и Бог,
Он объяснял всё так красиво,
Как он один лишь только мог!

Эдуард Липкин

Он был педант самовлюблённый,
Глубокий ТИБА специалист,
Казался мир ему огромным,
Где всяк об этом говорит.

Римма Петровна Трифонова

Она была в отделе
На хорошем счёте,
А в проектном деле
Была всегда в полёте!

Александр Маркович Фарберов

Саша – больших задач инженер,
Он наш маяк, он всем пример,
Своей необъятной, красивой душой,
Парень он свойский, парень он свой!

Валериан Михайлович Соболев

Он – человек обширных знаний,
И опыта ему не занимать,
Не строил он химерных зданий
И знал, как в Перестройке устоять!

Наум Керцман

Всем друг и пламенный трибун,
Был в холодильном деле профи,
Хотел повысить КПД турбин,
Чтобы иметь высокий профит!

Владимир Анатольевич Андреев

Он быстро шёл к заветной цели,
Углы срезая на бегу,
Его стремления успели
Поймать за хвост свою мечту!

Александр Семёнович Климакин

Он не сухарь, не автомат,
Но в жизни был он аскетичен.
В отделе был он резковат
И неподдельно прагматичен.

Виктор Васильевич Мешков

У Мешкова в водном деле
"Воду в ступе не толкли".
На поверку, в их отделе
Воды "умные" текли!

Юрий Моисеевич Рохлин

Он, как актёр, был многолик,
Неприхотлив, непотопляем.
Его многообразный лик
Был всеми узнаваем.

Иосиф Владимирович Шупер

Почём и сколько,
Знали все в отделе,
Но в сметном деле скользко
Было всё на деле.

Станислав Игоревич Карташов

Скажем без прикрас,
Горячий парень был наш Стас,
Что в волейболе, что в отделе,
Нешуточные страсти в нём кипели!

Виктор Панов

Он мужик был всесторонний
И контактный был вполне,
Парень был он расторопный,
Жизнь доверивший Судьбе!

Юрий Петрович Русаков

О Русакове ходят слухи,
Что не обидит он и мухи,
Всегда подтянутый и строгий
Был Юра инженер глубокий!

Александр Моисеевич Перельман

Перельмаша, как мамаша,
Как наседка над яйцом,
Молодняк растил, шутя,
По отечески журя.

Евгений Мельцер

Женя многое умел,
На реакторах взлетел,
Он в своей стране,
Памятник воздвиг себе!

Володя Терехов

Он, как дитя наивен был,
Краснел, потел, пыхтел,
Хотел добраться до вершин,
Но не сумел.

Варвара Васина

О Варе говорят дела,
Она плела ажурной вязью,
И в планах разрешить могла
Проблемы межотдельских связей!

Зинаида Александровна Фалькович

В её головке зрели планы,
Бесстрашно их она вела,
И никакие ураганы
Не погребут её дела!

Исаак Романович Гольдфарб

Не только в изыскателях,
Но также и в старателях,
Исаак был на коне,
На ближнем рубеже.

Владимир Петрович Петров

Красив он и прекрасен,
Народный наш герой,
Он в спорах беспристрастен,
И всем Володя свой.

Ирина Константиновна Кудинова

И пела, и плясала,
Кружилась и цвела,
Всего ей было мало,
И страсти, и огня!

Людмила Александровна Крейнина

Там на Хьюстонской земле,
Слывёт Людмила красной,
Ей везде рай в шалаше
С Гипровской закваской.

Галина Сухорученкова

Она блистала красотой
И женским обаяньем,
Неповторимый взлёт её крутой
Неоспоримым был её признаньем.

Виктор Алексеевич Сухорученков

Руководил отделом смело,
Без крика, суеты.
Сносил диктат умело
Своей красавицы жены!

Людмила Александровна Архангельская

В Люде всё прекрасно было:
Ум и стать, и красота,
Она с разумом дружила
И всерьёз вела дела.

Валерий Пасс

Пасс Валерий всегда в деле,
Всё в руках его горит,
Он в новаторском отделе
Заправляет и вершит!

Борис Богатырёв

Ветродуй наш дорогой,
Богатырь проектный,
Человек впрямь золотой,
С добротой несметной!

Наташа Кошкина

Красива и стремительна,
Наташа поразительна,
Все мужчины к Натали
Набивалися в пажи!

Тамара Левина

Она в сомненьях утопала,
Её сразил бутил,
Она в бутиле пропадала,
Желая жить без шума и ветрил.

Елена Поляк

В ней пылали страсти,
Она спешила жить,
И мужикам, презрев напасти,
Стремилась головы кружить.

Лида Александрова

У Лиды на генплане
Цеха стояли стройно,
И в этом плане
Всё выглядело пристойно.

Галина Бурлакова

Галине нравились развязки
В коллекторах, на поворотах,
Она бывала в доброй связке
Среди других на разворотах.

Тося Ванбина

У Тоси всё было при ней:
Ум, страсть и рвенье,
Она была отчаянно смела
Своим безудержным гореньем!

Румянцева

Она мне часто помогала,
Достоинства проекта показать,
А премии из Камы выжимала,
Как Робин Гуд, ни дать, ни взять.

Марина Лужкова

У Климакина в отделе,
Марина была профи в деле,
Она с очаровательной улыбкой
В ансамбле часто бывала первой скрипкой.

Софья Моисеевна Бердичевская

Она всё знала, чем владела,
Всем помогала, где найти,
Она Любовь снискать сумела
И мимо боли не пройти.

Алексей Викторович Самсонов

В макетном деле был он дока,
Из спичек мог завод создать,
Но он не видел много прока
Модельно жить и прозябать.

А. Аренштейн

Ему б в эстраду, на подмостки,
Смешить и радовать народ,
А не корпеть с рейсшиною за доской
И доходить от скуки и забот!

Б. Кульберг

В патентном деле
Боря был, как Бог.
Был всегда нацелен
На положительный исход.

Ульчар Ашрафович Мамедов

Удивительно подвижный,
Властный,умный, деловой.
Был Мамедов очень нужен
В перестройке Гипровской!

12.Строительный отдел

Строительный отдел был самым многочисленным отделом института. В отделе было несколько групп: железобетонщиков, металлистов и архитекторов. Когда я пришёл в Гипро, начальником отдела был талантливый инженер и организатор Е.А. Теплицкий, Главным инженером

был Н.Е.Эйкенрот, Главным конструктором Алексей Топорков. В отделе подобралась очень квалифицированная группа инженеров. Алексей Топорков придумал инженерную оценку всем сотрудникам отдела, которую обозначил как 1 Эйкенрот. Часто можно было слышать: “О, этот потянет на 0.8 Эйкенрота”. Но в его оценках никто не превышал 1 Эйкенрот. По мере увеличения объёма работ, отдел постепенно разростался. Отделом стало сложно управлять и руководство института приняло решение о разделении отдела на два, а в последствии было создано три строительных отдела. Это положение длилось недолго и вскоре всё вернулось на круги своя. Основным, самым квалифицированным отделом всегда был отдел№1, начальником которого был назначен А.Ф. Барановский. Этому отделу поручали наиболее сложные и крупные проекты как объектов, строящихся за границей (Румыния, Болгария), так и Российских объектов, строящихся на комплектном закупаемом оборудовании. Обстановка в отделе была очень дружелюбной. Молодые руководители групп отдела: Архангельская Людмила, Кудинова Ирина, Тройно Василий, Теплинская Екатерина и Аркадий Зельцер, так называемые железобетонщики, а также руководители групп, так называемые металлисты: Лена Поляк и Галя Данилович не только старались тщательно сделать свою работу, но и помогали друг другу. Многоопытные руководители архитектурных групп, такие как Р.А. Поляк и М.Ю.Элинсон передавали свой опыт талантливым молодым архитекторам: Лере Ольгинской, Виктору Свистунову и другим.

По приказу Главка создавались мобильные группы специалистов строительного отдела Гипро, выполняющие проектные работы по восстановлению аварийных объектов, с выездом на места. Обычно эти группы возглавлял

Е.А.Теплицкий. О квалификации инженеров отдела говорит также и тот факт, что в технологическом институте многие инженеры строительного отдела были назначены на должность Главных инженеров проекта: Н.Д.Барский, В.И.Жидков, С.С.Закатов, А.И.Зельцер и В.И.Тройно.

Специалисты отдела одними из первых освоили расчёты строительных конструкций с применением ЭВМ. Сотрудники отдела выезжали в командировки для осуществления авторского надзора за строительством. Часто находили отступления от проекта и принимали необходимые решения по их исправлению. При проектировании Тобольского нефтехимического комплекса, для создания его административной зоны, зданий корпусов управления комбинатом и его отдельными производствами, была создана группа из инженеров и архитекторов трёх институтов: Гипрокаучук (головной разработчик), ЦНИИпромзданий и Госхимпроекта. Совместная работа позволила впервые в отрасли создать новые, современные, комфортабельные корпуса управления, за что многие участники группы были награждены медалями ВДНХ.

Строительный отдел был самым молодым и креативным в институте. В его недрах родилось предложение о создании Совета молодых специалистов института во главе с Зам. Главного инженера института Ю.А. Шмук. Этот Совет давал рекомендации руководству института о повышении кого-либо в должности или повышении оклада. Молодёжь отдела была основой институтской самодеятельности. Ребята сами писали сценарии на местную тематику, на мотивы известных сказок или литературных произведений и показывали их на вечерах к праздникам или каким-то событиям. Все капустники проходили всегда с большим успехом. А.Ф. Зиновьев всячески поощрял эту сферу деятельности. После каждого вечера наиболее активных

авторов и участников А.Аренштейна, И.Кудинову, Л. Поляк, А.Зельцера и некоторых других награждали премиями, грамотами и даже коллективными экскурсиями в другие города Союза.

13. Некоторые аспекты в проектировании

Процесс проектирования в те, 1960–70-е годы был трёхстадийным: ТЭО (технико-экономическое обоснование), проектное задание и рабочие чертежи. Железный занавес работал исправно, и мы ничего не знали о системах проектирования на Западе, в развитых капстранах. Мы отставали и здесь. На Западе, как я узнал в конце 80-х годов, уже давно существовала двухстадийная форма проектирования: предварительный и окончательный проекты. При этом очень тщательно прорабатывались все технические аспекты проекта на стадии заключения контракта. Все эти вопросы отражались в технических приложениях к контракту, являющихся его неотъемлемой частью. Запад имел большое преимущество за счёт детальной проработки на этой стадии всех как технических, так и процессуальных вопросов, вопросов сроков строительства и проектирования, а также вопросов финансирования и ответственности сторон. На Западе количество сторон миниминизировалось: заказчик и фирма, выступающая в качестве разработчика проекта, поставщика оборудования, отвечающая за проведение шефмонтажа и реализацию всех контрактных параметров установки. Фирмы, как правило, решали совместно с заказчиком не только технические вопросы, но также отвечали за соблюдение бюджетных ассигнований и за сроки

исполнения контракта. Такие взаимоотношения, резко отличающиеся от наших, способствовали сокращению сроков проектирования и строительства, которые, как правило, были не более трех лет, исключая в корне долгострой. Всё это я уяснил гораздо позже (в конце 1980-х годов), а пока (в 1960–70-х) я варился в собственном невежестве в этих вопросах и следовал установившейся в стране практике.

О чём могла идти речь, если люди, находящиеся на ответственных постах в Госстрое и Госплане СССР, были ярыми сторонниками нашей громоздкой, неповоротливой многостадийной системы проектирования вкупе с запутанным порядком согласования и утверждения проектов. В моей жизни был показательный случай консервативного, замшелого мышления ответственных чиновников Госстроя Союза. Я выступал в Госстрое Союза на совещании, посвященном улучшению в стране проектно-сметного дела, от лица нашего Министерства с коротким предложением, направленным, с моей точки зрения, на улучшение нашего дела. Моё выступление было согласовано с Управлением экспертизы проектов Министерства (Н.Т. Маркович) и Зам. Министра по капстроительству Ю.М. Сиваковым. Я предлагал западную модель взаимоотношений Заказчик- Проектный институт на контрактной основе. Пока я возвращался на своё место с трибуны, ведущий совещание Зам. Председателя Госстроя СССР размазал меня по стенке, сказав: этот чудак, если не сказать сильнее, занёсся изменить всю нашу, хорошо отлаженную систему взаимоотношений! Не позволим! Так ещё на долгие годы, живя за железным занавесом, не интегрированные в мировую экономическую систему, мы бездумно отодвигали нашу систему в бюрократический, отсталый ряд!

Мы не имели чётких, контрактных взаимоотношений

Заказчик-Подрядчик, мы не имели утверждённых сроков проектирования и строительства, являющихся неотъемлемой частью контрактов. Тем самым, мы текли в долгострой! Мы имели много ненужной волокиты на стадии согласования проектов, удлиняющей сроки проектирования и строительства. Мы не имели чётко оговоренной степени ответственности Заказчика и Подрядчика. Все эти вопросы были размытыми, нечёткими, неясными. Необходимых размеров штрафов за различные нарушения условий контракта мы в наших договорах с Заказчиком тоже не имели. В договорах не оговаривались вопросы форсмажорных обстоятельств и т.д. И всё- таки мы жили, работали, боролись и, преодолевая трудности, двигались вперёд.

В условиях СССР в вузах не обучали проектированию. Такой дисциплины вообще не было ни в одном вузе нашей страны. Молодые специалисты, придя в Гипрокаучук, все премудрости проектирования постигали опытным путём, используя багаж знаний общеобразовательных дисциплин, почерпнутый в вузах. В те годы инженерная база для разработки проектов была очень слаба. Нужной техники для расчётов оборудования, трубопроводов и технологических процессов мы не имели. Как я уже писал ранее, основными расчётными инструментами у инженеров-технологов были арифмометр и счётная линейка.

В наших вузах не изучали вопросы разработки проектов и руководства процессом проектирования, в то время как на Западе этим вопросам придавалось огромное значение. В университетах США, например, существует курс так называемого Project Managment (Проект Менеджмент), посвящённый основам проектирования и руководству по разработке проектов. Молодые специалисты на

Западе приходят на фирмы с основательным багажом знаний в этой области и не тратят драгоценное время на постижение проектных основ на фирмах. Там этого времени, в условиях жёсткой конкуренции и свободного рынка, просто нет.

Возвращаясь к нашим условиям разработки проектов, на основе приобретённого мною опыта хотелось бы отметить ещё некоторые моменты в нашем деле. Проектирование крупных предприятий в Союзе обычно начиналось с разработки ТЭО (Технико-экономическое Обоснование) и последующего решения Правительства страны. Затем наступал этап выбора площадки строительства, осуществляемый созданной для этого специальной комиссией. Выбор площадки был архиважным моментом в проектировании. От условий расположения предприятия во многих случаях зависел успех самого проекта.

На примере Нижнекамскнефтехима можно отметить некоторые соображения, связанные с выбором площадки. Во-первых, близость к Ромашкинскому нефтяному месторождению и Миннибаевскому газобензиновому заводу, во-вторых, соседство с полноводной, прекрасной рекой Кама, в-третьих, наличие свободных от пахоты площадей в районе, соседствующим с городами Елабуга, Альметьевск, Миннибаево, Бугульма, Менделеевск и сравнительно небольшой отдалённости от Казани (240 км) и от городов Тольятти, Новокуйбышевска и Уфы. А также наличие человеческих резервов, профессиональных химических кадров и мощностей строительно-монтажных организаций Татарстана. Все эти факторы придавали этой площадке преимущество перед конкурирующими площадками строительства, что в конечном итоге и предопределило решение Правительства страны в пользу Нижнекамска.

В чисто инженерном плане нужно подчеркнуть одну существенную особенность этой площадки. Площадка Нефтехимкомбината расположена на 100 метров выше зеркала воды реки Кама. Это обстоятельство создавало трудности при подаче технической воды на комбинат, но, в тоже время, эта разница в отметках площадки и реки позволила самотечно организовать отвод сточных вод с Нефтехимкомбината на БОС.

С 80-х годов экономика страны, страдающая от застоя и неповоротливости, начала сползать к стагнации. Руководство страны, пытаясь что-то сделать на пути исправления ситуации под эгидой СМ СССР и Госплана СССР (отделы химии) созвали в Дзержинске совещание с участием зам. министров по капстроительству химических министерств, зам. директоров предприятий по капстроительству и представителей проектных институтов.

На этом совещании, превратившемся, как всегда, в говорильню, ничего конкретного не было ни предложено, ни решено. Я для себя в своей повседневной работе ничего не извлёк с этого хурала. Единственное, что запомнилось, так эта неожиданная встреча с нижнекамцем В.М. Пучкиным и прошлым нижнекамцем Г. Ионовым, работавшим тогда на строительстве Тобольского нефтехимкомбината. Мы прелестно проводили время в разговорах и воспоминаниях, а в конце этого совещания взяли с Ионова обещание пригласить нас в Тобольск. Что он и сделал. Благодаря чему мы с Пучкиным смогли ознакомиться с новостройкой и красотами тех мест. Спасибо тебе, Жора!

Возвращаясь к нашим институтским делам, мне хотелось бы продолжить описание основных, кардинальных моментов в нашем проектном деле.

14. Планирование

Планированием проектных работ в институте ведал Планово-Производственный отдел (Монахов, Васина, Фалькович). Это был очень важный аспект в работе института. Планы составлялись по заявкам ГИПов на основании предложений предприятий. Кроме того, выполнялись некоторые работы по поручению Главкаучука и по просьбам других организаций. Все эти работы включались ППО в годовой план Гипрокаучука, распределялись между Головным институтом и его филиалами. План работ утверждался руководством Гипрокаучука. Далее планы направлялись в производственные отделы, совместно с планом по труду (ОТЗ), для обеспечения необходимого уровня заработанной платы. Бывали случаи (из моей практики), когда в строительном отделе, например, не хватало денег для нормального обеспечения уровня зарплаты проектировщикам, и мне приходилось договариваться с Управлением капитального строительства НКНХК (Пучкин) и изыскивать возможность увеличить стоимость проектных работ. Это, как правило, касалось разработки рабочих чертежей. Бывали случаи, когда отделы не справлялись со сроками разработки техдокументации. Мне было сложно согласовывать перенос сроков представления техдокументации с Управлением капстроительства комбината. Но мы понимали друг друга и всегда находили взаимоприемлимые решения.

15. Технологический регламент

Технологические регламенты, разрабатываемые научно-исследовательскими институтами, являлись основой для

разработки проектов. Они были товарной продукцией НИИ. От качества ТР, его полноты и глубины проработки зависели все последующие проектные решения. В Гипро бытовала практика подключаться к теме уже на стадии составления ТР, что давало большой положительный эффект. ТР глубоко изучались специалистами Гипро. Замечания затем обсуждались с работниками НИИ, что бесспорно способствовало повышению качества ТР. Приёмкой ТР в Гипро ведал ТО института. Порой для этой работы подключались специалисты других подразделений Гипро. Как мне помнится, в составе ТР разрабатывались как вопросы технологических схем производства, так и его аппаратурного оформления. В ТР приводились физико-химические свойства всех продуктов, применяемых в процессе (включая конечный, товарный продукт), указывались ОСТы и ГОСТы используемых продуктов, а также освещались вопросы техники безопасности. Приёмка ТР являлась очень важным, первоначальным этапом в проектировании новых производств.

НИИ обычно, разрабатывая регламенты на новые производства, использовали данные своих лабораторных исследований и данные, полученные на опытных, модельных установках. Для нас, Гипровцев, большой проблемой было на базе ТР перейти к проектированию крупных, многотоннажных производств. В успехе созданной промышленности синтетических каучуков в стране важное значение имело тесное сотрудничество работников НИИ, Гипрокаучука и предприятий!

Важную роль в этом деле играли все Главные специалисты Технического отдела и специалисты МТО. Особенно заметен в создании производств СК, полностью заменяющего натуральный каучук, был наш Главный инженер института Б.С. Короткевич.

16. Проектное задание

Проектное задание разрабатывалось на основании утверждённого ТЭО на строительство того или иного предприятия (производства, объекта). Этому этапу предшествовало составление задания на разработку Проектного Задания. Составление этого Задания было полностью пререгативой Главных Инженеров Проектов.

Обычно для составления Задания ГИПы подключали Главных специалистов Технического отдела и специалистов МТО. Задание визировалось его разработчиками и подписывалось дирекцией института. В зависимости от масштабности проекта, его значимости и объёма средств для реализации, Задание утверждалось или руководством Главкаучука, или руководством Миннефтехимпрома СССР.

После разработки Проектного Задания наступала фаза его рассмотрения у Заказчика и необходимых согласований с надзирающими организациями. В случае Нижнекамска, в связи с отсутствием в городе надлежащих структур, все согласования проекта производились с республиканскими надзирающими организациями: Республиканской Санитарной Инспекцией (Б.Л. Якобсон), Пожнадзором (Н. Красько), Энергонадзором и Главным Архитектором Республики (Саначин). После внесения в проект согласованных с Гипрокаучуком добавлений и изменений, Проектное Задание в доработанном виде поступало на рассмотрение в Главкаучук и Управление экспертизы проектов Миннефтехимпрома. До 1969 года, то есть до выхода Постановления Правительства об улучшении Проектно-сметного дела, все крупные проекты поступали на рассмотрение в Госстрой Союза и утверждались им. В последующем все проекты утверждались Миннефтехимпромом СССР.

Следующим этапом была разработка рабочих чертежей различных частей проекта и спецификаций на оборудование, трубопроводы, приборы, арматуру и т.д. При разработке рабочих чертежей было очень важно придерживаться утверждённого генерального плана предприятия с дорогами, эстакадами, сетью подземных трубопроводов, проездами с соблюдением норм противопожарных разрывов между отдельными установками. При высоких темпах строительства, что царили в Нижнекамске, всегда возникали проблемы по срочной выдаче чертежей строительной части. Обычно мы с заказчиком и подрядчиком делили сроки выдачи строительной техдокументации на несколько этапов: фундаменты установки, нулевой цикл, спецификации на железобетонные конструкции и металлоконструкции и заключительный этап – оставшиеся чертежи строительной части. И, конечно, соответствующая сметная документация. Таким образом, мы находили приемлемый вариант дробной выдачи техдокументации, обеспечивающий нормальный ход строительства. При проектировании Нижнекамскнефтехима в разработке строительных чертежей нам большую помощь оказывал Московский Госхимпроект (ГИП – Гольдман). Электрическую часть проекта нам обеспечивал Московский институт Электропроект (ГИП – Симис), в последующем передавший эту работу своему Казанскому филиалу (ГИП – Золотов). Иногда мы не справлялись с объёмом работ по КИП и Автоматике. В частности, раздел КИПиА цехов И-3,4 производства изопрена первой очереди нам проектировал Харьковский институт автоматики. К чести Гипро нужно сказать, что, ведя генеральное проектирование многих заводов СК, он всегда стремился к комплексной разработке рабочих

чертежей во всех частях проекта. Специальные работы по НКНХК обеспечивали ряд институтов страны, в частности, Донецкий институт Южниигипрогаз (проект продуктопроводов широкой фракции из Миннибаево до НКНХК), Промтрансниипроект (проект магистральных автодорог и трамвая), Союзводоканалпроет (проект водозабора, магистральных водоводов, сети канализации и БОС), Гипрогор (проект города Нижнекамска), Аэропроект (проект аэродрома). У Гипро были тесные связи с институтами ВНИПИНЕФТЬ, Гипрогастопром, Резинопроект, Гипрохлор и Гипропласт. С такими НИИ, работающими в нашей области, как НИИМСКом и ВНИИСКом, Гипрокаучук имел очень тесные, доверительные отношения. Наши специалисты совместно со специалистами НИИ часто обсуждали насущные проблемы. Гипрокаучук также тесно сотрудничал с ВНИИолефином (Баку), выполняя ряд проектных работ по их регламентам (Стирол, Тримеры пропилена). Были ещё несколько проблемных тем, которые мы прорабатывали для Нижнекамскнефтехима. Такие, как пневмотранспорт каучука на шинные заводы, проект электрички для доставки работающих на НКНХК, проект очистки дымовых газов с ТЭЦ от сернистых соединений с получением элементарной серы. К сожалению, все эти проекты оказались нерентабельными и остались лишь на бумаге. Был ещё один проект, связанный с атомной техникой. Гипрогазтопром предлагал заменить две Нижнекамские ТЭЦ на одну АС. Это предложение поддерживалось Дирекцией НКНХК. Но после катастрофы в Чернобыле это предложение само по себе умерло.

17. Нижнекамскнефтехим

Ностальгия

Мне видятся то города, то лица,
Прошедшие по жизни чрез меня,
Мне будет долго ещё сниться
Уха с дымком возле костра.

Пахучие луга, просторы,
Лесов дремучих череда,
Поросшие ольхою склоны,
Нависшие над Волгой берега.
Высокие над Камой горы
В лазуревой укрывшейся тиши,
Причудливо, как горизонты моря,
Сошедшись с небом в голубой дали.

А запахи, цветенья ароматы,
Несу в себе и день и ночь,
России пьяные закаты
Из памяти не истребить –
Себя не превозмочь!!

18. Первая командировка в Нижнекамск

Всех деталей я не помню, но кое-что осело в памяти навсегда. Нас было четверо: С.Т. Петухов, Васильев (ПСО), я и специалист из Союзводоканалпроекта (фамилию не помню). Это было в летнее время 1964 года. Мы добирались до Казани поездом, а далее на пароходе вниз по

Волге и вверх по Каме до остановки “Красный Ключ”. Я был впервые в этих чудесных, волшебно красивых местах. “Красный Ключ” находится на левом, высоком берегу реки. Рядом с пристанью, несколько вверх по течению, строился водозабор, совмещённый с первой станцией подачи воды на комбинат. Обеспечение технической водой комбината оказалось непростой задачей. Здесь были трудности двоякого рода: требуемый большой объём воды и существенная разница (100 м) в отметках зеркала реки и площадки строительства НКНХК.

На комбинате, начиная с 1 очереди строительства, использовался принцип циркуляции воды с охлаждением отработанной, тёплой воды на вентиляторных градирнях большой мощности. Однако, с учётом намеченного большого строительства 2-й, 3-й и 4-й очередей Комплекса заводов СК и Нефтехимического Комплекса, требуемое количество воды на потери и протечки (около 3% от объёма циркуляции) в абсолютном размере было велико. Если мне не изменяет память, то под землёй на комбинате (Комплекс заводов СК) текла огромная река объёмом порядка 4500 кубометров воды в час. В тот период строились БОС, водоводы от водозабора до комбината, дороги, трамвай, склады, ЦГФУ1, производства изопрена, каучука СКИ-3, изобутилена и бутилкаучука, установка изомеризации пентана, водородная установка методом гидролиза воды, строился город, строились продуктопроводы из Миннибаево до комбината, транспортные развязки, ТЭЦ-1, заводоуправление, ремзавод и многое другое. Площадка строительства была, как растревоженный улей. Огромный масштаб строительства требовал срочной выдачи качественной технической документации, над разработкой которой трудилась не одна тысяча проектировщиков. Я должен был координировать и контролировать весь

процесс разработки документации. Мне как Генеральному проектировщику вменялось в обязанность организация процесса проектирования как внутри Гипро и его филиалов, так и в субподрядных проектных организациях. Я должен был обеспечивать их всей необходимой исходной информацией и финансированием их работы, следить за ходом разработки чертежей, принимать от них документацию и передавать её на стройплощадку заказчику, то есть дирекции НКНХК. Это чисто теоретически. На практике же дело обстояло иначе. Специализированные проектные институты самостоятельно вели проектирование и сами решали все возникающие вопросы на стройплощадке с дирекцией НКНХК. Я как Генеральный проектировщик нёс особую ответственность за обеспечение нормального хода строительства в пределах утверждённых сметных ассигнований. В процессе строительства возникала масса проблем, требующих быстрого решения. Командировки были существенной частью процесса проектирования. Во время этих командировок решалась масса технических и финансовых вопросов, налаживались связи со строителями, монтажниками и дирекцией строящегося комбината, устанавливались отношения с руководством Нижнекамского отделения стройбанка.

Первая командировка запомнилась жуткой грязью на дорогах, на стройплощадке, на подступах к офисам. После дождя, из-за отсутствия асфальтированных дорог, ноги разъезжались на глинистой земле. Народ ходил только в резиновых сапогах. Перед заводоуправлением стояли металлические корыта с водой, в которых люди отмывали сапоги от грязи перед входом в здание. Рядом с временным заводоуправлением комбината располагалась база Татэнергостроя во главе с Е.Н. Королёвым. Директором НКНХК в первое время был И.С. Санников, Главным

инженером – С.М. Каменщик. С ними нам и приходилось решать все вопросы во время этой командировки.

Запомнились поездки на площадку строительства БОС и водозабора. На строительстве водозабора, при срезке грунта для подготовки ложа для прокладки водоводов, строители обнаружили деревянные подземные дренажи для сброса вод с верхней отметки горы в реку. Они не придали этому никакого значения и нарушили эти дренажи, что в последующем чуть не привело к аварии. Зимой на водоводах образовывались огромные наледи, так как подземные воды были лишены нормального ориентированного сброса их в реку. Приходилось только удивляться технической смекалке людей, обустраивающих этот участок земли. Эти деревянные дренажи предохраняли почву от эрозии и оберегали эту гору от обрушения. Кстати говоря, в районе "Красного Ключа", наверху, стоял одинокий дом. Как поговаривали, он когда-то принадлежал купцу Демидову, торговавшему пшеницей и возившему её на баржах по реке.

На первом, начальном этапе строительства была масса вопросов. Одним из них был вопрос строительства открытых насосных. Раскрытие насосных, кроме удешевления строительства, уменьшало риск создания загазованности и, как следствие, взрывов и пожаров. Этот вопрос долго обсуждался с дирекцией комбината, и решение было найдено. С учётом сложных климатических условий постаменты для насосов были приподняты, а площадки насосных были огорожены лёгкими решётками с жалюзями для защиты от снега. В нашей отрасли это техническое решение было новаторским и потом широко тиражировалось на других предприятиях. При перекачке низкозамерзающих углеводородных фракций такое решение было вполне обоснованным и разумным. Не помню точно, но мне кажется, что эти лёгкие ограждения в последующем были исключены.

Многие технические решения по Каме были новаторскими:

1. Электроснабжение от трех независимых источников;
2. Размещение складского хозяйства сжиженных газов (шаровые резервуары) в зоне прохождения трамвая;
3. Рассеивающий выпуск в реку Кама с БОС;
4. Обеспечение паром и горячей водой централизованно с ТЭЦ1 и ТЭЦ2;
5. Автоматизация производств с вынесением всех параметров на ЦПУ;
6. Открытые насосные;
7. Прокладка электрокабелей и проводов КИП на эстакадах;
8. Изотермическое хранилище сжиженных газов общим объёмом 90000 кубометров, с резервуарами объёмом 10000 кубометров каждый.
9. Вентиляторные градирни мощностью около10 млн. ккал в час, с размахом лопастей около 20 метров и основанием градирни около 40 метров. Это оборудование закупалось в ФРГ у фирмы "Бальке". Благодаря новаторской работе заводчан (Орехов), был отработан солевой состав циркуляционной воды, позволявший снизить коррозию трубок теплообменников.

Я не уверен, что это решало на 100% вопрос коррозии, но то, что это снижало существенно коррозию трубок, это факт. В последующем, будучи в командировке в Индии, я познакомился с тем, как англичане поставили для НПЗ в городе Визакхапатнаме теплообменники с медными трубками. Они работали более 40 лет без износа на солёной воде из Бенгальского залива Индийского океана.

Такие сооружения, как этиленопроводы до Казани и Салавата суммарной протяженностью более 600 километров, этиленовая установка методом пиролиза бензина, мощностью 450 тыс. тонн в год в одном блоке, комплекс ПАВ в составе установок тримеров пропилена, альфаолефинов и собственно установки ПАВ, установка получения дивинила методом одностадийного дегидрирования бутана (Гудри), производство окиси этилена прямым окислением этилена кислородом и производство этиленгликоля, были уникальны и впервые были построены на Нижнекамскнефтехиме.

При проектировании и строительстве НКНХК я сталкивался со многими проблемами разного характера:

агрегаты выделения полимера, изменение условий при сбросе стоков с БОС в реку Кама в связи с пуском Куйбышевской гидроэлектростанции, полимеризаторы в производстве бутилкаучука, реакторы первой и второй ступеней в производствах изопрена и дивинила и ряд других.

В Нижнекамске работала наша геологическая партия, которая с учётом приглашенных временных летних работников доходила численностью до 100 человек. Работа этой партии была крайне важна для разработки многих частей проекта, в связи с чем их деятельности придавалось большое значение. Во время этой командировки у нас был неприятный эпизод с руководителем этой партии (фамилию его я не помню). Он, не выплатив очередную зарплату работникам партии, запил горькую. Уединился в своей квартире и не появлялся на работе. Нам стоило больших трудов проникнуть в его квартиру и как-то нормализовать ситуацию. Кстати говоря, никаких гостиниц в городе тогда не было, и мы жили в квартирах, принадлежащих комбинату, предназначенных для командировочного люда.

В период этой командировки в будущем городе зданий практически не было. Не было дорог, не было деревьев, не было сетей водопровода, канализации, телефонизации и т.д. В тот период в районе будущего города была лишь одна татарская деревня, насчитывающая около одной тысячи жителей.

Известно, что первый колышек на площадке забили наши изыскатели в 1961 году. За прошедшие 3 года стройка неизмеримо разрослась. Чувствовался огромный размах, требующий хорошего руководства комбинатом и строительно-монтажными организациями. Мне представляется, что руководители комбината и строительно-монтажных организаций были на высоте. Сплав молодости и опыта, хорошо организованная и укомплектованная команда дирекции вновь строящегося гиганта нефтехимии во главе с Николай Васильевичем Лемаевым, огромный опыт руководителя Татэнергостроя, Героя Соцтруда, строителя Комсомольска-на-Амуре, Евгения Никифоровича Королёва и его помощников, отличная работа Треста №7 Минмонтажспецстроя (Милявский, Гольдберг) дали прекрасный результат. В короткий срок Нижнекамскнефтехим превратился во флагмана отрасли в стране и в один из крупнейших комбинатов такого рода в Европе.

Я забыл упомянуть о причале для приёма и разгрузки крупногабаритного оборудования. Этот причал с мощным портальным подъёмным краном (грузоподъёмностью 320 тонн, если я правильно помню) располагался в районе БОС и предназначался для разгрузки прибывающих по реке барж с крупногабаритными грузами. Огромную трудность представляла транспортировка, подъём и доставка до стройплощадки цельносварных ректификационных колонн диаметром 4,5 м и длинною порядка 70 м для

ЦГФУ и других производств. Эта проблема решалась Трестом №7 Минмонтажспецстроя и решалась успешно! Работники стройтреста, СМУ и монтажных организаций проходили здесь большую школу, приобретая ценный опыт, пригодившийся им при строительстве последующих очередей Нефтехимкомбината.

Нижнекамскнефтехим состоит из двух комплексов, располагаемых на отдельных площадках: Комплекс заводов СК и Комплекс нефтехимпроизводств.

Гипрокаучук вёл Генеральное проектирование не только комплекса заводов СК, но также и Комплекса нефтехимпроизводств. Мне также приходилось заниматься решением многих вопросов, связанных с Нижнекамским промузлом. Но обо всём по порядку.

19. Комплекс заводов СК

В составе этого комплекса были запроектированы 4-е очереди строительства, которые я попытаюсь описать так, как у меня осталось в памяти.

Первая очередь строительства

Дирекцией строящегося комбината в составе этой очереди были организованы 4 завода:

1. Газовый завод (ЦГФУ1 и 2 блоки), установка изомеризации пентана, водородная установка и склады сжиженного газа);
2. Завод изопрена (цеха дегидрирования изопентана, выделения и очистки изопрена);
3. Завод СКИ-3;

4. Завод бутилкаучука (цеха дегидрирования изобутана, выделения и очистки изобутилена, цех полимеризации и выделения бутилкаучука).

Как я писал выше, внутри комбината в составе 1-й очереди строительства использовались лишь пентан, изобутан и изопентан. Недостающее количество изопентана производилось за счёт изомеризации пентана. Линии производств выглядели следующим образом:

- Изобутан – изобутилен – бутилкаучук,
- Изопентан – изопрен – СКИ-3.

Проект 1-й очереди прошёл все необходимые согласования, включая дирекцию НКНХК, и был утверждён Госстроем СССР по представлению Миннефтехимпрома. После этого стройка приобрела вполне легитимный характер. В процессе строительства возникала масса вопросов, требующих срочного решения. Очень помогали в разрешении этих вопросов Нижнекамский сектор Гипрокаучука, возглавляемый В.Н. Марченко, и Казанский сектор Гипрокаучука, возглавляемый Н.Е. Барковым. Мы хорошо сотрудничали с ПКО комбината, который также выполнял ряд небольших проектных работ.

Пуск в эксплуатацию первого блока ЦГФУ состоялся в 1967 году. Это событие почти пятидесятилетней давности считается годом рождения Нижнекаскнефтехима. За ним последовал пуск производства изопрена и каучука СКИ-3 (1970 год), а в 1973 году было введено в эксплуатацию производство изобутилена и бутилкаучука. Одновременно была построена масса объектов общезаводского хозяйства и многие объекты инфраструктуры.

Вторая очередь строительства

В состав 2-й очереди строительства было включено производство дивинила двухстадийным методом дегидрирования бутана, мощностью 90.0 тыс. тонн в год.

История создания этого производства не проста. К моменту создания этого производства на Западе уже давно эксплуатировалось производство этого мономера более экономичным одностадийным методом дегидрирования бутана. Однако, не имея валюты на закупку, с одной стороны, и не имея ноу-хау, с другой, Министерство, имея в виду временной фактор и дефицит бутадиена в стране, пошло на создание этого производства, производства бутадиена 2-стадийным методом дегидрирования бутана, на Нижнекаскнефтехиме. Было выполнено проектное задание, были созданы все необходимые предпосылки для его строительства на Каме. Требовалось быстрое выполнение рабочих чертежей, заказ оборудования и материалов и т.д. Но проект не находил одобрения в Госстрое, Госплане и Комитете по науке и технике. В то время бюрократия была неимоверно сильна, и существующим положением Миннефтехимпрому не разрешалось утверждать проекты, а требовалось утверждение высших инстанций. Я хорошо помню, как мы с Ованесом Георгиевичем Мурадьяном (Нач. Главкаучука) добивались разрешения на строительство этого производства в Комитете по науке и технике. Мурадьян был возмущён их непониманием крайней необходимости в бутадиене для производства полибутадиенового и дивинилстирольных каучуков. Это положение усугублялось тем, что на Воронежском и Ефремовском заводах СК были созданы мощности по получению полимеров, которые были недозагружены из-за отсутствия бутадиена. Только

лишь Постановление СМ СССР 1969 года об улучшении проектно-сметного дела позволило Миннефтехимпрму СССР в одностороннем порядке пробить брешь в высших государственных инстанциях и утвердить проект. Это открывало нам фронт работ по разработке рабочих чертежей и строительных работ на НКНХК. Эта задача была выполнена в короткие сроки, и производство начало функционировать в 1974 году. Конечно, все понимали, что 2-стадийный метод – это вчерашний день. Но нам не приходилось выбирать, так как у нас ничего не было ни в плане технологии, ни в плане необходимой уникальной аппаратуры. Но, как бывало всегда в России, вдруг Миннефтехимпром получил картбланш: Госплан изыскал валюту для закупки одностадийного производства бутадиена. И работа закипела. Вышел Приказ Министерства, затем Приказ по Гипркаучуку. Начались переговоры по закупке этого производства у японской фирмы Мицубиси по лицензии фирмы Гудри. В Гипро дела за ГИПа вела К.Р. Ефимова, а я решал все вопросы на строительной площадке.

Производство было построено и начало функционировать в 1975 году. Страна получила дополнительно 90.0 тыс. тонн дивинила в год. Так писалась дивинильная сага на Камской земле, в которой Гипрокаучук играл не последнюю роль в купе с Техмашимпортом, заводчанами, строителями и монтажниками. В настоящее время два этих производства функционируют и производят суммарно 180.0 тыс. тонн дивинила в год.

Третья очередь строительства

В состав 3-й очереди строительства были включены производства изопрена из изопентана и каучука СКИ-3 мощностью 120.0 тыс. тонн в год.

Мировые проблемы тех лет заставили нас по-новому взглянуть на использование вторичных источников энергии. Кризис 1973 года (Суэцкий канал и агрессия Ирака в Кувейт) и, как следствие, нефтяной и энергетический кризисы подвигли человечество к усиленному поиску путей восполнения дорожающей и становящейся дефицитной энергии. Вышестоящие инстанции Союза, Миннефтехимпром и Госплан СССР усиленно и целеустремлённо искали способы решения этого вопроса. Применительно к Гипрокаучуку это вылилось в проектную проработку использования вторичных источников энергии. Эта работа предшествовала разработке Проектного Задания 3-й очереди строительства НКНХК. Ранее мы в своих проектах не уделяли должного внимания вторичным источникам энергии, и она терялась на ветер. У нас, как повелось в России, всё было вольготно и огромно. Ни о какой экономичности в этом плане никто не пёкся, и все деяния были затратны. Наплевизм, как говорится, витал в воздухе. "Гром не грянет – мужик не перекрестится", – гласит старинная русская пословица. "Вот те здрасьте", говорил Синичкин-Буба в к.ф. "Неуловимые мстители." Вот так и у нас, в нашем случае. Грянул мировой энергетический кризис и, несмотря на наш ограждающий железный занавес, он задел и нас, и задел основательно. Пришлось туже затягивать пояса. Некоторые люди в верхах начинали осознавать пагубность такой затратной индустрии, и посыпались "указилки" с целью сокращения энергозатрат. Но так как наша централизованная система планирования была очень нерасторопна и медлительна, то реализация этих идей, как всегда, растянулась на долгие годы. Сейчас мы знаем, да и тогда некоторые интересующиеся люди знали, что академик Канторович математическими методами доказал, что зарегулированная, централизованная система

планирования и ведения хозяйства неработоспособна. Я об этом слышал, читал, знал. Вся история с Нобелевской премией Канторовича была дико политизирована. Ведь его работы подрывали основы Государства! Государственная собственность исключала личную заинтересованность, что вело к застою и рутине.

Но вернёмся к нашим конкретным делам. У нас было много идей в области энергосбережения:

- утилизация тепла отходящей с теплообменников воды,
- утилизация тепла отходящих дымовых газов с нагревательных печей,
- замена водяных теплообменников на воздушные,
- утилизация тепла, отходящего с кипятильников ректификационных колонн парового конденсата.

И ещё некоторые идеи, которые я сейчас и не припомню. Мы даже прорабатывали возможность утилизации тепла отходящих дымовых газов с ТЭЦ с одновремённой очисткой их от сернистых соединений (в начальном периоде ТЭЦ работали на высокосернистом мазуте, с содержанием до 4,5%). Как показала проектная проработка, все эти идеи требовали больших капиталовложений с установкой дорогостоящего, специального оборудования. От большинства идей пришлось отказаться, а некоторые были использованы в проекте 3-й очереди (воздушные холодильники и установка получения горячей воды путём использования тепла с реакторов 2-й стадии дегидрирования бутиленов).

С этой установкой связана забавная история. У заводчан при запуске насосов происходили срывы. Насосы не работали. Дело дошло до настоящего конфликта с

Главным инженером комбината Ворожейкиным, который мне по телефону высказывал свои претензии в довольно неучтивой манере. Мы всё перепроверили, просмотрели вновь всю схему и расчёты установленных насосов и убедились в верности нашего проекта. Мы пришли к выводу, что на всасывающем патрубке что-то создаёт непредусмотренное проектом сопротивление, что и подрывает работу насосов. Я заверил Ворожейкина, что у нас в проекте ошибок нет, и настоятельно ему рекомендовал проверить всасывающий коллектор. Прошло некоторое время, и раздался телефонный звонок. Звонил с извинениями Ворожейкин. В действительности, монтажники при производстве работ забыли телогрейку во всасывающем патрубке. После устранения этой помехи установка заработала в штатном режиме.

Проект 3-й очереди был воплощён в жизнь в полном объёме, а производства изопрена и каучука СКИ-3 были запущены в эксплуатацию в 1976 году.

Четвёртая очередь строительства

В состав этой очереди вошло производство изопрена из изобутилена и формальдегида мощностью 120.0 тыс. тн в год. История создания этой мощности непроста и имеет свою интересную предысторию.

Первое промышленное производство изопрена этим методом было построено на Тольяттинском заводе СК. Однако при освоении этого производства высокая коррозия не позволяла выйти на устойчивый режим производства. Высокая коррозийность среды была вызвана продуктами, применяющимися в этом процессе: формальдегидом и щавелевой кислотой. Этот вопрос ставил под сомнение работоспособность этого метода! Вопрос стоял в то

время очень остро, и его рассмотрение было даже вынесено на заседание Правительства Союза. На этом заседании, как мне рассказывали, был курьёзный случай. Ведущий заседание Зам. Председателя Правительства попросил Главного Конструктора института осветить проблему. На его вопрос; "Так что же происходит в Тольятти?", – Гриншпун сказал, что его никто не слушает, и все его решения не принимаются. Ведущий совещание был в недоумении, как можно решения Главного Конструктора игнорировать?! Он полагал, что статус Главного Конструктора Гипрокаучука сопоставим со статусом Королёва в ракетном деле. Недоумение быстро разъяснилось после выступления директора Тольяттинского завода СК О.Г. Мурадьяна, который заверил совещание, что в ближайшее время производство заработает в штатном режиме, и тем самым спас положение. Одновременно он попросил помощи в решении вопросов коррозии. Указание было дано, и специалисты из института Морфлота оказали действенную помощь в этом вопросе. Вскоре производство вышло на проектные показатели.

Нижнекамское производство изопрена из изобутилена и формальдегида было запроектировано с учётом всех недостатков, выявившихся при пуске и освоении аналогичного производства на Тольяттинском заводе СК.

Однако при разработке рабочих чертежей возникла проблема с материалом главной ректификационной колонны. Заводчане настаивали на титановом варианте, несмотря на то, что титан был в диком дефиците в стране, и его применение в проектах требовало специального решения. Это обстоятельство сдерживало строительство. Гипро предпринимал титанические усилия по решению этого вопроса. Однако большое количества титана, требуемое для строительства колонны, тормозило решение вопроса.

С нас требовали всевозможные обоснования применения титана, требовали доказательств невозможности использования других материалов и т.д. В конечном итоге, разрешение было получено, и нам было выделено около 1600 тонн титана (если я правильно помню) на строительство этой колонны. Титан и только титан полностью, на 100% решал вопрос коррозии в этом блоке.

Производство было построено и было пущено в эксплуатацию в 1978 году.

Вслед за этими очередями мы начали проработку Технико-экономического обоснования строительства установки по получению этилен-пропиленового полимера. Но продолжения этого деяния я уже не застал, так как с 1986 года я перешел на другую работу. С этого года я стал в ранге Зам. Главного инженера Гипрокаучука, и в мои обязанности входило руководство работой БГИ и филиалов института.

20. Комплекс нефтехимических производств

В состав этого комплекса вошли следующие установки:

установка получения этилена пиролизом бензина, мощностью 450.00 тыс. тонн в год, установка первичной переработки нефти, мощностью 7.5 тыс. тонн в год, установка получения тримеров пропилена, установка получения этилбензола и стирола, установка получения альфаолефинов, установка получения ПАВ, установка получения окиси этилена и установка получения этиленгликоля. Это были, в основном, комплектно закупаемые установки, за исключением установки получения тримеров пропилена, установки получения этилбензола

и стирола, а также установки первичной переработка нефти.

Установка получения этилена пиролизом бензина была закуплена в Японии. Всеми работами, включая подготовку технических приложений к контракту, приёмку проекта, распределение проектных работ и т.д., выполнял институт ВНИПИнефть. Этот же институт разрабатывал и проект установки первичной переработки нефти. Проект установки получения этилбензола и стирола выполнял Воронежский филиал Гипрокаучука. Все остальные установки вёл Головной институт Гипрокаучук. Все работы на стадии подготовки контрактов, их исполнения, приёмка предварительного и окончательного проектов осуществлялись Гипрокаучуком.

Это была сложная и кропотливая работа. Гипро выполнял по всем установкам строительную часть проекта, решал все вопросы, возникающие у специалистов заграничных фирм и заводчан.

21.Проект Нижнекамского промузла

В 70-е годы Гипрокаучуку Миннефтехимпром поручил разработать проект Нижнекамского промузла. К этому времени в Госхимпроекте был создан отдел промузлов во главе с Березиным. В нашей разработке участие принимали, кроме Госхимпроекта, ещё следующие проектные институты Москвы: Союзводоканалпроект, Промтранснииппроект, Электропроект, Гипрогор, Резинопроект и Внипинефть. Возглавлял эту работу Гипрокаучук, он же и финансировал её.

Мне хотелось бы рассказать о прохождении этого проекта в надзирающих организациях Татарстана, на

НКНХК и в Госстрое СССР. После выполнения проекта наступила фаза его рассмотрения и согласования на НКНХК и в надзирающих инстанциях. Мне как генеральному проектировщику НКНХК, основного промышленного предприятия узла, хотелось провести эту фазу работы спокойно, без излишних треволнений и быстро. Понимая, что рассмотрение этого многопланового и сложного проекта потребует много времени и усилий всех участников разработки, мы совместно определили стратегию его прохождения на комбинате и в инстанциях. По моей инициативе мы группой ГИПов из 5 человек в составе: Березин, Госхимпроект; Симис, Электропроект и ещё двух ГИПов из Промтранснииипроекта и Союзводоканалпроекта, в конце апреля со всеми материалами проекта, включая демонстрационные планшеты, отправились в командировку в Казань и далее в Нижнекамск. Я отчётливо понимал, что добиться быстрого рассмотрения и согласования проекта в республиканских надзирающих инстанциях будет очень сложно. Без помощи Татарского Обкома партии этот процесс мог затянуться надолго. Помня участие С.Л. Князева в моей судьбе и зная его любовь к Каме, я решил обратиться к нему за помощью. Я позвонил в его секретариат, представился и попросил соединить меня с Сергеем Львовичем. Он поднял трубку, и я изложил ему суть вопроса. Он в ответ сказал мне, что в 10 утра на следующий день нас примет и попросил сказать секретарше фамилии участников совещания, чтобы она заказала пропуска. На следующий день, в 10 утра, мы докладывали С.Л. Князеву в его кабинете основные идеи развития Нижнекамского промузла. На совещании присутствовал ещё один мужчина, как потом выяснилось, Председатель Правительства Республики Абдразяков.

Обзорное общее сообщение сделал я, подчеркнув экономическую целесообразность кооперации предприятий промузла. Затем каждый ГИП сделал краткие сообщения по своей части проекта. Совещание заняло 1.5 часа. В заключение Сергей Львович спросил Абдразякова: “Ну как, тебе понравилось?” Тот утвердительно сказал “Да”. Затем С.Л. сказал, что ему проект тоже понравился, и он заключил совещание незабываемой фразой: “Вот так и будем развивать Нижнекамский промышленный узел.” В общем-то тема была исчерпана, но нам нужна была помощь от С.Л. в быстром рассмотрении и согласовании проекта в республиканских организациях: Санэпидемстанции, Пожнадзоре, Архитектурно-планировочном управлении. На мою просьбу С.Л. снял трубку и позвонил руководителям этих организаций. Он попросил их организовать рассмотрение и согласование проекта. Он даже сказал им, что если времени не хватит, чтобы они поработали и в праздничные майские дни. Зелёный свет был дан! В итоге, мы быстро управились с делами в Казани и вылетели в Нижнекамск. Нам было необходимо получить согласование проекта от дирекции НКНХК как главного промышленного предприятия промузла. Я попросил Н.В. Лемаева собрать техсовет, на котором бы мы доложили о наших предложениях. Мне было очень сложно, но я сознался, что, будучи в Казани, мы получили “добро” Обкома партии. (С.Л. Князев) и Совета Министров Республики (Абдразяков). Лемаев меня основательно пожурил, но не обиделся. Я понимал, что мы должны были сначала доложить в Каме, получить добро, а уже потом ехать в Казань. В общем-то, я преступил порядок рассмотрения проекта. Но кто сейчас в меня бросит камень за это? Ведь мы спешили и делали общее дело. В Каме на совещании были руководители города, директора всех заводов и служб комбината. Совещание

прошло спокойно и в деловой обстановке. Проект был в целом одобрен. Было несколько несущественных замечаний. На следующий день мы начали работу с соответствующими службами комбината и быстро получили необходимые согласования. Затем протокол утвердил Н.В. Лемаев, и мы отбыли в Москву.

Заключительная фаза рассмотрения проекта была в Миннефтехимпроме СССР и Госстрое СССР. Проект был одобрен Миннефтехимпромом СССР, а затем и Госстроем СССР. Протокол рассмотрения был утверждён Зам. Председателя Госстроя СССР. В заключение отмечу, что этот проект в 1983 году был удостоен высокой Правительственной награды, Премии Совета Министров СССР за наиболее выдающиеся проекты и строительство по ним. Как мне рассказывали в Госстрое СССР, на соискание премии было подано 50 различных проектов. При проверке оказалось, что только один проект, Проект Нижнекамского Промышленного узла, был реализован в полном объёме.

22. О друзьях, товарищах

Ксана и Женя Шкуренковы

Наша дружба зародилась в период нашей жизни в Люберцах. Рэна и Ксана работали в одном институте под названием ГИГХС (Государственный институт горно-химического сырья). Там они встретились и подружились. Через Ксану мы перезнакомились со всеми членами её семьи. Какие это были замечательные люди! Сколько в них было простоты, мягкости и дружелюбия! Они были очень высоко образованы и интеллигентны. Они оказались на

нашем жизненном пути в тяжёлый для нас период. Мы очень ценили нашу дружбу и ту поддержку, которую они нам, провинциалам, оказывали. Сколько "пудов соли" было с ними съедено, и не сосчитать. За годы нашего знакомства была такая масса историй, встреч и расставаний, что трудно даже и упомнить. Но некоторые всё-таки хотелось бы отметить.

Шкуренковы были коренными москвичами. У Ксаны отец был крупный строитель, а у Жени – кадровый офицер, прошедший всю ВОВ от звонка до звонка. В начале нашего знакомства он пребывал в чине генерал-майора в отставке. Женя учился в Московском химическом институте имени Менделеева, где он и познакомился с Ксаной. Затем они поженились. В первоначальный период своей карьеры Женя работал в Минвнешторге. Затем, получив назначение, Женя с Ксаной уехали на работу в Югославию, где они прожили 5 лет. Вернувшись в Москву, Женя продолжил свою карьеру в Минвнешторге, работая директором конторы Союзхимэкспорт. В последующем Женя ушел из Минвнешторга и перешел на работу в Минхимпром. От этого министерства Женя был направлен на работу в ГДР, где он проработал несколько лет советником в какой-то структуре СЭВа. Все эти годы Ксана состояла при Жене, обеспечивая тыл семьи. В промежутке между этими разъездами мы и дружили. В моей памяти сохранилось несколько моментов, на чём я и хотел бы остановиться.

Театр "Современник" в старом здании на площади Маяковского. Шла пьеса "Голый Король". Билетов в продаже нет. Огромная толпа страждущих у входа в театр, и слышны лишь возгласы вопрошающих, нет ли лишнего билетика? Мы, смешавшись с толпой таких же несчастных у входа в театр в поиске лишнего билетика, с завистью наблюдали, как счастливые обладатели билетов

проходили в театр. Мы же, несчастные, продолжали томиться у входа в театр, на улице. Что же делать? Я предложил обратиться к администратору театра перед самым началом спектакля. Я сумел разглядеть в окошке администратора крашеную блондинку. Появилась надежда. Может быть, она клюнет на статных молодых мужчин. Мы с Женей, оставив наших дам на улице, протиснулись к её окну. Я попросил у ней билеты. Она не отказала, но и не продала билеты. Она сказала, чтобы я подождал. Вдруг, совершенно неожиданно, она подозвала меня, и протянула мне контрамарку на 2 лица! Мы с Женей выбежали радостные на улицу к нашим дамам. Решили бросить жребий. Мы с Рэной оказались счастливее Шкуренковых, и нам досталась эта контрамарка. Оставив Женю и Ксану, повздыхав и посочувствовав им, мы стремглав умчались в театр вместе с третьим звонком. Места оказались не самые лучшие. Передо мной торчала колонна, заслонявшая сцену. У Рэны место оказалось поприличнее. Но эту мелочь затмевало сознание того, что мы находимся на одном из лучших спектаклей, одного из лучших театров Москвы тех лет. Гениальная пьеса Шварца! Актёры – весь цвет "Современника": Евстигнеев, Даль, Кваша, Козаков и другие. В антракте сексапильная администраторша решила посмотреть на нас и... тут она осознала свою ошибку! Её планы захомутать меня рушились. Она это отчётливо поняла и ретировалась молча.

Попытка покупки дачи на паях

Мы решили приобрести дачу по Казанской ж.д. на две семьи. Углядели в объявлении, что продаётся дача в Ильинском. Женя взял у отца "Победу", и мы поехали смотреть дачу. Но до дачи мы не доехали, а угодили в

глубокую яму. Машина застряла на корявой, мокрой после дождя дороге. Что мы только ни подкладывали под задние, ведущие колёса, вытащить эту "заразу" мы не могли. Мы подкладывали ветки, откапывали колёса лопатой – никакого эффекта. Пока мы не бросили под колёса чью-то фуфайку и не надавили сзади на кузов всем скопом, машина не начала потихоньку выползать из ямы. Мы все грязные, облепленные комками земли уселись в "рыдван" и покатили. Кстати, дом мы всё-таки успели осмотреть. Он был стар и огромен, в целых три этажа. Цену заломили за дом немалую, совершенно для нас неподъёмную. Так что голубая мечта рассыпалась, как карточный домик.

Женя часто брал у отца машину, и мы с удовольствием катались на ней. Бывали даже в Загорске. Выпивший Женя частенько выезжал на полосу встречного движения и лихо мчался на этой чудо-технике. Он ревновал Ксану к её бывшим кавалерам, и я помню, как однажды он затащил меня в какой-то дом, где, как он говорил, жил её бывший ухажер. Женя с наслаждением опрокинул мусорное ведро перед его квартирой, и мы быстро убрались оттуда.

Катание на лыжах

В очередной выходной день мы с Женей пошли покататься на лыжах. Это было где-то в районе Новогиреево, недалеко от их кооперативной квартиры. Накатавшись, довольные, уставшие и продрогшие на морозе, мы направились в сторону их квартиры. Но вдруг Женю осенило, и он предложил заехать к одному из его знакомых, живущему в этом же районе. Женя меня заверил, что в этой хлебосольной семье нас хорошо примут, накормят и напоят. Я согласился, и мы направили свои стопы в сторону Жениного приятеля. Мы оказались в чудном доме,

в прелестной компании. Нас превосходно приняли. Хозяин оказался бывшим певцом из хора Свешникова. Там были его домочадцы и 3 собаки. Породу собак я не помню. Помню только, как эти собаки буквально пели под мелодию, на разные голоса. Было очень интересно за этим наблюдать. Я видел такое впервые в жизни.

В Люберецкой квартире Шкуренковых мы несколько раз встречали Новый год. Затем и они, и мы перебрались в Москву, и наши связи потускнели. Мы стали реже встречаться. Ежедневные заботы, работа, дети всех нас поглотили без остатка. Но мы до их последних дней сохранили к ним самые добрые чувства. Жизнь этой семьи была очень трагична: в молодом возрасте умирает сын Владимир, за ним умирает тоже молодая, прекрасная дочь Татьяна, затем ушёл из жизни Женя, а потом и Ксана. Мы не смогли их проводить в последний путь, так как были уже заграницей.

Ольга и Лазарь Сагаловичи

Наше знакомство идёт с Казани. Они – люди старшего поколения. Они дружили с Рэниной старшей сестрой Беллой и её мужем Ильёй. Ольга и Лазарь очень много сделали для нашего становления в Москве. В их лице мы обрели твёрдую опору и поддержку. Через них мы познакомились с Нелей и Виктором Старосветскими (Виктор был родной брат Ольги). Они были оба медиками. Ольга работала терапевтом в клинике, Лазарь был Главврачом больницы в Перово. Жили они в Ленинском районе Москвы, на улице Удальцова. Мы очень любили бывать в их хлебосольном доме. Более лучезарных, легкокрылых людей, обладающих большим чувством юмора и самоиронии мне трудно припомнить.

Я помню страшный, но окрашенный юмором рассказ Лазаря об одном эпизоде в годы войны: их соединение заняло какую-то деревню, отбив её у немцев (Лазарь был начмедсанбата). Обнаружив канистры со спиртом, брошенные немцами, они на радостях все перепились. На рассвете, очухавшись от пьянки, с больной головой, он услышал стрельбу. Это немцы возвратились и отбили деревню. Его друзья раньше его поняли ситуацию и успели драпануть, он же не успел и сумел только вылезти через окно и спрятаться в выгребной яме. Там он простоял дотемна, когда его часть вновь отбила деревню у немцев. И, как говорил Лазарь со смехом, от него до сих пор попахивает дерьмом. Этот рассказ он поведал на встрече ветеранов, когда они вспоминали смешные случаи военных лет. Его рассказ, как он нам говорил, занял 1е место!

Сколько же веселья и юмора они привносили в нашу жизнь! Лазарь всегда светился доброжелательством, желанием помочь, что-то сделать для нас. Он помог нам в первые дни нашей жизни в Люберцах устроить Танюшку в детский садик. Он оформил Рэну фиктивно санитаркой в больнице и снабдил её путёвкой в ясли, которую она обменяла в Люберцах на место в детском садике, в нашем доме. Это дало возможность нам двоим работать. Лазарь, охваченный самыми добрыми намерениями, предпринимал попытки прописать нас в Москве. Я помню, как он однажды пригласил нас к ним на Удальцова, где познакомил нас с одним мужиком. Этот орёл обещал организовать нам московскую прописку в обмен на решение о свободной покупке по твёрдым ценам 10 автомобилей "Волга". Этот вариант рухнул сам собой в небытие. (Как известно, московскую прописку мы получили легальным путём в 1970 году.) Ольга была стержнем их семьи, в которой было два сына, Володя и Леонид. Ольга была большим оптимистом, весёлой,

неунывающей натурой. Она любила, понимала и ценила юмор, шутку, анекдот. Она хорошо готовила, отлично работала. С ней Лазарь был, как за каменной стеной. Лазарь жутко переживал её преждевременный уход из жизни. На него было страшно смотреть. Он горевал, часто плакал, пил. Жить без Ольги он не смог и вскоре тоже ушёл за нею. Не прошло, кажется, и двух лет после её кончины...

Неля и Виктор Старосветские

Эти замечательные люди стали самыми близкими и любимыми нашими с Рэной друзьями. Мы, как говорится, были людьми одной крови. В наших характерах и пристрастиях многое совпадало. Мы любили работу, мы любили дружеские застолья, мы любили юмор, смех, розыгрыши, шутки, анекдоты. Мы любили прозу, поэзию, балет, театр, музыку, хорошие фильмы. Мы стремились к общению друг с другом. Меня с Виктором ещё сближала любовь к шахматам. Я помню его телефонные звонки и его голос: “Что ты делаешь? Подъезжай, я уже расставил”. Я срывался и через всю Москву мчался к Виктору поиграть в шахматы. Неля и Виктор – люди непростой судьбы. Это был их второй брак. Они рано потеряли свои половинки. Затем, найдя друг друга, соединили свои жизни. У каждого из них было по сыну от первого брака. В их совместной жизни детей у них не было. Неля была научным работником, кандидатом наук и занималась биологическими проблемами. Виктор, к.м.н., был заведующим отоларингологическим отделением 71 Московской городской больницы Кунцевского района. Виктор нам много помогал в медицинских надобностях. Он, в частности, привёл меня к его другу, Борису Гехту, одному из лучших невропатологов Москвы, с моей больной спиной. Я, со своей стороны, пытался помочь Виктору

в его новаторской работе и пробовал мастерить из силоксанового полимера специально придуманную им маску.

Мы весело и остроумно встречали праздники Нового года в их компании на Кривоколенном, в их шикарной 5-комнатной квартире. В дальнейшем они её разменяли, и Неля с Виктором переехали на Кутузовский проспект, недалеко от 71 больницы, в 2-комнатную квартиру в новом доме. Мы были очень близки. Мы любили поэзию и старались не пропускать концерты чтеца Сомова. Я помню один из его концертов с программой о французской поэзии. Не помню, где это происходило, но хорошо помню, что перед концертом мы немного выпили, и Виктор во время вопросов и ответов прокричал с верхотуры Сомову: "А я, однако, хочу и Пастернака!" Он был услышан и вознаграждён обещанием подготовить программу о Пастернаке и его поэзии. Мы бывали с Нелей и Виктором в Прибалтике в 1972 году. На наших "Жигулях" без происшествий мы добрались до Рижского взморья, где было прекрасное море и чистейший песок. Мы отдыхали большой компанией: к нам из Казани присоединились Яна и Лёва Шевелёвы, а из Таллинна – Нона и Шарль Мастбаумы. Мы остановились в дюнах, примерно в 90 километрах от Риги, на автостраде Рига–Таллинн, в районе Саулкрасты, в Салацгрива. Июль, солнце, прелестный пляж, вода 25-27 градусов Цельсия. Мы молоды, задорны, полны сил и энтузиазма. Плаваем, загораем, трапезничаем, играем в карты, веселимся. Виктор увлёк нас всех игрой в "быка и корову". Мы повально все заразились этой игрой и, не переставая, попарно сражались в неё. Месяц пролетел незаметно, и мы вернулись в Москву. С Нелей и Виктором мы вместе отдыхали зимой в нашем институтском пансионате "Жемчужина" на Икшинском водохранилище. Катались на лыжах, встречали в Гипровской компании Новый год. Мы дружили с ними до

самой неожиданной, преждевременной кончины Виктора. Он, наш замечательный друг, не дожил даже до 65 лет. Его сразил обширный инфаркт. С Нелей мы и по сей день находимся в самых тёплых дружеских отношениях. Часто общаемся в эфире на скайпе и обмениваемся новостями.

Жанна и Володя Отделёновы

С этой замечательной парой нас свела наша дочка Татьяна. Она, поступив в 31 школу Москвы, подружилась с Олечкой Отделёновой, а уже через неё мы и познакомились с её родителями и родителями Жанны, Виталием Андреевичем и Зинаидой Александровной. Начало нашей дружбы приходится на 70-е годы, когда мы переехали из Люберец в Москву. Жанна, милая, добрая, красивая женщина, работала в редакции газеты “Известия”, а Володя, высокий, широкоплечий, русский красавец, был в 50-х годах лучшим Онегиным в Большом театре. В период нашего знакомства он был солистом Московской филармонии и бывал с сольными концертами во Франции, куда его часто приглашали. У Володи был приятного тембра баритон, которым он мастерски владел. В его репертуаре было много русских романсов и арий из опер. Он был очень контактный и открытый человек. В последующие годы он работал в институте имени Гнесиных профессором на кафедре классического вокала. Мы были очень дружны, и не было ни одного значимого праздника, чтобы они не приглашали нас к себе в компанию на Пушкинский бульвар, где была их прекрасная квартира. Эта квартира принадлежала родителям Жанны. Виталий Андреевич был большой военноначальник, в чине генерал-майора (если я правильно помню). Он прошёл всю войну, был после ВОВ начальником Одесского военного округа, а затем

уже в Москве командовал ПВО Союза. В период нашего знакомства он был на пенсии и писал книгу воспоминаний о военных годах. Он был высокообразованный, доступный и добрый человек. Ему особенно нравилась Рэна, и он любил поговорить с ней на разные темы. Он часто говорил Жанне, чтобы она приглашала всегда в гости Рэну. У Володи и Жанны был очень широкий круг знакомств, как в театральной сфере, так и области журналистики. У них на застолья собирались очень интересные люди, как-то: худрук "Театра Оперетты" Георгий Ансимов, который затем работал режиссёром в Большом театре, зам. Министра Тракторной промышленности Шабанов (муж Жанниной подруги), Сергей Шапошников, тренер команды ЦСКА по футболу. Я помню восторженный рассказ Ансимова о гастролях в Японии и Южной Корее. Его больше всего поразили успехи Южной Кореи. Он говорил, что в технике она почти достигла уровня Японии, что Южная Корея находится на крутом подъёме своей экономики. Меня также поразил рассказ Шабанова о командировке в Англию. Он рассказывал, как английские коллеги показывали их делегации поля пшеницы. Они не могли ничего понять. Кругом были проложены какие-то провода, тянущиеся до какого-то небольшого одноэтажного сооружения, стоящего в центре поля. Им объяснили, что все сельхоз работы выполняются по команде компьютеров (микропроцессоров), работающих по специальной программе. Им показали датчики, погруженные в землю, которые фиксировали солевой состав почвы, её влажность, температуру и т.д. Программой были установлены все сроки и дозировки того или иного удобрения, которое в определённое время с коррекцией на погодные условия необходимо было подать в почву для повышения её продуктивности. Всё было поставлено на твёрдую,

научную основу. Их делегация как бы побывала на другой планете. А ведь это происходило где-то в начале 70-х годов! Вот почему была такая огромная разница в урожайности пшеницы: у англичан она была в 6-7 раз выше, чем у нас.

Володя был знаком с Ираклием Андрониковым, и однажды, прослушав мой стих о поездке в Михайловское, он говорил мне и настаивал, чтобы я разрешил ему передать это стихотворение Ираклию, чтобы тот включил его в свою программу о Пушкине. Я стеснялся, тушевался и просил Володю не делать этого.

В первой книге "Воспоминаний" я писал о нашем вояже с Жанной и Володей в Пушкинские Горы к Гейченко. Эта поездка осталась в памяти навсегда! Здесь о ней я не буду распространяться, а остановлюсь на других моментах нашей дружбы.

Детский театр ТЮЗ на Театральной площади у Большого театра. Я не помню, какая там была постановка, но хорошо помню, что Жанна и я сопровождали наших девочек на этот спектакль. Володя в это время был где-то на гастролях за пределами Москвы. Жанна – довольно кокетливая женщина, и здесь на фоне своих подруг из газеты "Известия", которые тоже "пасли" своих чад, она активно изображала свою симпатию ко мне. Этим она возбудила неподдельное и острое любопытство у своих товарок. Ей, Жанне, так хотелось, чтобы её так называемые подруги позавидовали ей – какого молодого и интересного мужика она отхватила! Весь спектакль и спектакль, который разыгрывала Жанна, подошли к концу, и публика потянулась к выходу. Как вдруг...на горизонте появился Володя, пришедший встречать своих дорогих девочек и, как говорится, "испортил всю песню!" На лицах Жанниных подруг застыло разочарование, когда они увидели, как мы с Володей обнялись.

Мы с Рэной часто бывали у Отделёновых на их даче в Салтыковке, где чудесно проводили время. Я помню, как Володя по старинному обычаю раздувал сапогом самовар, и как он гордился этим. Мы очень любили в их хлебосольной, гостеприимной семье почаёвничать на веранде вместе с Жанниными родителями.

Я запомнил историю, как я бросил курить. Это случилось, благодаря Володе. Он “загремел” с инфарктом в Институт скорой помощи имени Склифосовского на Проспекте Мира. Мы с Рэной навещали там Володю. Однажды во время нашего очередного посещения Володя (при Жанне) возьми, да и скажи: “Вот ты (обращаясь ко мне) будешь продолжать курить, а мне врачи строжайшим образом запретили это делать!” На эту тираду я ответил ему: “Дорогой Володя, я из чувства солидарности с тобой тоже прекращаю курить. Вот сейчас пожмём друг другу руки, наши жёны разобьют наше рукопожатие, и с этого момента я больше курить не буду!” Мы так и поступили. Я действительно прекратил курить. На самом же деле, я после этого выкурил пару сигарет (на вечере, посвященном назначению Сахапова Генеральным директором Камы в гостинице “Россия” у него в номере) и завязал с куревом окончательно и бесповоротно.

Я помню концерт Володи у нас в Гипрокаучуке, который прошёл при переполненном зале с большим успехом. Володя пел “Блоху”, ”Титулярный советник”, “Эпиталаму”, “Элегию” Масне, “Утро туманное”, “Гори, гори моя звезда,” “Однозвучно гремит колокольчик” и много других прелестных романсов. Благодарный Зиновьев “накрыл поляну” в “греческом зале”, и мы в узком кругу чудесно провели время за трапезой.

Наши дорогие друзья были единственными провожающими нас на Рижском вокзале в декабре 1991

года, когда мы покидали Россию, уезжая в эмиграцию в Израиль. Наша прощальная встреча оказалась последней с Володей. Вскоре его не стало. С Жанной и Олечкой мы ещё встречались в Москве в 2006 году. Мы и сейчас поддерживаем наши дружеские отношения и частенько перезваниваемся и общаемся по скайпу.

Гина и Изя Зак

Наша долгая дружба началась в 1970 году, когда мы и они поселились в доме № 9 по Щербаковской улице. Мы жили на 15-м этаже, а они на 4-м. Отец Гины, о котором я писал выше, работал Зам. Директора Гипрокаучука по гражданскому строительству, и он, конечно, имел возможность и полное право на получение квартиры в этом доме. Я не помню как, когда и где мы познакомились с Заками, но они на всю нашу жизнь стали самыми близкими и родными нам людьми. Рэна вспоминает, что первый контакт у неё был с Изей, когда она, отстав от нас, хотела добраться до Икши к нам с Танюшкой. Ей кто-то посоветовал обратиться к Исааку Рафаиловичу, который ехал на своих "Жигулях" к Гине и Наташе, отдыхающим на Икше. Изя прихватил Рэну и благополучно довёз её. С этого момента у нас и началась дружба.

Они были коренными москвичами, умные, добрые, отзывчивые и светлые личности. Конечно, они были опытнее и искушеннее нас, провинциалов, и нам было, чему у них поучиться. Изю в связи с его специальностью, врач-гинеколог, д.м.н., заведующий клиникой осложнённых родов в Институте акушерства и гинекологии, знала вся женская половина Москвы. С ним было невозможно спокойно где-либо появиться. Со всех сторон к нему обращались прохожие женщины и приветствовали его. Его как специалиста высокой квалификации Минздрав часто направлял в

Союзные Республики по любому гинекологическому случаю у жён или дочерей высоких партийных и советских бонз. Я помню, как Изю выдернули из кинотеатра "Родина", с последнего сеанса, по экстренному случаю, произошедшему в его клинике.

У Изи была масса достоинств. Он, обладая великолепной памятью, был энциклопедически образован и блестяще знал мировую живопись, оперу, прозу и поэзию.

У Изи было множество знакомых. Через него мы имели возможность бывать на самых престижных спектаклях "Театра на Таганке". Изя был дружен с администратором этого театра. Я помню вечер отдыха артистов этого театра. После спектакля их развлекал Роман Карцев, талантливо игравший свой моноспектакль по мотивам произведений Зощенко, Ильфа и Петрова, Аверченко и Жванецкого, входившего тогда в моду. Я помню, как недалеко от нас Владимир Высоцкий аплодировал Карцеву, стоя, высоко поднимая над головой руки.

Через Гину с Изей мы познакомились с будущим Нобелевским лауреатом Алёшей Абрикосовым, физиком-теоретиком, работавшим с академиком Ландау. Они с Изей вместе учились в школе и всю жизнь дружили. Этот человек, на вид средней, незапоминающейся внешности, невысокого роста, становился гигантом, когда за трапезой рассказывал о своих жизненных приключениях. Это было до того талантливо и занимательно, что мы с раскрытыми ртами слушали его рассказы, боясь пошевелиться.

У Изи было много учеников и аспирантов из Союзных Республик. Мне помнится, как однажды Изя попросил меня помочь встретить одного аспиранта из Ташкента (если я не ошибаюсь). Он прибыл на Казанский вокзал с кучей дынь и своей 5-й женой, как говорил Изя. Это была незабываемая встреча! Ко мне в багажник моего захудалого "Жигулёнка" этот аспирант и его жена перетаскали

огромное количество дынь, перегрузив мой автомобиль. Мы кое-как добрались до дома и как-то распихали эти дыни. Не помню точно, куда мы дели эту массу великолепных дынь. На следующий день Заки позвали нас с Рэной на настоящий узбекский плов, который у них дома сварил этот аспирант. Плов был “пальчики оближешь и ум отъешь”.

У Заков была чудная собака, черный пудель, красавец по кличке Альфа. Она отмечала, любила и тепло ко мне относилась. Я ей платил тем же. Но однажды, когда я подходил к дому, возвращаясь из Камы, Альфа, видимо соскучившись, проявила свои чувства ко мне оригинальным образом. Она набросилась на меня и, высоко задрав передние лапы, попыталась меня облобызать. Всё было бы ничего, но при дождливой погоде она своими грязными лапами хорошо проехалась по моему светлому плащу, оставив на нём следы своего необузданного поведения. Я резюмировал ситуацию просто: плащу пришёл п....ц!

Запомнился мне ещё один случай с Изей. Он позвал меня смотаться по какому-то делу куда-то по Варшавскому шоссе. На обратном пути Изя не нашёл лучшего продолжения нашей поездки, как на светофоре въехать в зад стоящей там одиноко единственной машине. Началось разбирательство. Время ускользало, а у Изи пропадали два билета в Большой на оперу Вагнера “Кольцо Нибелунгов”. Изя отдал мне эти билеты и прогнал меня, оставшись там разбираться с милицией в деталях этого ДТП. Я же, поймав частника, добрался до Большого и, благодаря этому стечению обстоятельств, смог насладиться музыкой Вагнера и хорошим вокалом.

Мы бывали у Заков на их даче в Кратово по Казанской ж.д., где чудесно проводили время. Гиночка работала в МИСИ, толкая там математическую науку. Гиночке я посвятил некий стих, который привожу ниже.

Я в Москве тебя любил,
Как сестру, как брата,
А в Америке решил,
Что это маловато!
Все года, что пронеслись,
Я помню очень ярко,
Ты была всю мою жизнь
Для меня подарком!
И не важно, кто нас свёл,
И не важно, где,
Но я друга приобрёл
Верного в тебе.
Радость всем всегда дарит
С тобой общенье,
Всех смогла собой пленить
Ты без исключенья!
Я смирился, мне не быть
С тобой, ...однако,
Я давно хотел отбить
Тебя у Зака.
Я уехал в Израиль,
Там на Мёртвом море,
Свой хотел улучшить стиль,
Чтобы быть в фаворе.
Чтоб попасть в число друзей,
(А что я, рыжий?)
Переехал в USA –
К тебе поближе.
И от близости с тобой

Я рад безмерно,
И горжуся я такой
Подругой верной!
Будь же вечно молода,
К чёрту старость,
И счастливой будь всегда
Нам на радость!!

Мы бывали у Заков и в их новой квартире у Белорусского вокзала, которую они выменяли, что-то придав к квартире на Щербаковской улице. Заки бывали у нас в Израиле. С ними мы пересекались и после их эмиграции в США, куда мы тоже переехали из Израиля. Сейчас они живут в Нью-Йорке, а мы в Бостоне, но это не мешает нам поддерживать наши крепкие дружеские отношения, бывая изредка в гостях друг у друга. Мы по- прежнему очень дружны и всегда с большой теплотой вспоминаем светлые моменты нашей почти полувековой дружбы.

К великому сожалению, Изя, наш дорогой, золотой друг, недавно ушёл из жизни. Вечная ему память!

Алевтина и Павел Верновы

С этой парой и их детьми нас сблизила моя работа. Павел Александрович был Главным инженером НКНХК, откуда и идут истоки нашей многолетней дружбы. Мы симпатизировали друг другу, делая честно свою работу. Я всегда отдавал должное трудолюбию, честности и скромности П.А. Он мне отвечал тем же. Мы отлично сотрудничали, соблюдая правила приличия. Все технические вопросы мы решали всегда в согласованном мною с

П.А. порядке: первоначальное обсуждение замечаний к проекту происходило на уровне Гипровских и заводских специалистов. Те же вопросы, которые не находили у них решения, выносились на наш с П.А. уровень. Мы засиживались в кабинете П.А. до позднего вечера. Перед расставанием П.А. всегда приглашал меня в его комнату отдыха поговорить, отвести душу на волновавшие его вопросы, связанные, обычно, с ростом комбината. Затем, мы понемногу выпивали, заедая кусочком сахара, и разъезжались по домам.

П.А., находясь в командировках в Москве, любил бывать у нас дома. Здесь тематика наших разговоров была другая. П.А. любил с Рэной поговорить на семейные темы, связанные с взрослением его дочерей. У П.А. и Алевтины Петровны было две дочери: Наташа и Вера. Так как и у нас росла девочка, то Рэне, умудрённой опытом, было о чём поговорить с П.А.

Сколько П.А. сделал добрых дел для нашей семьи, просто не сосчитать! При наших встречах он всегда меня спрашивал, а не может ли он чем-нибудь помочь мне. Его добрые дела и дружеское отношение к нашей семье прошли красной нитью через все годы нашей дружбы. Я уже писал в 1-й книге воспоминаний, как мы с Рэной оказались в Нижнекамске на 50-летнем юбилее П.А. Он не хотел ничего знать и грозился исключить нас из списка своих друзей, если мы не прилетим на его юбилей.

Мы часто бывали у Верновых в гостях, когда они переехали в Москву в связи с его назначением на должность Начальника Технического Управления Миннефтехимпрома. Мы хорошо проводили у них время. Застолья всегда были без вычурности, просты и душевны, как и сами эти замечательные люди. Мы подружились и с их дочерьми. Они также пошли по стопам отца и стали

нефтехимиками. Мы рано потеряли нашего дорогого Павла Александровича. Ему бы ещё жить и жить... Но его буквально за считанные месяцы скосил рак лёгкого. По завету П.А. он был похоронен в Нижнекамске, которому он отдал все силы своих лучших лет жизни. Его провожал в последний путь весь город. Вечная память нашему дорогому Павлу Александровичу, замечательному человеку и большому инженеру!

Мы с Алевтиной Петровной ещё виделись в Нижнекамске в 2006 году, когда мы прилетали в Россию на 50-летие окончания мною Казанского химико-технологического института. Мы и по сей день поддерживаем с Алевтиной Петровной наши дружеские отношения, изредка перезваниваясь по телефону. Наташа стала доктором технических наук, вышла вторично замуж и переехала в Москву к маме ближе. Вера тоже сейчас живёт в Москве, поддерживая маму.

Валентина и Владимир Пучкины

С семьёй Пучкиных меня также связала работа. Володя был начальником Управления Капстроительства НКНХК. Пик нашей дружбы приходится на 60–70-е годы, годы большого строительства на Нефтехимкомбинате. В то время там велось большое строительство, когда почти каждые 2–3 года пускались в эксплуатацию крупнотоннажные производства. На площадке Комплекса нефтехимпроизводств строились комплектно закупленные установки, такие как окись этилена, альфаолефины, ПАВ, пиролиз бензина с получением этилена, система этиленопроводов на Салават и Казань и ряд других производств. В это время центр тяжести моих командировок перешёл с технологического направления

на капстроительство. Эта область находилась в компетенции В.П. Белова и В.М. Пучкина. Первый был Зам. Генерального по капстроительству, а второй, как я писал выше, был Нач. Управления капстроительства. Как-то так получалось, что мы больше времени проводили с Пучкиным, решая наболевшие текущие проблемы. Это и сблизило нас. Его искренность и доброта проявлялись во всём его облике и поведении, что мне очень импонировало. Мне нравилось, как он решал вопросы, возникающие в процессе строительства, как он взаимодействовал со своими подчиненными и работниками СМУ. Всегда открытый, правдивый, честный, готовый к диалогу на равных, без диктата, желающий всегда помочь тебе. Володя был человек высоких нравственных и человеческих качеств. Со временем он нравился мне всё больше и больше. У нас бывали споры, обсуждения, недопонимание, но, в конечном итоге, мы всегда находили решения, устраивающие обе стороны. Наши отношения, я бы сказал, взаимноуважительные и приятельские, несколько охладились во время работы В.М. на посту мэра города Нижнекамска. Но и там он в каждый мой приезд в Нижнекамск выкраивал время пообщаться со мной. Я, со своей стороны, всячески старался ему помочь в его повседневных заботах, связанных с городским строительством. В частности, мы совместно решали вопрос финансирования строительства гаража для транспортной службы города. В последующие годы В.М. перешёл на работу Гендиректора совместной советско-американской компании ПРИС, обеспечивающей предприятия отрасли качественной арматурой и средствами автоматики. В последующем, в связи с моей эмиграцией в Израиль (1991год) наши отношения прервались. Однако, что удивительно, много лет спустя уже в новом тысячелетии они возобновились вновь! В 2006 году, будучи

в России, мы были приглашены В.М. пожить у него в семье. Мы с Рэной с удовольствием это предложение приняли и были вознаграждены тёплым и душевным приёмом. Володя прислал за нами машину в Казань и через 5 часов мы были в Нижнекамске. Путь из Казани в Нижнекамск стал короче, благодаря построенной в районе Набережных Челнов Камской ГЭС, исключив речную переправу с правого на левый берег реки Камы. Город Нижнекамск разросся, похорошел. Появилось много новых интересных зданий, зелёных насаждений, цветов и асфальтированных дорог. В то время в городе уже жило около 230 тыс. человек. Нижнекамск по количеству жителей стал 3 городом в Республике после Казани и Набережных Челнов. А по значимости в сфере нефтехимии – на первом месте не только в Республике, но и в России. Нижнекамскнефтехим превратился в современный, крупнейший в Европе нефтехимический комплекс, поставляющий свою продукцию во множество стран мира. Возвращаюсь к нашему визиту к Пучкиным.

Мы были очень тепло и радушно приняты в их доме. Дом просторный, многоэтажный, современной постройки, с отличным европейского уровня дизайном. Дом прекрасно расположен на высоком берегу Камы, недалеко от речной пристани "Красный Ключ". Из дома открывается замечательный вид на акваторию реки. При доме большой, ухоженный участок, на котором Володина жена, Валентина Викторовна, воплощала свои дизайнерские задумки в цветоводстве и огородничестве. Познакомившись с ней, мы с Рэной поняли истоки Володиной душевности, открытости и скромности. Так устроена наша жизнь, что мужчина видится через призму с рядом шагающей с ним по жизни женщиной. От этого порой жизнь или возносит мужчину, или низвергает его. В нашем случае Володе несказанно повезло в жизни, что рядом с ним оказалась Валентина Викторовна. Она была совершенно

неординарным человеком большой души. Она писала стихи, отлично рисовала. Все стены в их доме были увешаны её талантливо написанными картинами. Она была верной помощницей Володе во всех его делах. Она отлично вела дом и заботливо пестовала своих детей и внуков. Она нам очень понравилась. Семья Пучкиных была на высоте и, оказывая нам своё дружеское расположение, носилась с нами как с "писаной торбой". Во время нашего пребывания в Нижнекамске мы повидались с семьёй Верновых. Я повидался с Зеленовым, бывшим гендиректором шинного завода, Николаем вторым, как тогда в былые годы называли этого замечательного человека. Мы вместе с Володей съездили на могилу П.А. Вернова, отдав дань памяти нашему дорогому другу. Я побывал в Управлении капсторительства и мило поговорил с его сотрудниками, которые ещё помнили наши боевые, огневые годы. Я побывал на моём любимом детище, заводе бутилкаучука у Равиля Тагировича Шияпова. Там я был приятно удивлён огромным прогрессом в работе завода, который стал серьёзным источником материального благополучия комбината. Время пролетело незаметно, и наступило прощание. Мы на машине вновь отбыли в Казань. Спасибо Нижнекамску, Нефтехимкомбинату, семье Пучкиных и конкретно Володе за доставленное удовольствие побывать в городе, где прошла большая часть моей сознательной жизни! Мы и в дальнейшем поддерживали наши дружеские отношения, часто перезваниваясь. Нас как обухом по голове ударило известие о невозвратимой Володиной потере: Валентина Викторовна преждевременно ушла из жизни. Мы представляем, какой это был жуткий удар для Володи. Мы знаем, что он продал дом и переехал в Казань, к своим детям поближе. Видимо, он не мог оставаться в том доме, где всё напоминало ему о его дорогой супруге. Мы продолжаем наши дружеские отношения, изредка позванивая в Казань.

“И сокращаются любые расстоянья,
Когда...звонит сердечный друг.”

Владимиру Михайловичу Пучкину

Разбросала судьба нас по шарику,
Видно писано так на роду,
Но тебя, дорогого товарища,
Я забыть никогда не смогу.
Мы дружили с тобою без корысти,
Выпивая, не рвали рубах.
Жить старались по чести, по совести
И крепчали в суровых “боях”.
Сколько нами дорожек протоптано
Сколько нами раскручено дел,
Ничего не забыть мне из прошлого,
Как бы памятью я не слабел.
И прикончив, Володя, полтинничек,
Ты, добрейшей души человек,
В полной силе встречаешь шестинничек,
Никого не обидев вовек.
Как не жаль, но при всём при желании
Я обнять тебя, друг, не смогу.
Но сегодня, поправ расстояния,
За тебя я бокал подниму.
Недоступно любым расставаниям,
Чтоб родство наших душ отравить,
Наша дружба прошла испытания,
И её никогда не убить.
Я желаю тебе процветания,
Полной чаши, успеха в делах,
Счастья, радостей, долгого здравия,
Мирной жизни на Камских брегах!!

Валентине Викторовне Пучкиной

Хоть недолго мы Вас знаем,
Но скажите, почему
Мы о Вас подчас скучаем,
Будто мы у Вас в долгу.
Нет, не часто мы встречаем
Тех, кого мы чтим добром,
Мы Вас часто вспоминаем
И чудесный камский дом.
Ваша прелесть в том видна,
Что она везде и всюду,
Ваша жизнь заключена,
Чтоб добро посеять людям.
Вы во многом преуспели,
И природа к Вам добра,
Обаять Вы нас сумели
И пронзили нам сердца.

Тамара и Володя Беловы

С семьёй Беловых я познакомился также благодаря моей работе. Володя работал Замом Генерального директора НКНХК по капстроительству, и мне по роду моей деятельности приходилось с ним решать массу вопросов, возникающих в ходе строительства. Мы отлично сотрудничали, понимали и уважали друг друга. При спорах В.П. со строителями я всегда стремился помочь Володе выиграть сражение. Он ценил эту поддержку и всегда

оказывал мне знаки внимания. Я помню наши (вместе с Толей Барановским) преферансные "бои" у него в доме. Как радушно и тепло нас принимала Тамара. Как она потчевала нас своими деликатесами. Мы в их доме отводили душу и вспоминали свои дома. Володя – очень цельный, волевой и справедливый человек. Через него я познакомился со многими руководителями строительства: Е.Н Королёвым, Чигарьковым, Гольдбергом, Милявским и многими другими. Володя мне импонировал своей целеустремлённостью и деловитостью. В нём было что-то заложено, что делало его схожим с пунктуальными немецкими и деловитыми американскими руководителями. Он всегда был очень конкретен, корректен и немногословен. Его слову строители и монтажники верили и порой выполняли работы, на которые только вслед за этим оформлялась сметная документация. Он прекрасно справлялся с проблемами капитального строительства НКНХК, несмотря на огромный его объём. Его очень уважали сотрудники управления капстроительства и коллеги по работе.

Совершенно логичным мне показалось приглашение его на работу в Миннефтехимпром на должность Главного механика.

Володя, работая в Каме, оказывал мне помощь в хозяйственных делах. Я помню, как во время моей очередной командировки Володя предложил мне посодействовать в приобретении "Жигулей" 5-й модели. Я в это время ездил на "Жигулях" 1-й модели, прообраз Фиата 124, и он меня в принципе устраивал. Но 5-я модель! Предел моих мечтаний! Но на 2 тысячи рублей дороже! Я заколебался. Но Володя настоял на своём, снабдил меня деньгами и помог приобрести эту машину. Конечно, эта машина была другого качества и формата, чем первая модель. Но моя супруга ужаснулась, узнав, что эта машина, кстати, понравившаяся

ей, на 2000 рублей дороже. Мы поднапряглись, в чём-то подзажались и вернули Володе долг. Мы, в свою очередь, помогали семье Беловых, чем могли. Например, у нас на Щербаковской какое-то время жил их сын Андрей, когда он поступал в институт. Мы были и дальше дружны, когда Володя переехал в Москву. Я помню наш поход в ресторан (не помню какой) с Толей Барановским по случаю вступления Володи в должность Главного механика Министерства. Мы поддерживали дружеские отношения и далее до моей эмиграции в Израиль. Я бывал в дальнейшем в Москве в 1993, 1995 и 2006 годах, но только в 2006 году мы свиделись. Мы с Рэной побывали у Беловых в их доме. Володя прислал за нами машину, и мы прибыли к ним. Мы мило пообщались, повспоминали, пображничали, пофотографировались и распрощались. Мы порадовались за Беловых, за их понравившийся нам дом. Как нам показалось, очень удобный и хорошо спланированный. Нам очень понравился прилегающий к дому садовый участок с кустами прелестных цветов. Володя в то время был Генеральным директором какой-то советско-американской компании. Мы и сейчас с Володей дружны, общаемся изредка по скайпу и обмениваемся новостями по электронной почте.

23. Некоторые эпизоды жизни

1. Врам Сергеевич Багиров

Эта история относится к 60-м годам прошлого столетия и связана с проектом 2-й очереди строительства НКНХК.

Багиров в то время работал Начальником Управления Капитального строительства Миннефтехимпрома

СССР. История развивалась так: Я сижу у Багирова в его кабинете. Он разговаривает в кавказской манере с кем-то из отдела химии Госплана СССР. Я сижу и слушаю. Он убеждает оппонента: "Понимаешь, дорогая, мы построили полимерную часть, а мономер для него забыли!?" Он кончает говорить, вешает телефонную трубку и говорит мне: "Поезжай в Госплан, я договорился". Я приезжаю в Госплан, иду в отдел химии к этому эксперту. Это оказалась женщина средних лет, с умными глазами. Она говорит мне, что ваш Багиров что-то путает. Они что, не понимают что ли, что дивинил идёт на производство полибутадиеновых каучуков, а не на производство полиизопренового каучука СКИ-3, строящегося в Нижнекамске, и заворачивает меня обратно к Багирову. Финал этой истории известен. Лишь после выхода Постановления СМ СССР в 1969 году, разрешившего министерствам утверждать проекты, Миннефтехимпром утвердил проект 2-й очереди комбината, и стройка ожила.

2. Ованес Георгиевич Мурадьян, Начальник Главкаучука

Эта история относится к 1976 году. Действие происходит в приёмной Президиума Верховного Совета РСФСР.

Мы ожидали церемонию награждения. Мурадьян и я получали ордена Трудового Красного Знамени. Собралось много народа. Все ждут. О.Г. нервничает, он не привык терять время впустую и шлёт меня в секретариат узнать, когда же начнётся церемония награждения. Но я же не могу проникнуть в "святилище"! О.Г. ругается и мелкими шажками, переваливаясь с ноги на ногу, вертится на месте (он всю жизнь страдал от перенесённого в детстве полиомиелита). Он обзывал меня трусом и

говорил, что я не ГИП, что я слишком законопослушен. Наконец, нас пригласили на церемонию награждения. Были речи, вручение орденов. Длилась эта процедура более двух часов. О.Г. видимо, считал это время невосполнимой потерей при его загруженном до предела графике. Поэтому он с "космической" скоростью понёсся к машине и умчался обратно в Министерство на работу.

3. Знакомство с О.Г. Мурадьяном

Начало 70-х годов. Гостиница "Пекин" (Москва). В этой гостинице любил останавливаться Гендиректор НКНХК Н.В. Лемаев. Однажды мы с О.Г. были у Лемаева и что-то обсуждали. О.Г. попросил меня купить пару бутылок коньяка. Я пошёл искать коньяк, но кроме грузинского найти ничего другого не смог. Как же меня ругал О.Г.: "Как ты посмел принести грузинский коньяк! Ты что, не знаешь, что я пью только армянский коньяк. Грузинский коньяк – это помои." Финал истории был таков: он меня выгнал и "погнал" за армянским коньяком, который я смог купить только в магазине "Армения." Этот коньяк ему понравился, и О.Г. простил меня. Каков Орёл, а?

4. Паоло Странео, Вице-президент итальянской компании "Прессиндустрия"(Милан)

Гипрокаучук сотрудничал с "Прессиндустрией" долгие годы и имел с фирмой тесные дружеские отношения. Мы совместно проектировали установку ПАВ (производство поверхностно-активного вещества) для НКНХК. Кроме того, эта компания изготавливала и поставляла полимеризаторы для производства бутилкаучука на Нижнекмснефтехиме. С этой же компанией Тобольский

НХК создал совместное предприятие “Совбутитал” по производству бутилкаучука и галобутилкаучуков. Гипрокаучук совместно с дирекцией Тобольского нефтехимкомбината и Управлением внешних сношений Министерства готовил всю необходимую документацию к этому контракту. Всю техническую документацию фирма “Прессиндустрия” отправляла в Москву в специальных деревянных плоских ящиках. Боссы Гипрокаучука договорились со Странео, что в очередной отправке техдокументации итальянцы вложат несколько бутылок вина. Документация поступила в Москву в декабре месяце, когда стояли крепкие морозы. Ящики с документацией поступили на склад в Бутово, и их нужно было растаможивать и что-то платить за хранение груза. Гипро не мог быстро преодолеть все формальности, и груз простоял на морозе дней 7. Когда техдокументацию доставили в Гипро и мы в узком кругу раскрыли ящики и вынули бутылки с вином, то, к нашему огорчению, у большинства бутылок донышки просто отпали, и вино полилось на пол. Целых бутылок оказалось до обидного мало – 5-6 штук из 20. Слёзы застилали глаза, хотелось выть и материться!

5.Александр Павлович Кузьменко, Зам. Гендиректора НКНХК по капитальному строительству

Во время командировок, в первые годы, когда в Нижнекамске не было гостиниц, я останавливался в квартире комбината. На этой же лестничной площадке ещё было две квартиры, принадлежавшие комбинату. В то время, о котором я рассказываю, у меня со строителями был какой-то междусобойчик. Мы прилично посидели и выпили, но, как всегда, казалось, что мы не добрали и

не допили. Тогда я всю компанию пригласил к себе, благо алкоголя у меня в холодильнике было предостаточно. Нас было человек 6–8. Мы о чём-то говорили, травили байки и анекдоты. Видимо, говорили громко. Вдруг к нам врывается Кузьменко, он оказывается "ублажал" Сивакова в соседней квартире и препротивным, командным, менторским тоном приказал нам прекратить шуметь. Такой наглости я как хозяин квартиры стерпеть не мог и послал его, куда следует. Он, как ошпаренный, вылетел из моей квартиры, хлопнул дверью и исчез. Конечно, мы все были под шафе, но так вести себя Кузьменко при уважаемых строителях было непозволительно. Я почувствовал, что мои друзья-строители на моей стороне и что они одобряют мой поступок. Но как дальше жить и работать? Ведь мы повязаны большим общим делом и зависим друг от друга. Лучше всех это понял Сиваков: он был тогда в ранге Зам. Нач. Главка по капстроительству и Председателем Госкомиссии, принимающей объекты от строителей в эксплуатацию. Он вошёл к нам и стал меня уговаривать зайти к нему (где был Кузьменко) и помириться. На это я ответил полным отказом и настаивал, чтобы Кузьменко пришёл к нам и извинился перед честным народом. Мы долго спорили об этом инциденте, и компромисс нашёлся. Мы собрались все в квартире Сивакова и пустили по кругу чашу мира с водкой. Каждый хлебнул из неё, и мир был восстановлен.

6. Нижнекамск, 70-е годы

Под Ноябрьские праздники лечу домой, как всегда, через депутатскую комнату аэропорта. Вылет всё время задерживается. Наконец, объявили посадку, и мы взлетаем. В компании со мной доктор хим. наук Масагутова из

НИИШПа и какой-то чин из Профсоюзов (прилетал награждать комбинат чем-то). Перед отлётом Н.В. Лемаев нагрузил меня праздничной посылочкой солидных размеров для Замминистра (фамилию подзабыл). Мы летим в Москву. Торопимся успеть за праздничный стол. Вдруг нам объявляют, что в Москве дикий туман, и мы будем садиться в Питере (Пулково). Садимся. Нас как VIP проводят в депутатскую комнату. Мы в растерянности. Хотим быстрее попасть домой, но в Москву ничего не летает. Москва закрыта из-за жутких погодных условий. Мы нервничаем, обсуждаем ситуацию и думаем, а не поехать ли нам поездом? Никто не знает, как долго Москва будет закрыта. В депутатской всё время какое-то движение. Люди прилетают, улетают. Обслуга суетится. Вдруг мы узнаём, что вроде один рейс сейчас должен будет лететь в Москву, но с иностранной делегацией английских шахтёров. Нас троих подсаживают на этот рейс, и мы летим. Я такого полёта больше не испытывал. Весь самолёт был превращён в бар. Англичане были все здорово навеселе. Смех, шум, галдёжь. Их предводитель (здорово пьяный) всё время носился по самолёту и всем подливал виски. Они что-то орали, пели, шумели и галдели. И так целый час, пока мы не приземлились в Шереметьево. Когда мы вышли из самолёта, мы не могли понять, как пилоты не промахнулись и аккуратно посадили самолёт. Тумана такого я в жизни больше никогда не видел. На расстоянии 10 метров не было видно ничего. Домой я добрался на частнике, который ехал со скоростью 15–20 км в час.

7. Нижнекамск, 60-е годы

Я с Толей Барановским (нач. строительного отдела Гипро) возвращаемся домой из командировки. Зима. Всё в

снегу. Настоящий буран. Но лететь-то надо, и мы едем в аэропорт. Ждём. Объявляют: вылет переносится на следующий день. Что делать? Ехать в Каму обратно не хочется. Решаем переждать в Набережных Челнах. Звоню начальнику строительства Камской гидроэлектростанции (фамилию забыл). Я с ним был знаком по стройке в Каме. Хороший, умный, приятный мужик средних лет. После моего звонка он шлёт за нами машину, и мы едем к нему в гости. Он жил один, без семьи. Он только что получил назначение и ещё не успел перевезти семью. У него типичная холостяцкая квартира: кругом разбросаны книги, газеты, журналы, одежда. Он нас радушно принимает: мы пьём, закусываем, разговариваем, травим анекдоты, пишем пульку и ложимся спать. Утром завтракаем. Он едет на работу, а мы в аэропорт. Рейсов нет. Всё замерло. Объявляют: рейс переносится на следующий день. Мы вновь у нашего гостеприимного друга. Опять травим анекдоты, всякие байки и вновь пишем пульку. Всё повторяется. Мы смогли улететь домой только лишь на третий день!

8. Москва, 60-е годы

Я, поступив на работу в Гипро, первое время играл в волейбол за институтскую команду. Тренировался, участвовал в каких-то соревнованиях. Жили мы тогда в Люберцах, и вечером я после тренировок добирался до дома порой от Таганской площади на такси. Обычно набирался полный экипаж: 4 пассажира и водитель. Это было очень удобно и недорого. Если мне не изменяет память, то с каждого седока было по 2–3 рубля. Всё было бы отлично, если бы не одно обстоятельство. В это время в Москве объявился маньяк кавказской национальности. Он ходил по квартирам под видом газовщика с чемоданчиком.

Проникал в квартиры, наносил удар газовым ключём по голове хозяйке квартиры. Она отключалась, и он уносил всё ценное, что было в квартирах. Московская милиция стояла на ушах, но поймать его никак не могла. На выезде из Москвы, у Кольцевой дороги, на всех направлениях были устроены милицейские посты. Милиция проверяла все проезжающие подозрительные машины. Так вот, в этой ситуации меня несколько раз милиционеры выделяли из всех сидящих в машине пассажиров и выводили из машины на осмотр. У них были некоторые основания: я смуглый, примерно одного возраста и роста с маньяком и, вдобавок, с чемоданчиком. Он привлекал особое внимание милиционеров. Каково же было их разочарование, когда они обнаруживали в чемоданчике трусы, тапочки, плавки, полотенце и т.д. "Шмон" прекращался, но я очень неуютно чувствовал себя после него всю оставшуюся дорогу до Люберец. На меня другие пассажиры подозрительно косились, в машине повисала тишина и разливалась нездоровая отчуждённость. К слову говоря, этого маньяка арестовали в Казани. Его сняли с поезда Москва-Казань на вокзале по прибытии в Казань. Оказалась, что его любовница жила в Казани, и он направлялся к ней. Его фамилия была, кажется, Оганесян. Он проходил в МУРе под кодовым названием "газовщик".

9. Гипровский садовый кооператив, Москва, 70-е годы

Мы снимали на лето дачу у Лидуши Панчешниковой (как мы её величали), профессора из Московского Пединститута. Она там жила с дочкой Леной. Дача находилась по Казанской ж.д. в Ильинском, недалеко от Малаховки. Рэне было от института "рукой подать",

а я мотался на “Жигулях”. Там было приличное озеро, в которое было приятно окунуться после московской жары и духоты. Дача стояла в сосновом лесу. Воздух был чист, как слеза ребёнка. Мы очень сдружились и частенько по вечерам любили чаёвничать на их веранде. Я не помню, по какой надобности мне приспичило поехать в Гипровский садовый кооператив. Не помню точно, где он находился. Но мне помнится, что я помчался туда посмотреть на продающийся участок. По стечению обстоятельств на следующий день, в понедельник у меня планировался вылет в командировку в Нижнекамск. Я прикинул, что за 2–3 часа я обернусь и сделаю полезное дело. Но человек предполагает, а Бог располагает. Не доехав до кооператива каких-то 500 метров, машина сломалась: порвался прорезиненный приводной ремень. К счастью, зная их ненадёжность, в багажнике я всегда возил запасной ремень. Но его было необходимо установить! Эта задача для меня оказалась неразрешимой. Помучавшись с установкой нового ремня, я понял, что без помощи я этот злосчастный ремень не смонтирую. Я пешком пошёл в Гипровский кооператив и, встретив там знакомых ребят, попросил помочь мне. Несколько человек из кооператива и я затащили мою машину в кооператив и стали колдовать над установкой нового ремня. Время шло к сумеркам, затем к вечеру и далее к ночи. А ремень никак не монтировался. Лишь к 11 ночи мы его установили на его законное место, и я стремглав помчался обратно в Ильинское, на дачу. Рэна и Лидуша испереживались из-за моего отсутствия, не зная, что и подумать. Ведь тогда не было мобильных телефонов, и я не имел возможности связаться с ними. После всех треволнений я уснул, как ребёнок, а утром сел в машину и поехал в Домодедово.

10. Алик Рохгендлер, мой сокурсник по КХТИ

Москва. 70-е годы. Лето. Мы большой командой едем в командировку в Нижнекамск. Алик с кем-то из своего Института автоматики (Рустави) решил к нам присоединиться (их институт принимал участие в разработке АСУТП для НКНХК). Мы планировали добираться до Казани поездом, а из Казани до Нижнекамска пароходом. Мы с Аликом давно не виделись, и нам хотелось наговориться и навспоминаться за время этого путешествия, а заодно налюбоваться волжскими и камскими просторами. Но злой рок все наши планы перечеркнул. А было всё так. Я полдня гонялся по Москве в поисках апельсинов. Мне очень хотелось доставить маме в Казани радость не только своим появлением, но и привезти крайне необходимые ей для здоровья цитрусовые. Но мои поиски оказались тщетны. И вдруг мне звонит Алик (он жил в гостинице "Россия") и говорит, что у них в буфете есть апельсины и что он их мне купит и привезёт на Казанский вокзал к поезду. Я не помню, почему мне захотелось это сделать самому, и я помчался к Алику в гостиницу. Перед поворотом с Яузской набережной на Котельническую мне нужно было притормозить перед светофором, где ожидал разрешающего сигнала какой-то старенький "Москвичок". Я начинаю притормаживать, а машина не слушается и продолжает ехать. Я запаниковал. При такой-то в общем низкой скорости (порядка 30 км в час) машина не останавливается, юзом аккуратно въезжает этому "Москвичонку" в зад и останавливается. Выбегает мужик из машины, я тоже, и начинается тот ещё разговорчик. Я предлагал мужику решить всё по-мирному, без привлечения милиции и оплатить ему все расходы по

ремонту машины. Но мужик не соглашался и настаивал на милицейском разбирательстве. Но милиции нет. Так как недалеко от нас с такой же в точности аварией на мосту столкнулись две машины с иностранцами, вся милиция устремилась туда. Мне, понятное дело, муторно: нос машины разбит, радиатор протёк, апельсинов нет, и я отстаю от нашей группы. Наконец, появилась милиция. Актируют. Я кое-как с остановками, чтобы не загубить движок (из-за отсутствия системы охлаждения), добираюсь до дому. Звоню Алику. Все планы летят в тартарары. Мне на следующий день нужно явиться в милицию. Машину нужно загнать на ремонт. Лишь только на третьи сутки я смог вылететь в Нижнекамск вдогонку за нашей группой. А дорогая мамуля, в итоге, не повидала меня и осталась без апельсинов.

11. Нижнекамск, начало 70-х годов

Мы вдвоём с директором Гипрокаучука А.Ф. Зиновьевым направились в командировку на НКНХК. А.Ф. очень любил волжские просторы, и мы свой путь запланировали следующим образом: до Казани поездом, а далее тихоходным пароходом вниз по Волге, вверх по Каме до пристани города Нижнекамска "Красный Ключ." Лето. Красота неописуемая. Плывём по великим российским рекам, вдыхаем корабельные специфические ароматы, радуемся видами бурлящей воды и высоких берегов, наслаждаемся тишиной и покоем, смакуем вкушаемую пищу в корабельном ресторане и отдыхаем на палубе. Приплываем в субботу, на следующие сутки в "Красный Ключ" с желанием два дня провести на отдыхе в уединении. Нас встречает А.П. Кузьменко, зам. Генерального директора НКНХК по капстроительству, и везёт в дом приёмов Комбината, стоящий в лесу недалеко от

пристани. Чтобы мы не скучали, Кузьменко добротно упаковал нас спирным и снедью. В доме, кроме нас, никого не было. Дом – это удобно расположенный в лесу на высоком берегу реки Кама особняк, 2-этажный и с интересным дизайном. В нижнем этаже располагалась гостиная, на втором – спальные комнаты. День клонился к обеду, и мы приступили к трапезе. Понемножку выпивали, кушали и разговаривали. А.Ф. попросил меня включить радиолу и поставить пластинку с чем-нибудь песенным. В доме, как ни странно, оказалась лишь одна пластинка Бориса Штоколова, исполняющего русские романсы. Я включил радиолу, и полились замечательные мелодии в отличном исполнении, очень нравящиеся А.Ф. Мы продолжали трапезничать, как вдруг в доме исчезло напряжение. Радиола встала. Повисла тишина. Рассерженный случившимся А.Ф. приказывает мне петь! Я, мучительно вспоминая слова, начинаю петь, чтобы не расстраивать А.Ф. и заполнить паузу. Я надеялся, что свет дадут быстро, но его дали только через 1.5 часа. Всё это время я пел. Я исполнил всё, что знал, весь свой репертуар: хризантемы, утро туманное, только раз бывает в жизни встреча, гори, гори моя звезда, элегия Масне, однозвучно гремит колокольчик, дорога длинная, очи чёрные, тёмная ночь, шаланды полные кефали и многое другое. Финал был поразителен: А.Ф. уставился на меня и произнёс: “Дурак ты, Кнубовец! Тебе нужно не работать у меня в Гипрокаучуке, а идти в консерваторию учиться петь. У тебя есть все задатки стать хорошим певцом”. Ещё немного посидев, дослушав Штоколова, мы отправились почивать. Рано утром я услышал, что кто-то скребётся в мою дверь. Она раскрылась, и я увидел несколько озадаченного А.Ф. в майке и семейных чёрных трусах. Взволнованным голосом А.Ф. сказал, что его костюм исчез! Я открыл свой шкаф и обнаружил, что и мой костюм

тоже отсутствует. Было раннее утро, около 5 утра, день только зачинался, солнышко ласково светило и начинало пригревать. Мы решили спуститься на прилегающую к дому лужайку, надев имеющиеся в шкафах белые банные халаты, и продолжить вчерашнюю трапезу. Посидев на ласковом солнышке около часа, налюбовавшись открывающимися с лужайки видами красавицы Камы, легонько перекусив, мы вернулись в дом и разошлись по комнатам. Заглянув в шкаф, я увидел отутюженные брюки и чистый пиджак. Рядом висела чистая, отглаженная сорочка. Вот это сервис! Я поспешил к А.Ф. сообщить об этом, но навстречу мне уже шёл улыбающийся А.Ф. с вестью о том, что пропажа нашлась и что всё в полном порядке. Так закончились наши треволнения и наступили рабочие будни. В понедельник, поутру, мы уже спешили на Комбинат.

12.Околошахматные истории

Москва. Клуб железнодорожников у трёх вокзалов.
Шахматный турнир имени Чигорина.1971 год.

Наша группа Гипровцев-шахматистов в составе Гольдфарба, Чухрова, Мельцера и меня решила посмотреть на происходящее и отправилась на один из очередных туров. Состав участников турнира был очень солиден, в основном это были гроссмейстеры из разных стран мира. Я не помню точно, кто представлял Союз на этом турнире, но то немногое, что я запомнил, я постараюсь правдиво изложить. Мы обратили внимание на игру пары Бронштейн–Ульман (ГДР) и с интересом наблюдали за развитием партии. Давид Бронштейн в превосходной манере провёл эту партию и заслуженно победил противника, затратив на партию не более часа. Мы наблюдали за происходящим с галёрки, на одном из последних рядов, поднимающихся круто к

куполу здания. Выше нас, на соседнем ряду разместилась какая-то группа мужчин, тоже с интересом наблюдавшая за шахматными баталиями. Бронштейн, пребывающий в прекрасном расположении духа, спустился со сцены в зал и поднялся к этой компании. Мы услышали, как он что-то этим мужчинам рассказывал, при этом отчаянно жестикулируя. Мы стали упрашивать нашего предводителя Изю Гольдфарба, чтобы он попросил Бронштейна рассказать нам о шансах Спасского против Фишера в предстоящем сражении за звание чемпиона мира. Изя выбрал момент и обратился к Бронштейну с этим вопросом. И тут полились откровения Давида Бронштейна не только об этом матче, но вообще о мировых шахматных проблемах. Мы сидели, раскрывши рты, и внимали метру. А он изливал свои идеи и мысли. Он сказал нам, что у Спасского против Фишера нет абсолютно никаких шансов. Он рассказал, что шахматный мир должен быть благодарен Фишеру за то, что он поднял на более высокий уровень как шахматную игру, так и всё, что связано с ней. Он говорил, что Фишер абсолютно прав, что действительно такие мелочи, как цвет шахматной доски и шахматных фигур, имеют большое значение. Он говорил, что, благодаря Фишеру, значительно выросли премиальные гонорары за победы в крупных турнирах. Бронштейн много рассказывал о своих встречах с Ботвинником. Он ругал его, называл сухарём, шахматным прагматиком и рационалистом, противопоставляя себя, шахматного романтика. Мы были потрясены услышанным. Для нас, непрофессионалов, любителей шахматной игры, эти шахматные нюансы были всегда за закрытой дверью. Давид Бронштейн, шахматный гигант, неоднократно бывавший близок к званию чемпиона мира по шахматам, приобрёл после этого в наших глазах ещё большие вес и уважение!

Москва, Гипрокаучук, середина 80-х годов

В конференц-зале была организована встреча с Аликом Рошалем, пресс-аташе А. Карпова. На этой встрече Рошаль рассказал нам о перипитиях матча Карпов–Корчной в Багио (Филиппины, 1978год) на звание чемпиона мира. Встреча затянулась на целых три часа, в течение которых Алик поведал нам о матче и ответил на множество вопросов от плотно заполнивших зал Гипровцев. Он не мог, по вполне понятной причине, ответить только на один вопрос о роли профессора Зухаря в этом матче. Алик очень красиво уходил от ответа, излагая лишь официальную версию о скандалах, сопровождавших этот матч. Но в Греческом зале, где Зиновьев "накрыл поляну", Алик в узком кругу нам всё разъяснил. Оказывается, все большие гроссмейстеры в СССР имели от Спорткомитета прикреплённых психологов. У Корчного в его российской жизни таким психологом был профессор Зухарь. Он (Зухарь) был мобилизован соответствующими службами и включён в состав команды Карпова. Зухарю вменялось в обязанность наблюдать за шахматной игрой и смотреть в переносицу Корчного в течении всех партий в этом матче. Это очень раздражало Корчного. Он нервничал и допускал промахи. Видимо, не просто так Корчной потребовал от организаторов матча установить занавес, отделяющий зал от сцены, где они играли с Карповым. Интересен финал этой истории. После победы Карпова в этом матче Зухарь решил, что это он выиграл это соревнование, и потребовал от Спорткомитета финансовое вознаграждение, на что естественно получил отказ. Его психика стала давать сбои, и на следующий матч он не был включён в состав команды.

24. Как я не стал...

- Директором Гипрокаучука

В начале 80-х годов руководство института, достигнув пенсионного возраста, стало постепенно уходить на пенсию. Началась так называемая номенклатурная чехарда. На роль директора института рассматривались несколько кандидатур: Никандров, Лебедев, Андреев и кто-то ещё. Вдруг меня пригласил к себе Начальник Главкаучука Валентин Васильевич Сазыкин и изложил свой взгляд на замену уходящему Зиновьеву. Оказывается, он метил меня на место Директора Гипро. Он так прямо мне и сказал, что он хотел бы, чтобы я стал во главе нашего института. Это для меня было полной неожиданностью. Я недоумевал, почему Сазыкин хочет меня иметь директором Гипро. Может быть, у него были какие-то свои соображения, связанные с моей многолетней работой совместно с Н.В. Лемаевым, который стал Министром Нефтехимпрома. Может быть, эта связка ему виделась очень перспективной? Я терялся в догадках, но нашёлся, что ответить Сазыкину: я сказал, что он, наверное, забыл, что я – еврей. Но он парировал, заявив, что этот вопрос он решит, что он знает, конечно, что я – еврей, и подчеркнул, что ВНИИСК в Питере возглавляет долгие годы еврей Кормер, и он не видит причин беспокоиться и просит меня лишь дать согласие. Я, подумав, сказал В.В.: "Ну что ж, попробуйте. Я согласен". Мы дружески распрощались, и я покинул его резиденцию. А через неделю он мне позвонил и попросил подъехать. Извиняющимся тоном он мне сказал, что я оказался прав и что мою кандидатуру отдел химии ЦК компартии не одобрил. Так в который раз я убедился, что антисемитизм в СССР находился на государственном уровне. Для меня вся

эта кутерьма выглядела очень странно: ведь я был членом партии с 1962 года, я был проверен и просвечен органами, меня выпускали за “бугор”, я был вполне лоялен к власти, но.... Сазыкину там сказали, что он хочет в Гипрокаучуке развести синагогу!?

Так я не стал Директором Гипрокаучука.

- Главным инженером Тобольского Нефтехимкомбината

Где-то в середине 70-х годов я оказался с Гендиректором Тобольского НХК Дзираевым в аэропорту “Быково”, откуда мы улетали на совещание, проводимое Главкаучуком. Обычно Главк ежегодно устраивал такие совещания руководителей предприятий СК Союза по итогам года и задачам на следующий год. На эти совещания приглашались ГИПы некоторых предприятий. Как ГИПа флагмана нашей промышленности меня всегда Зиновьев брал с собой на эти хуралы. Эти совещания происходили в разных городах, где были заводы СК, на базе которых и проводились эти совещания. Я помню совещания в Тольятти, Ефремове, Нижнекамске и Казани. Мы обедали в Быковском ресторане и поджидали свой рейс. И в это время Дзираев стал меня уговаривать занять место Главного инженера Тобольского НХК, где в то время работал Аркадий Наровлянский, который переходил на работу в отдел химии Госплана Союза. Что я мог ответить Дзираеву на такое серьёзное предложение? Я сказал, что я должен подумать, посоветоваться с женой и только после этого смогу ответить. Сам я загорелся. Я знал об огромной перспективе этого комбината. Об эмиграции тогда мы не помышляли. Мне рисовались радужные картины, но одновременно сверлила мысль о трудностях, связанных с семьёй. Как быть? Ехать одному, а затем перевозить семью? Очень много вопросов возникало в моём воображении, но, в

то же время, привлекали новый статус, большая зарплата, интересная работа, статус второго лица в иерархии комбината и т.д. Во мне бурлили сомнения, но решительный отказ Рэны отправиться со мной в Тобольск, как она заявила, в ссылку, расставил всё по местам, и я отказался от этого предложения.

Так я не стал Главным инженером Тобольского НХК.

- Кандидатом химнаук

В начале 70-х годов, будучи в очередной командировке в Каме, я зашёл в кабинет к П.А. Вернову Он меня, как обычно, с улыбкой встретил. Мы поздоровались, и он попросил секретаршу дать нам чаю с баранками и вареньем. На столе у П.А. я заметил какие-то большого формата книги в синем переплёте. На мой вопрос, что это за книги, П.А. ответил, что это готовые диссертации по нефтехимической тематике. Он предложил мне взять одну из них и защитить её с получением звания кандидата химнаук. Для меня его предложение звучало как-то диковато. Взять чужую работу и выдать её за свою!? Я с моими представлениями о чести и совести не мог не только допустить этого, но даже и подумать об этом. Предложение П.А. я отнёс к разряду шуток и проверки меня на "вшивость". Тема была исчерпана и закрыта. Я отказался.

Кстати, П.А. тоже не позарился на звание кандидата и отказался участвовать в этом фарсе.

Так я не стал кандидатом химнаук.

- Зеком

Проект производства альфаолефинов, выполнявшийся немецким отделением фирмы Дэви Пауэр Гэсс, шёл очень

трудно, с отставанием от контрактных сроков. Фирма, чтобы избежать штрафных санкций, выпустила проект некомплектно со многими "дырами". В процессе рассмотрения проекта мы доказали фирме некомплектность представленного проекта. Фирма после длительных споров была вынуждена с этим согласиться. Фирма дорабатывала проект 1.5 года, а затем представила его на рассмотрение в полном объёме. В связи с этим фирма имела большие финансовые трудности, превысив бюджет на 20 млн. долларов США. Фирма неоднократно обращалась к Советской стороне и просила погасить эту сумму равными долями. Но Миннефтехимпром и Техмашимпорт стояли твёрдо и отказали фирме в этом. Вокруг этого проекта по не понятной мне причине создалась какая-то нездоровая обстановка. Подключился даже КГБ, ища виноватого. Один тип из татарского отделения этой конторы в каждый мой приезд в Каму норовил "приклеиться" ко мне и вызвать на откровенный разговор. Он пытался что-то "нарыть" криминального. Он желал, видимо, раскрыть мою причастность к скрытым махинациям и работе на фирму с получением денежного вознаграждения. Мне его подозрения, его противная манера дознания были отвратительны. Он не понимал, что он одновременно возводит тень на дирекцию НКНХК, то есть на Н.В. Лемаева. Устав от инсинуаций этого типа, я зашёл к Лемаеву и рассказал ему об этом "орле" и его подозрениях. Через какое-то короткое время этого "органиста" как ветром сдуло. Он пропал, и в Нижнекамске я его больше не видел.

Так я не стал зеком!

- Предателем интересов НКНХК

Это было где-то в конце 60-х годов. Направляясь в командировку в Каму, я в поезде Москва–Казань оказался в

одном купе с представителем Мингазпрома. Я не помню его фамилию, но помню, что он был в ранге какого-то начальника, отвечавшего за производство и сбыт сжиженных газов в стране. Этот попутчик (уж не специально ли он оказался со мной в одном купе?) направлялся на Миннибаевский ГБЗ. Он всю ночь не давал мне покоя, уговаривая, чтобы я выбросил из проекта Камы, из его экономической части реализацию пропана, не используемого в Каме. Он долго и настырно пытался убедить меня в рациональности такого решения. Он полагал, что в моём лице он нашёл "лоха", который поверит ему и за какую-то мзду предаст интересы комбината. Он абсолютно не понимал, с кем он имеет дело. Я ни за какие "коврижки" никогда не пошёл бы на сделку с совестью и продался Мингазпрому, предав интересы НКНХК. Он не знал, что пропан со временем станет незаменимым сырьём для производства пропилена и его производных. Этот тип получил от меня полный отказ.

Так я не стал Предателем интересов НКНХ

25. Гипровцы шутят

Юмор, шутки, анекдоты и розыгрыши были непременными атрибутами нашей повседневной жизни в Гипро. В моей памяти отложились некоторые из них.

1. Энергоотдел, Борис Урюпин

Высокий, неразговорчивый, неприветливый, сухощавый мужчина. Настоящий "человек в футляре", он всегда и везде появлялся неизменно с чёрным, старым, потёртым портфелем. Для чего ему был нужен этот портфель, сослуживцы не знали и не понимали. Они обратили внимание

на то, что он никогда его не открывал! Фёдор Кулаков, используя это обстоятельство, решил разыграть Бориса. Фёдор изловчился и каким-то образом сумел незаметно положить в портфель два кирпича. Все с напряжением наблюдали за развитием событий. Однако, Урюпин, как ни в чём не бывало, продолжал таскать за собой всюду свой "уникальный портфель". Он даже не обратил внимания на солидно увеличившийся вес портфеля. Это долго держало в напряжении Гипровцев и было предметом разговоров, сплетен, домыслов и анекдотов. Как всегда, история обросла массой невероятных подробностей. Шутка также внезапно рассыпалась, как и началась. В один "звёздный" момент Урюпин раскрыл портфель и обнаружил там пару красных кирпичей. Он долго ворчал, возмущался и искал автора розыгрыша.

2. Наум Михайлович Староминский, ГИП Ефремовского завода СК

Умный, прижимистый малый, любящий хвалиться своими победами на женском фронте, Наум был педантом, экономным и жадным до тошноты. Он, приступая к работе, всегда на руки натягивал нарукавники, предохраняющие рукава пиджака от истирания. Он работал за столом в общей комнате ГИПов, с правой стороны, у стены. Как-то в обеденный перерыв Фёдор Кулаков, раздобыв где-то вывеску, гласящую "Кабель высокого напряжения!",

исправил только одну букву в слове кабель ("а" на "о"), что привело к следующему предупреждению: "Кобель высокого напряжения!" Это изречение-предупреждение саркастически било в десятку, подчёркивая наумовскую любовь к бахвальству и вранью. С каким остервенением Наум выкорчёвывал эту вывеску, это нужно было видеть!

Он никак не мог её снять. Он кряхтел, пыхтел и ругался с Фёдором. Он смог снять эту вывеску, только пригласив макетчиков со специальными инструментами. Весь отдел содрогался от хохота. Так Наум и прослыл в Гипро как "Кобель высокого напряжения".

3. Тот же персонаж, Наум Староминский

Эта история о коллективном розыгрыше, в котором участвовали, как гласит молва, Фёдор Кулаков и Николай Тихонович Маркович. Они догадались выписать Науму годовую подписку на журнал "Свиноводство". Журналы стали приходить к Науму, что вызвало у него гнев и недоумение. Он пытался через редакцию журнала добраться до авторов этого розыгрыша. Он был возмущён и старался отменить подписку. Но редакция не могла этого сделать, так как подписка была оформлена по всем правилам и оплачена. Приостановить получение журналов могло только лицо, оформившее подписку. Наум продолжал получать журнал, что его приводило в бешенство, но сделать ничего не мог. Весь институт содрогался от хохота. Эта остроумная шутка долго была на устах Гипровцев.

4. Тот же персонаж, Наум Староминский

Зная патологическую жадность Наума, Фёдор Кулаков придумал следующую шутку. Он решил сыграть на его скаредности. Фёдор вышел из института, свернул на Щербаковку и зашёл на почту. Там он обаял молоденькую девушку и заполучил пустой телеграммный бланк, на который напечатал следующий текст: Адрес: Москва Е-318, ул. Щербаковская, дом 7, кв. 65. Кому: Староминскому Науму Михайловичу. Откуда: Ефремовский завод СК. Денежный

перевод на сумму 600 рублей. За внедрение рационализаторских предложений. Отправитель: Ефремовское отделение Стройбанка СССР.

В обеденный перерыв Фёдор положил на стол Науму эту телеграмму, и все находившиеся в комнате стали поджидать с обеда Наума. Наум всегда обедал у себя дома, благо, что его дом находился в паре минут ходьбы от Гипро. Наум пришёл с обеда, деловито натянул нарукавники, и тут вдруг он увидел лежащую на столе телеграмму. Он взял её в руки и стал изучать. Его лицо выражало разные чувства, охватившие его: радость, удовлетворение и осознание свалившегося на него куша. Но вдруг его как бы перекосило. Он понял, что это розыгрыш, и воскликнул:” Фёдор! Сука! Опять разыгрывает меня!” Мы, наблюдавшие за этой картиной, были полностью удовлетворены увиденным и со смаком разнесли по институту эту историю.

5. Сумгаитский завод СК

Ограждение этого «стратегического» объекта было сверхоригинальным. От проходной метров на 20 в каждую сторону возвышался бетонный забор, а далее территория завода была открыта, без ограждения. «Картина маслом!» История развивалась следующим образом: компания командированных Гипровцев подходит к проходной. Фёдор Кулаков берёт у вохровца винтовку. Осматривает её на просвет, глядя в дуло и говорит: “Нужно регулярно чистить винтовку. Ствол очень загрязнён.” И далее, отдавая винтовку ошалевшему вохровцу, говорит: “Эти ребята со мной!” И все проходят на территорию завода без проблем и проверки документов. Вот наглядный пример силы психологического воздействия и раболепной покорности нашего народа к сильным мира сего!

6. Байкальская история

Усолье-Сибирское. Командированные Гипровцы во главе с Главным Инженером института Б.С. Короткевичем в выходной день выехали на Байкал отдохнуть и полюбоваться красотами озера. Компания погрузилась на корабль, который отшвартовался и отправился в экскурсионный рейс по Байкалу. Лето. Солнечно. Тепло, 25–27 °С. Спокойно. Легкий ветерок. Разомлевшие и проголодавшиеся Гипровцы направились в корабельный ресторан. Ознакомившись с меню, они обнаружили в нём “Омуль на гриле”. Все единогласно решили ,что омуль – это именно то, что им сейчас надлежит скушать. А омуля, как сказал официант, сегодня нет ... Не наловили. Кончился. Тогда находчивый Фёдор Кулаков (ГИП по Усолью-Сибирскому) направился к капитану корабля и поведал ему, что компания советских специалистов сопровождает канадского лесоруба (Короткевич с копной русых, растрёпанных, как всегда, волос, по мнению Фёдора, очень подходил на эту роль) в ознакомительном турне по России. Моментально появился омуль. Но Борис Сергеевич был вынужден молчать, так как ему было нельзя выдавать себя и говорить по-русски, а английского языка Б.С. не знал. Короткевич мучился, молчал, но с большим удовольствием ел замечательного, великолепного омуля!

7.Чайковский завод СК, Пермская область, 60-е годы

Группа специалистов Гипро во главе с А.Ф. Зиновьевым

Компания Гипровцев ужинала в гостинице, когда по телевизору сообщили, что Англия стала чемпионом мира по футболу (кажется, 1966 год. Чемпионат проводился в

Англии.) А.Ф., находясь в благодушном настроении, сказал Володе Терехову: «Иди на почту и пошли поздравительную телеграмму Королеве Елизавете по этому поводу». Володя (наивный, часто краснеющий парень, недавно женившийся на Гипровской девушке) пошёл на почту. Вскоре он вернулся обратно и доложил, что телеграмму не приняли, так как они не знают адреса и у них нет международной связи. Однако Зиновьев не принял его доклад, заявив, что ГИП должен быть настойчив и убедителен и не должен пасовать перед трудностями. И вновь послал Володю на почту. Через некоторое время пришёл сияющий Володя с сообщением, что телеграмму приняли, и он оплатил её. Но одновременно Володя был какой-то не очень радостный и выглядел очень озабоченным. Он был задумчив и явно чем-то тяготился. А.Ф. спрашивает его: "Может быть, ты хочешь, чтобы твоя молодая жена прилетела сюда, к тебе". Володя, не почувствовав подвоха, ответил, что он был бы очень благодарен А.Ф., если бы его жена прилетела в Чайковский. А.Ф. снимает телефонную трубку и просит его соединить с Москвой. А.Ф. как бы говорит Галине Давыдовне: «Галина Давыдовна, здесь Володя Терехов просто погибает без жены. Срочно командируйте её в Чайковский к Володе». Вешает трубку и говорит Володе: «Володя, нужно поблагодарить Галину Давыдовну. Иди на почту и пошли ей благодарственную телеграмму». Володя садится, берёт лист бумаги и пишет: «Дорогая Галина Давыдовна! Вы настоящий друг, остро чувствующий супружеские взаимоотношения, в особенности, если они очень свежи и находятся в начальной стадии. Спасибо Вам за заботу и понимание. Целую Володя Терехов». Далее он читает телеграмму всей компании, которая одобрила её. После этого Володя бежит на почту и отправляет эту телеграмму. Финал этой истории был незабываем. В Гипро

переполох. Галина Давыдовна, хватаясь за живот от смеха и потрясая телеграммой, бегала по коридору и всё время восклицала: «Это всё А.Ф. выдумал! Это всё А.Ф. придумал!»

8.

Ю.А.Шмук и С.Н Архаров летели в Сумгаит в командировку. В аэропорту, ожидая отправки рейса, они хорошо пообедали в ресторане и прилично выпили. А затем потеряли друг друга. Объявили посадку на их рейс, а Шмук никак не мог отыскать Сергея Николаевича Архарова. Тогда он обратился к дежурившему по аэровокзалу с просьбой объявить: "Мальчик Серёжа, Ваш папа Юра ожидает тебя у стойки номер 5 аэровокзала". Только находчивость помогла им найти друг друга и благополучно вылететь в Сумгаит.

9. 70-е годы, землетрясение в Румынии

В это время группа Гипровских специалистов была в командировке в Румынии. Вечером, как всегда "весёлые" ребята почувствовали что-то неладное. Отель заходил, зашатался, но устоял. Их, как щепки, бросало в коридоре от стены к стене. Некоторые спрятались под кроватью. Отголоски этого землетрясения были даже в Москве. У нас в квартире, на 15 этаже, закачалась люстра, тахта съехала с места. Из соседней башни живущий там Гипровский народ собрался на первом этаже и решал, что же делать? Ведомая Ю.П. Русаковым группа Гипровцев решила направиться в 31 отделение милиции за разъяснением. Дежурный по отделению их успокоил, сказав: "Товарищи, успокойтесь, не паникуйте, всё наладится. Мы принимаем меры!" Каков Орёл! Наши успокоились и возвратились по домам. Назавтра эта хохма облетела все отделы института.

Хохоту-то было! Ю.П. Русаков снискал славу самого сообразительного Гипровца!

10. Гипрокаучук, 60–70-е годы

В Гипрокаучуке была традиция отмечать все престольные праздники. Во всех отделах накрывались столы. Вино текло рекой. Было много тостов, шуток, анекдотов и розыгрышей. Народ веселился и отдыхал. Затем публика тянулась в спортзал, где обычно проводилось представление институтской самодеятельности (кстати, неплохой), а затем начинались танцы. На очередном диспетчерском совещании Зам. Директора Николай Семёнович Балакирев, потрясая предметом женского туалета, возмущался: “Товарищи! Наведите порядок в отделах. Пусть ваши сотрудницы не оставляют бюсты в туалетах!”

11.

Объявление Галины Давыдовны по селектору: “Мужчины! А, может быть, и женщины! Кто оставил на переходе 4-го этажа кошелёк?”

12. Тобольск, командировка

Дикая жара! Группа специалистов Гипро вернулась с заседания строительного штаба. Покушали и немного выпили. А.Ф. прилёг отдохнуть. Ребята накрыли его простынёй от комаров, а под простынь, у ног, поставили вентилятор и включили его. А.Ф. изобразил на лице крайнее удовольствие, а, когда простынь вздулась, изрёк: “Ероплан, твою мать!”

(Прислал Аркадий Зельцер)

13.

В Гипро было два специалиста с редкими, неординарными фамилиями: Кривоногов и Сухорученков. Они были в составе группы Гипровских специалистов, направлявшейся в командировку в Англию. Их фамилии вызывали крайнее удивление при паспортном контроле, но, несмотря на перепутанные в паспортах их фото, никого не трогали. Они без проблем, спокойно пересекли с этими паспортами российскую и английскую границы в обе стороны, и ни разу никто из пограничников не сделал им замечания. Да они и сами на это не обратили внимание. Это обстоятельство выяснилось только тогда, когда они в Техмашимпорте обменивали загранпаспорта на российские.

14. Случай с Мишей Жислиным

Миша Жислин, хороший, талантливый архитектор, работал в Строительном отделе института. У него намечалась командировка на Тобольский НХК. Перед отлётом он расспрашивал бывавших в Тобольске своих коллег об условиях проживания в Тобольске. Он в первый раз летел в Тобольск и волновался в преддверии встречи с неизвестным ему городом. Миша был домашним парнем. Он редко куда-то выезжал, предпочитая находиться ближе к дому. Ребята, к которым он обратился за советом, решили над Мишей подшутить. Они сказали ему, что по приезду в Тобольск необходимо найти центр города и, идя от городского музея вдоль реки, найти длинное здание, стоящее на высоком берегу, недалеко от кладбища, на котором похоронен Кюхельбекер. Это здание и есть лучшая гостиница города. Миша так и

поступил. Он направил свои стопы по направлению к этому зданию для поселения. Там были ошарашены и на Мишин вопрос можно ли тут остановиться на несколько дней, сказали, что они могут его там остановить и на несколько лет! Как потом Миша выяснил, он пришёл останавливаться в городскую тюрьму города Тобольска! Так незатейливо шутили в строительном отделе.

26. Заключение

Книга окончена. Из задуманной трилогии две книги написаны. Чтобы завершить мои устремления мне предстоит ещё написать об Американском периоде своей жизни. Хватило бы только сил!

В заключение, я хотел бы выразить глубокую благодарность всем кто помогал мне в написании и редактировании этой книги: моей жене Рэне, моему внуку Алексу, моему племяннику Сергею Головач и внучатому племяннику Владиславу Головач. Выражаю также благодарность бывшему Гипровцу Аркадию Зельцеру за написание раздела “Строительный отдел”; Гине Зак за присланный очерк об её отце М.А.Рейтман; благодарю бывших Гипровцев Марину Солюс и Антонину Ванбину за присланные фотографии; благодарю Гипровца Александра Фарберова за присланный альбом “Зиновьев” и “Гипрокаучуку 80 лет”; благодарю Нижнекамца Н.Т.Оболочкова за присланные фотографии.

27. Приложения

Принятые сокращения

Гипро	Гипрокаучук
НКНХК	Нижнекамский нефтехимкомбинат
АСУТП	автоматизированная система управления технологическим процессом
СЭВ	Совет Экономической Взаимопомощи
НИИМСК	научно-исследовательский институт мономеров для синтетических каучуков
ВНИИСК	всесоюзный научно-исследовательский институт синтетических каучуков
АС	атомная станция
ПАВ	поверхностно-активное вещество
ТЭЦ	тепло-электро станция

ТО	Технический отдел
МТО	Монтажно-технологический отдел
БГИ	Бюро Главных инженеров проекта
ОК	Отдел коммуникаций
ОВС	Отдел внешних сетей
ЭО	Энергоотдел
ПСО	Проектно-сметный отдел
ОНТП	Отдел новой техники проектирования
ММПР	Макетно-модельный метод проектирования.
КиА	Отдел КИП и автоматики
ПКО	Проектно-конструкторский отдел
ТОТБ	Технический отдел техники безопасности
ОВТ	Отдел вычислительной техники
ОВ	Отдел вентиляции
ОТЗ	Отдел труда и зарплаты

ППО	Планово-производственный отдел
СО	Строительный отдел
НИЧ	Научно-исследовательская часть Гипркаучука
ЛПРА	Лаборатория перспективных разработок аппаратуры
ЛТЭИ	Лаборатория технико-экономичесских исследований

«Во имя Отчизны,
своими руками
мы солнечный город
строим на Каме»

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о присвоении звания
«ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН
города Нижнекамска»

За большой вклад в строительство Нижнекамского территориально-промышленного комплекса и активное участие в общественной жизни города, постановлением бюро Нижнекамского горкома КПСС и исполкома горсовета народных депутатов от 17 сентября 1982 года присвоено звание

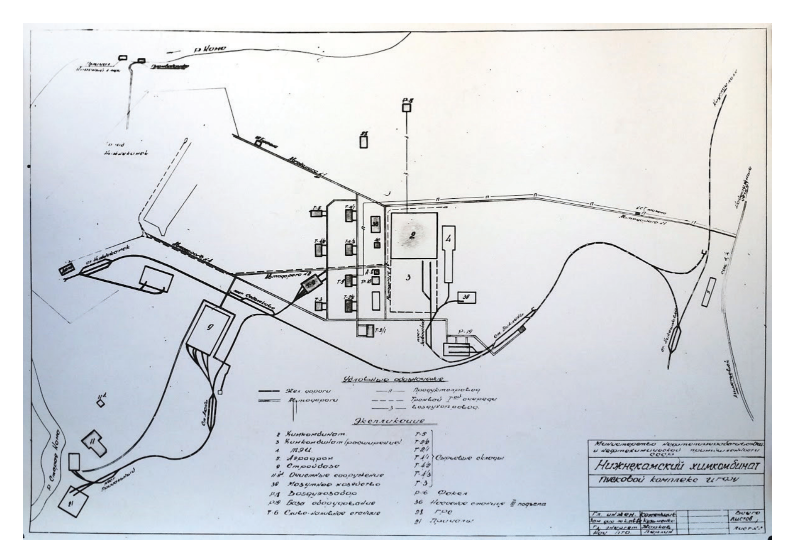
«ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН
города Нижнекамска»

тов. Кнубовцу Леониду Яковлевичу

Секретарь ГК КПСС
И. САДЫКОВ

Председатель
исполкома горсовета
М. ХАСНУЛЛИН

Свидетельство о почётном
гражданине города Нижнекамска

Нижнекамский химкомбинат. Пусковой комплекс ЦГФУ. 1964год

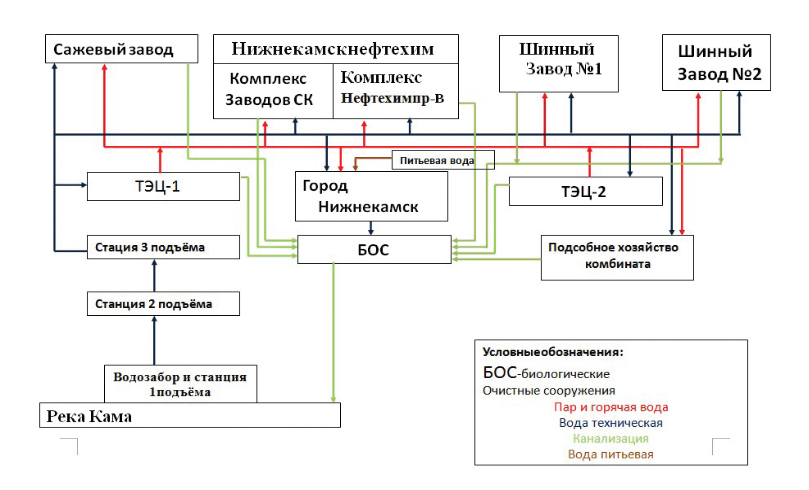
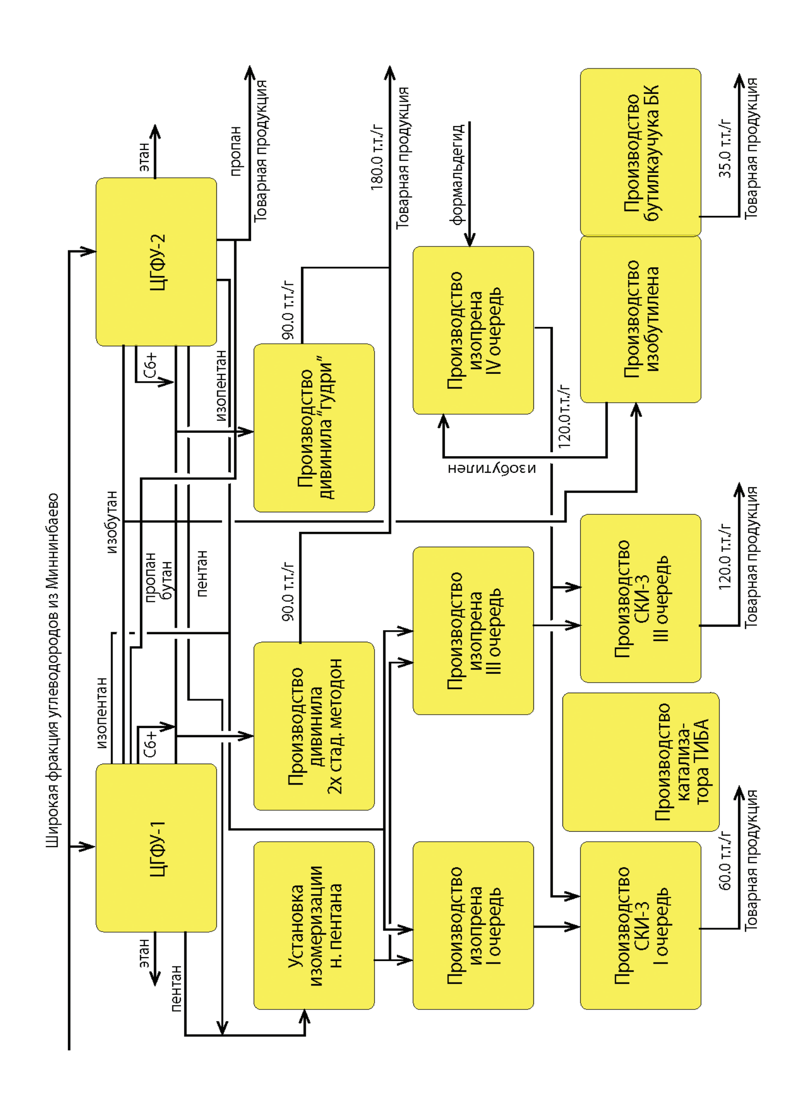

Схема Нижнекамского промузла

Проектная схема технологических потоков

Фотографии разных лет.

ДИРЕКТОР ГИПРОКАУЧУКА
ЗИНОВЬЕВ
АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ
- ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ -

"Наш институт был,
есть и будет
передовым институтом
нашей
промышленности".
Из выступления Александра Федоровича Зиновьева
в конференизале Гипрокаучука
1 июля 1983 года

А.Ф.Зиновьев, Б.С.Короткевич и Ю.А.Шмук.

"Мы знаем Вас и как неутомимого последователя всего нового, передового, прогрессивного. При Вашем активном содействии и поддержке в институте успешно осуществляется проектирование с применением модельно-макетного метода, широко используется вычислительная техника в инженерных расчетах, бескопировальный метод размножения документации, сетевое планирование и управление". (20)

«Дорогой Александр Федорович!
Вы - эпоха для Гипрокаучука, а для проектных организаций всей страны Вы - отец советского макетного проектирования».
(Гипрокаучук. ОНТП)

Макет производства стирола. На фото н/ Чалый

"...возглавляемый Вами институт Гипрокаучук одним из первых в Союзе перешел к широкому применению макетно-модельного метода проектирования, механизации инженерных расчетов с применением ЭВМ, сетевого планирования управления проектированием и многих других современных методов изготовления и размножения технической документации." (15)

ПРИКАЗ

Министра Химической Промышленности СССР

№ [illegible]

[illegible] г. Москва

За [illegible] работу [illegible] Главного механика Главкаучука [illegible] Александра [illegible].

Министр химической промышленности – [illegible]

«Вы заслуженно пользуетесь высоким авторитетом не только среди многотысячного коллектива проектировщиков Министерства химической промышленности, но и среди всех работников, связанных с проектированием и строительством предприятий химии». (97)

«Будьте также инициативны, напористы и принципиальны в работе, жизнерадостны и просты в общении с людьми, каким мы знаем Вас. (Главкаучук)» (29)

«Переход на работу в Главное управление и последующая деятельность на посту Главного механика Главкаучука обеспечили развитие и успешную деятельность ремонтной службы всех заводов промышленности СК и их бесперебойную работу». (53)

«Ваш организаторский талант, блестящие способности и пытливый ум инженера в полной мере раскрылись после назначения Вас директором Гипрокаучука». (53)

Посещение Гипрокаучука Секретарем ЦК КПСС Рябовым Я.П. и Министром МНХП СССР т. Федоровым В.С.

Посещение Гипрокаучука т. Мурадьяном О.Г.

"Где бы мы ни находились: на своем рабочем месте в светлой теплой комнате, в уютной столовой в обеденный перерыв, в прекрасном актовом зале нашего института в торжественные и праздничные дни, в спортзале, где мы укрепляем свое здоровье, на отдыхе в сказочно красивом пансионате "Жемчужина" - мы всегда ощущаем Ваше присутствие". (Гипрокаучук. ЭО)

Спортзал Гипрокаучука

"В нашем институте созданы прекрасные условия для работы, для отдыха, занятия спортом..."
(Коллектив Гипрокаучука)

ул. Щербаковская, 1981 год

Москва, ул. Щербаковская, 35, 1958 год

«Ты первый столб забил на Икше,
Построил храм здоровья там,
Ты рядом приютил актеров
И космонавтам место дал».
(Гипрокаучук. БГИ)

А.Н.Геворкян, Боровков и Елистратова.

С А.П.Никандровым

Премия СМ СССР. Ресторан гостиницы Украина.1973г.

Мы с В.И.Тройно. Гостиница Украина. 1973год.

Пипиков, Марченки, Донская и Крюков. Гипрокаучук.1995г.

РИМ. Колизей.Группа Гипровцев.1979год.

Москва.Гипровцы на демонстрации.Солюс, Надлер и др.

Тройно, Кулаков и Кнапп.Гипрокаучук. 70ые годы.

Леонид Яковлевич Кнубовец (слева),
Юрий Иванович Писулисулин,
Сергей Иосифович Кнапп (справа).

С Е. Нефёдовым и др. в Воронеже.1995год.

С Чакроварти. Фирма Моди. Гипрокаучук.

Дели. На фирме Моди.1987год.

С Нелей Глейберг.США, Чикаго. 2003год.

ФРГ, май 1978 год

Командировка специалистов Гипрокаучука с целью получения первого строительного задания на поставку производства окиси этилена.

А.Ф. Зиновьев
Л.Я. Клубовец

Т.И. [illegible]
[illegible]
Е.В. Овчинников
В.Н. Марченко
Е.С. Попова
А.Ф. Зиновьев
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Л.Я. Клубовец
[illegible]
[illegible]
В.А. Андреев
и др.

г. Кельн. А.Ф. Зиновьев, В.А. Андреев

Дели. Подписание протокола на фирме Моди. 1987год.

Москва. Прессиндустрия. П.Странео и Регина. 80ые годы.

Портофино. Карпенко, Сазыкин,
Туррони и Регина.1985 год.

Саша Фарберов. Сочи.

«За время Вашего руководства институтом были запроектированы, построены и пущены: Сумгаитский, Стерлитамакский, Куйбышевский, Омский заводы СК, Новокуйбышевский, Нижнекамский нефтехимкомбинаты, Уфимский, Куйбышевский и Саратовский заводы ССп и другие».

(Коллектив Гипрокаучука)

«Огромен Ваш личный вклад в дело создания флагманов промышленности СК - Нижнекамского нефтехимкомбината и строящегося Тобольского нефтехимкомбината». (66)

«Ваш выдающийся талант ученого и организатора, Ваша неутомимая энергия позволили Вам создать передовой проектный институт-Гипрокаучук, решающий задачи огромных масштабов и несущий в промышленность новейшие достижения науки и техники». (12)

С директором Нижнекамского Нефтехимкомбината т. Лемаевым Н.В.

«С удовольствием вспоминаем деловые и дружеские контакты с Вами, Вашу неистощимую жизнерадостность». (Нижнекамск. Лемаев и др). (57)

Нижнекамский нефтехимкомбинат

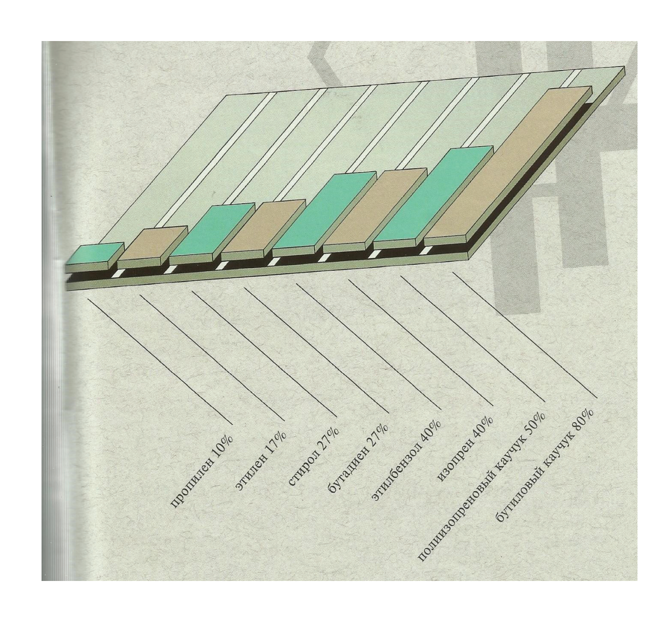
А.Ф.Зиновьев, П.А.Вернов. Нижнекамск. 1979год.

Панорама Нижнекамскнефтехима.

Ректификационные колонны Нижнекамскнефтехима

Сотрудники Управления капстроительства
НКНХК.2006год.

Отъезд Н.В.Лемаева из Нижнекамска.80ые годы.

Нижнекамск. С Лемаевым, Никандровым и Беловым.

С Н.А. Зеленовым.(Экс. Ген.Директор шинного завода.)2006г

Волга.С Петуховым и Васильевым и? Первая командировка на Нижнекамский химкомбинат.1964год.

С Р.Т. Шияповым на заводе БК. 2006 год.

С нашими дорогими друзьями.

Володя Отделёнов

С Гиной Зак. Нью-Йорк.1997г.

Гина и Изя Зак с Сашулей в Реховоте.1994г.

Рэна и Шкуренковы. Загорск.70ые годы.

С Изей Зак в Нью-Йорке.1997г.

С Жанной Отделёновой. Москва.2006г.

Икша.С Нелей и Виктором
Старосветскими. Встреча 1975г.

С семейством Верновых. Нижнекамск. 2006г.

С Пучкиными. Нижнекамск.2006г.

С Беловыми. Москва. 2006г.

С Отделёновыми. Салтыковка. 1990год.

Рэна, Неля и Магалиф с женой. Икша. Встречаем 1975год.

Леонид родился в г. Казани в 1934 г. Там же закончил Химико-технологический институт в 1956 г. по специальности химик-технолог. Работал на Казанском заводе СК, сначала мастером, а затем Заместителем Начальника цеха. В 1963 г. Леонид переехал в Москву, где работал в институте Гипрокаучук, сначала Главным инженером проекта по Нижнекамскому нефтехимкомбинату, а затем Заместителем Главного инженера института. В 1991 году переехал в Израиль, а затем 1997 г. в Америку. Стихи начал писать в 70-ых. В молодости увлекался спортом: волейбол, лёгкая атлетика, бокс, плавание и шахматы. Любит классическую музыку, оперу, балет, старинные романсы и т.д. Женат более 60 лет, имеет дочь и внука.

